

<p>Вестник Сыктывкарского университета (научный журнал)</p>	<p>Серия гуманитарных наук ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ КУЛЬТУРОЛОГИЯ ЖУРНАЛИСТИКА</p>	<p>12+ ISBN 2306-8450 Выпуск 4 2015</p>
---	---	---

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования

<i>Борис И.</i> Международный концерт как особая среда переводческой деятельности	3
<i>Бруцкая Л. А.</i> Спорные вопросы историографии Перми Великой XV—XVI вв.	12
<i>Бунчук Т. Н., Чужмарова А. Ф.</i> Лексико-семантическая характеристика глаголов в говоре села Лойма Прилузского района Республики Коми	24
<i>Волкова Т. Ф., Кириченко М. Н.</i> К вопросу о поэтике патериковых рассказов (на материале печорского списка «Лавсаика»)	35
<i>Лейман И. И.</i> Кейс. Сопровождение проекта поддержки общественных инициатив «Городские легенды» в г. Сыктывкаре Республики Коми	49
<i>Розов А. Н.</i> К вопросу о сословной развлекательной культуре второй половины XIX — начала XX века (праздник в доме священника)	59
<i>Розов А. Н., Розова Д. А.</i> Проявление национального менталитета в поговорках и пословицах и их восприятие в иноязычной среде	65

Сообщения

<i>Кожевина С. Ф.</i> Формирование знаково-символических учебных действий на уроках русского языка	70
<i>Мишарина М. М.</i> Формирование у учащихся умения использовать элементы интонации на уроках русского языка в 5 классе	76

Публикации источников. Обзоры. Материалы. Воспоминания

<i>Бровкина Т. В.</i> Особенности списка распространенной редакции Повести о происхождении табака из фондов Российской государственной библиотеки	89
<i>Волкова Т. Ф., Кириченко М. Н.</i> Несколько новелл «Лавсаика» (из печорского списка Усть-Цилемского нового собрания Пушкинского Дома) (публикация текста)	99
<i>Мелихов М. В.</i> Рукописные сборники печорского старообрядца С. А. Носова: сборник № 9	115

Юбилей

<i>Барсегиан А. А.</i> Культурно-просветительская деятельность Левона Мкртчяна, основателя Российско-Армянского (Славянского) университета	123
<i>Канева Т. С.</i> Андрею Николаевичу Власову — 60 лет	128
<i>Сведения об авторах</i>	139

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина»
(167001, Республика Коми, г. Сыктывкар, Октябрьский просп., д. 55)

Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. Сыктывкар:
Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина. 2015. Выпуск 4. 123 с.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Мелихов Михаил Васильевич — д. филол. н., профессор кафедры русской и общей филологии Сыктывкарского государственного университета.

Заместитель главного редактора:

Доброноженко Галина Федоровна — д. и. н., профессор, зав. кафедрой истории, политологии и социологии Сыктывкарского государственного университета;

Редакционная коллегия:

Волкова Татьяна Федоровна, д. филол. н., профессор кафедры русской и общей филологии Сыктывкарского государственного университета;

Гончаров Игорь Анатольевич, д. филос. н., профессор, зав. кафедрой политологии и международных отношений Сыктывкарского государственного университета;

Лудыкова Валентина Матвеевна, д. филол. н., профессор, зав. кафедрой коми и финно-угорской филологии Сыктывкарского государственного университета;

Канева Татьяна Степановна, к. филол. н., доцент, заведующий кафедрой русской и общей филологии Сыктывкарского государственного университета;

Рыжова Елена Александровна, к. филол. н., доцент, зав. кафедрой журналистики Сыктывкарского государственного университета

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Вестника Сыктывкарского университета:
167001 Сыктывкар, Октябрьский пр., 55
Тел./факс (8212) 43-68-20

Редактор О. В. Габова
Верстка и компьютерный макет Н. Е. Чарковой
Корректор С. Б. Насирова

Подписано в печать 21.12.2015. Дата выхода в свет 30.12.2015.

Печать ризография. Гарнитура Times New Roman.

Бумага офсетная. Формат 70×108/16.

Усл.-печ. л. 12,4.

Заказ № 243. Тираж 300 экз.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНЦЕРН КАК ОСОБАЯ СРЕДА ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ INTERNATIONAL CONCERN AS THE SPECIAL ENVIRONMENT OF TRANSLATION ACTIVITIES

Среда международного концерна отличается наличием особых признаков, оказывающих влияние на ход и результат процесса перевода. В настоящей статье обсуждается специфика переводческой деятельности в этих динамичных и сложных условиях. Исследования проводились на основании опыта переводчиков, работающих для структурного подразделения группы «Мишлен» в Польше.

Ключевые слова: теория перевода, письменный перевод, устный перевод, международный концерт, терминология.

This article presents some problems and competences of a translation/interpreting in the very dynamic and difficult environment of an international concern. The issue has been described taking as examples from an experience of translators and interpreters who works for Michelin Poland.

Keywords and phrases: translation studies, translation, interpretation, international concern, terminology.

Международный концерт представляет собой специфическую среду, причем не только с точки зрения процесса перевода и переводческой активности. С одной стороны, круг деятельности концерна охватывает, в принципе, весь мир, что влечет за собой особую многонациональность, многокультурность и многоязычие его сотрудников. С другой — специфика работы приводит к своего рода изоляции, вытекающей не только из своеобразного образа мышления, но и даже сознания, с которым отождествляют себя лица, связанные с данной компанией (сотрудники, подрядчики и др.), причем эта изоляция практически не связана с физическим местом размещения и функционирования структурного подразделения концерна. Именно поэтому коммуникационная среда международного концерна является для переводчика своеобразным вызовом, требующим от него не только наличия «классических» личностных качеств, коммуникационных, языковых и переводческих компетенций, но и тщательного ознакомления как со спецификой среды, в которой осуществляется перевод, так и с особенностями остальных участников процесса трансляции. Здесь имеются в виду не только отправитель и получатель, но и второстепенные участники, как, например, консультанты-специалисты в данной области или по определенной, зачастую узкоспециальной технологии, авторы и координаторы внутренних глоссариев.

Что касается специфики функционирования, то международный концерн отличается следующими признаками, оказывающими влияние на ход и результат процесса перевода:

а) двойной иерархической структурой:

— территориальной, в которой основное структурное подразделение (штаб-квартира) размещено, как правило, в стране, в которой была основана компания, а критерием распределения нижестоящих (отделы, филиалы) является их географическое положение — это континенты, регионы, субрегионы, страны и др.*;

— параллельной структурой, независимой от вышеописанной, обусловленной видом деятельности организационной единицы;

б) единой политикой концерна, являющейся основной для всех его подразделений, учитывающей, однако, местную специфику, но в пределах именно этого местного периметра;

в) общей символикой, логотипом, графическим оформлением документов и рекламных материалов, маркировкой и др.;

г) постоянным взаимообменом сотрудниками между структурными подразделениями, причем поездки могут быть временными (обучение, стажировки, инструктаж...) или постоянными (направление на работу в другое подразделение на срок, превышающий один год, как правило, в качестве члена руководящего коллектива всех уровней, инструктора, специалиста по новым технологиям и т. д.).

Итак, сотрудник международного концерна может работать в своей родной стране либо за ее пределами, в командировке или в качестве экспата, в то время как он является сотрудником одной и той же компании. Следовательно, в данном структурном подразделении работает многонациональный коллектив, вследствие чего требования в отношении внутренней коммуникации являются особенно высокими.

В отличие от предприятий и компаний «национального» уровня, в международных концернах языковая политика занимает особое место в стратегии деятельности и развития предприятия. Для текущего общения в международном и межнациональном плане в концерне употребляется один официальный язык — как правило, язык страны, в которой был основан концерн и/или размещена его штаб-квартира. Если официальным языком не является английский язык (как, например, в концерне «Мишлен»), то его знание, хотя считается желательным, оказывает второстепенное влияние на продвижение сотрудника. По край-

* Данная структура нередко не совпадает с общепринятым порядком — территории, с географической точки зрения расположенные на данном континенте или в данной стране, в иерархической структуре международного концерна могут зачисляться в другой регион. Такой подход обусловлен главным образом внутренними условиями функционирования концерна, как, например, степень развития его структур на данной территории, уровень производства и продажи, логистические факторы, политика ценообразования, наличие конкурентов на рынке и др. К примеру, в группе «Мишлен», на основании которой велись настоящие исследования, в Восточно-Европейскую географическую зону входят: Азербайджан, Армения, Беларусь, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Россия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Украина.

ней мере официальный язык концерна должны знать те сотрудники, которые хотят продвигаться по ступеням профессиональной иерархии (что, как правило, влечет за собой необходимость непосредственного общения, поездок в другие структурные подразделения). Таким образом, принимая во внимание коммуникационный фактор, сотрудников международного концерна можно разделить на следующие группы:

а) сотрудников, владеющих только родным языком; к данной категории, как правило, относятся сотрудники, которые работают в стране происхождения, занимают рабочие посты низшего уровня, их образование — базовое или среднее профессиональное, не планируют продвижения в структурах компании или недавно начали в ней работать. Они общаются, как правило, со своими непосредственными начальниками (которые тоже работают в стране происхождения), вследствие чего владение иностранными языками, в том числе официальным языком концерна, не является условием, необходимым для работы. В случае необходимости общения с сотрудником высшего уровня (иностранцем-экспатом) или с подрядчиком-иностранцем, не владеющим или слабо владеющим языком страны, в которой пребывает, работник пользуется помощью своего начальника или, реже, — если встреча была заранее запланирована — переводчика. Следует отметить, что переводчики являются, как правило, не постоянными сотрудниками цеха, а подрядчиками, и их услуги необходимо заказать заранее. Если работник вынужден общаться в течение более длительного времени с иностранцами, не владеющими языком страны пребывания (как, например, инструкторы из иностранных структурных подразделений или подрядчики, участвующие в запуске новой машины), или проходит обучение в структурах компании за границей, он пользуется услугами переводчика*;

б) сотрудников, работающих в стране происхождения, владеющих своим родным языком и по крайней мере официальным языком (языками) общения концерна. Это специалисты среднего разряда, с высшим образованием или долго работающие в структурах концерна, они общаются в своей повседневной рабочей деятельности как с сотрудниками, говорящими на их родном языке, так и с иностранцами, не владеющими или слабо владеющими языком страны пребывания (экспаты на начальном этапе пребывания, инструкторы из иностранных структурных подразделений или подрядчики-иностранцы). Свободное владение языком/языками общения компании является для них одним из необходимых условий продвижения (это связано с обучением и стажировками в структурных подразделениях за границей) и впоследствии отправления на длительную поездку в таком структурном подразделении в качестве экспата;

в) экспатов, владеющих родным языком, официальным языком общения в компании и языком страны пребывания. Это, как правило, менеджеры высшего

* Настоящая публикация является одной из первых попыток описания и исследования особенностей переводческой деятельности в условиях международного концерна. Данный вид перевода иногда считается разновидностью перевода в социальной сфере (community interpreting) [1], [2]. Однако ввиду особой специфики деятельности международного концерна на перевод в данных условиях, на наш взгляд, отличается признаками, требующими отдельного, более детального исследования.

звена или сотрудники, направленные в длительную командировку в связи с внедрением нового проекта или обучением сотрудников. Владение языком страны пребывания в момент начала поездки не является необходимым условием, поскольку на начальном этапе в рамках профессиональных обязанностей и в рабочее время такие сотрудники проходят интенсивный, нередко индивидуальный курс этого языка. Кроме того, для общения с экспатом на этом этапе назначаются сотрудники, свободно владеющие официальным языком концерна и/или переводчики, нередко сопровождающие его также и в нерабочее время.

Из вышесказанного следует, что в условиях внутренней коммуникации в международном концерне необходимость в переводе возникает главным образом в случае общения между сотрудником низшего уровня, владеющим только родным языком, и экспатом, или сотрудником (подрядчиком), временно пребывающим в данной стране. На самом деле круг деятельности переводчика в условиях деятельности международного концерна значительно более широк. Прежде всего, функционирование этой чрезвычайно сложной структуры опирается на постоянный и многосторонний обмен огромным количеством информации между структурными подразделениями. Она, как правило, передается в письменном виде, электронным путем, в качестве текущей переписки или как официальная или техническая документация. Документация, предназначенная для международного обмена, всегда передается на официальном языке компании, причем как дополнительная может функционировать также версия на английском языке. Следовательно, все документы, отправляемые в другие структурные подразделения, переводятся на официальный язык. В свою очередь, для употребления в структурном подразделении в данной стране они переводятся на язык этой страны. Кроме того, во избежание неясностей и недопониманий нередко переводится на язык данной страны также текущая переписка, даже если ее адресатами являются сотрудники, владеющие официальным языком общения на уровне, достаточном для понимания ее содержания на языке подлинника.

Вместе с тем нередко возникает необходимость контакта иностранных сотрудников концерна (или самой компании) с внешними учреждениями или лицами. Наряду с чисто официальными контактами (с органами местной администрации, налоговыми службами, судебными органами, загсом и т. п.), где работа переводчика не отличается от типичных условий присяжного перевода, международный концерн, точнее его структурное подразделение в данной стране, активно участвует в общественной, культурной и спортивной жизни города и региона. Это один из элементов политики большинства международных концернов. Нередко сама компания организует популяризаторские мероприятия, на которых выступают члены высшего руководительского состава, как правило иностранцы. Несмотря на то что они знают язык страны пребывания на уровне, достаточном для общения в официальных ситуациях, во время публичных выступлений пользуются помощью переводчика (как, например, в ходе международных встреч на высшем уровне, где присутствие по крайней мере одного переводчика является необходимым). Наконец, организуются официальные визиты в самой компании.

Таким образом, в деятельности структурного подразделения международного концерна перевод применяется в следующих ситуациях:

а) при устном общении между сотрудниками, владеющими только родным языком и работающими в своей стране, и сотрудниками (подрядчиками, гостями и т. п.), работающими за границей и владеющими родным языком (не являющимся языком страны пребывания) и/или официальным языком компании или английским языком;

б) устном общении между сотрудниками, владеющими только родным языком и временно пребывающими в структурном подразделении концерна за границей (стажировки, обучения), и сотрудниками этого подразделения, не владеющими родным языком сотрудника;

в) устном общении между сотрудниками, владеющими официальным языком концерна, если предполагается (самыми сотрудниками, третьим лицом или в соответствии с действующими внутренними нормами), что отказ от перевода мог бы привести к недоразумениям или даже стать причиной серьезных ошибок, оказавших влияние на работу компании;

г) письменном переводе входящей фирменной и технической документации с официального языка концерна на язык страны структурного подразделения;

д) письменном переводе исходящей фирменной и технической документации с языка страны структурного подразделения на официальный язык концерна;

е) письменном переводе текущей переписки с/на язык страны структурного подразделения / официальный язык концерна.

Как уже упоминалось, в условиях международного концерна переводчик сталкивается с ситуацией, нетипичной для стандартного процесса перевода, — оба остальных основных участника, отправитель и получатель, владеют языком как подлинника, так и перевода. С теоретической точки зрения в данной ситуации не существует прямая необходимость в переводе, тем более что отправитель и получатель, в отличие от переводчика, являются специалистами в данной, узкой области. Однако решение о применении переводчика в качестве посредника принимается на основании других неязыковых факторов. Чаще всего присутствие переводчика считается гарантией надлежащей передачи содержания подлинника. Для переводчика, в свою очередь, данная ситуация является весьма некомфортной. Он отдает себе отчет в том, что как процесс перевода, так и его результат постоянно отслеживаются и оцениваются остальными участниками. Это нередко отрицательно сказывается на качестве перевода. Здесь многое зависит от самого переводчика, от того, как он подготовит к участию в процессе перевода отправителя и получателя. Еще до начала перевода каждый из участников должен четко осознать роль и положение, как свое, так и остальных, особенно переводчика. Переводчик осведомляет отправителя и получателя, что он отлично владеет языком оригинала и перевода, но не является специалистом в данной области. Следовательно, он рассчитывает на помощь остальных участников перевода, особенно в области употребления специальной терминологии, пользователями которой, и нередко даже авторами, являются сотрудники-специалисты. Отправитель и получатель, в свою очередь, должны считать себя не

критиками, а консультантами и вместе заботиться о стремлении к достижению как можно высшего качества перевода.

Следует подчеркнуть, что субъязык, употребляемый сотрудниками международных концернов, представляет собой особую разновидность языка специальности. Его функционирование ограничено сферой самого концерна или даже отдельной его части. Кроме того, данный субъязык отличается специфическими признаками лексического и стилистического характера, содействующими общению в условиях многоязычной среды.

Субъязыки международных компаний и концернов отличаются следующими признаками:

а) влиянием официального языка компании, проявляющимся, в частности, в лексической сфере, где наряду с общепринятой отраслевой терминологией функционируют параллельные внутренние терминологические единицы, представляющие собой, как правило, прямые заимствования из официального языка (напр., в речи польских работников шинной промышленности встречаются такие слова, как *baskuler*, *karkas*, *bandaż*. Вышеупомянутые термины — это французские слова *baskuler* < *basculeur*, *karkas* < *carcasse*, *bandaż* < *bandage* с польским произношением, написанием и склонением, введенные в польскую терминологию данной отрасли исключительно для нужд узкого круга пользователей. Они не существуют официально в языке-преемнике или же употребляются в другом значении (*bandaż* 'бинт, повязка');

б) авторы и одновременно пользователи данных терминологических ресурсов — технические сотрудники среднего разряда (технологи, проектанты, конструкторы...). В ходе своей работы они вынуждены придумывать и вводить в употребление названия новых объектов или адаптировать те иностранные термины, которые вошли во внутренний лексикон наряду с «импортом» новых технических средств. Нововведенные термины должны, с одной стороны, соответствовать требованиям языка, в котором будут функционировать, с другой — учитывать коммуникационные требования компании. С коммуникативной точки зрения основными пользователями этого терминологического ресурса являются физические работники низшего разряда, которые не в состоянии общаться ни на каком другом языке, кроме своего родного. С помощью этих терминов они в состоянии договориться, хотя бы в минимальной степени, с иностранными сотрудниками или подрядчиками, которые не знают этого языка, в ситуации крайней необходимости, при временной недоступности переводчика. Именно поэтому образование и употребление таких терминов можно считать вполне оправданным в данном кругу пользователей;

в) новообразования или новые значения уже существующих терминов иногда употребляются, например, только в конкретном цехе, в то время как на одном и том же заводе, но в другом кругу пользователей данное устройство именуется совсем по-другому (напр., *baskuler* и *obracarka*, *bandaż* и *opona surowa*).

Следует упомянуть, что не только в самом концерне, но и на одном и том же заводе практически нет взаимобмена терминологическими ресурсами этого разряда между цехами. Такой подход самих пользователей весьма осложняет работу переводчика, особенно если он, начиная работу в определенном кру-

гу пользователей, рассчитывает на свой опыт, приобретенный во время перевода в параллельно функционирующем цехе. Случается, что в таких условиях употребление уже освоенного переводчиком узкотерминологического словарного запаса приводит к затруднениям в рецепции перевода — получатели-специалисты просто не понимают переведенного текста и требуют дополнительную информацию или даже считают перевод неправильным;

Эти условия в крайней степени осложняют работу переводчика, поскольку стандартные и общедоступные источники являются недостаточными для надлежащего выполнения как письменного, так и устного перевода. Большинство терминов, входящих в лексический ресурс субъязыка концерна, и тем более его отдельных, внутренних терминосистем, не зарегистрировано ни в каких официальных источниках, а употребление словарного, общепринятого термина приводит к нарушению коммуникации, поскольку в этой узкой среде такой термин не ассоциируется с данным объектом. Более того, усвоив лексику данной отрасли или структурного подразделения и составив соответствующие глоссарии, переводчик не может быть уверен, что даже в другом цехе того же завода эта терминология будет понятна специалистам. Терминологическая согласованность приобретает особое значение, в частности в письменном переводе фирменной документации, предназначенной для технических работников низшего разряда, обслуживающих оборудование и производственные процессы, к которым относится эта документация.

Достижение соответствующего уровня терминологической согласованности на уровне данного круга участников и дальнейших пользователей результатов процесса перевода является возможным только в условиях тесного сотрудничества переводчика с отправителем, получателем или их аналогами, выполняющими роль консультантов-экспертов. Консультантом-экспертом может стать лицо, работающее в условиях, тождественных или максимально близких к условиям работы отправителя и/или получателя, пользующееся тем же субъязыком и отличающееся аналогичным объемом знаний и умений общего и специального уровня, связанных с функционированием данной профессиональной среды. Часто консультантом-экспертом является сотрудник компании, непосредственно участвующий в данном проекте и заинтересованный в надлежащем выполнении перевода.

Роль консультанта-эксперта в процессе письменного и устного перевода:

а) консультант-эксперт снабжает переводчика соответствующими терминологическими ресурсами, необходимыми для надлежащего выполнения перевода;

б) консультант-эксперт является источником специальных неязыковых знаний, необходимых для надлежащего выполнения перевода (здесь имеются в виду также сведения о практическом функционировании данного подразделения, в том числе об условных и смысловых сокращениях, значение которых очевидно для сотрудников, но совершенно неизвестно переводчику);

в) в процессе письменного перевода консультант-эксперт выполняет роль верификатора-редактора, проверяя правильность выполненного перевода с терминологической и коммуникативной точек зрения.

Консультант-эксперт должен отличаться следующими признаками:

а) представлять среду, для которой выполняется перевод;

б) обладать языковыми и неязыковыми знаниями в области объекта перевода на языке подлинника и языке перевода (желательно, чтобы консультант-эксперт знал в надлежащей степени оба субъязыка);

в) быть доступным по мере необходимости выяснения текущих сомнений, возникающих в процессе выполнения письменного перевода или подготовки к устному переводу.

Анализируя вышеприведенный набор качеств, можно прийти к выводу, что именно консультант-эксперт является идеальным кандидатом-переводчиком в условиях международного концерна. Как упоминалось выше, такими признаками отличаются технические работники и менеджеры среднего звена, непосредственно участвующие в производственном процессе, работающие с фирменной технической документацией и общающиеся в ходе работы с сотрудниками-иностранцами на официальном языке компании. Действительно, часть переводов выполняют именно такие работники, причем это, как правило, текущая работа или экстренные случаи, и участие переводчика является невозможным по различным причинам — техническим (переводчик недоступен, и нет времени, чтобы его ждать) или экономическим. Однако следует помнить, что такой сотрудник наделен своими обязанностями и у него нет времени, чтобы заниматься переводами.

Переводчики, постоянно работающие в сфере международных концернов, со временем создают круг основных клиентов и связанных с ними консультантов-экспертов. Это приносит пользу обеим сторонам: с одной стороны, клиент-заказчик получает уверенность, что перевод будет выполнен правильно при минимальном участии консультанта. С другой — переводчик уже располагает мериторичными и терминологическими ресурсами (информация о специфике работы данной среды, наличие глоссариев...), необходимыми для выполнения перевода при минимальном усилии и в максимально короткий срок. Наконец, наличие постоянной системы консультантов является для переводчика гарантией быстрого и надежного выяснения сомнений и получения необходимой информации.

Как положительное явление среди специалистов-сотрудников международных концернов следует подчеркнуть инициативу подготовки и постоянного обновления внутренних одно- и двуязычных глоссариев. На заводе «Мишлен» в Польше такие глоссарии существуют уже в более чем половине структурных подразделений и охватывают более или менее широкий круг их деятельности. Работники, занимающиеся их подготовкой, являются обычно консультантами переводчиков. Мы спросили у пяти таких работников — инициаторов систематизации внутренних терминологических ресурсов (из разных структурных подразделений), что послужило причиной для принятия данного решения. Трое из них ответили, что потребность в подготовке таких материалов возникла в ходе сотрудничества с переводчиками и необходимости в снабжении их упорядоченными терминологическими ресурсами. В данном случае инициаторами были переводчики, которые четко определили, в каком материале они нуждаются-

ся и по каким принципам (тематическим) следует их составлять. Двое назвали в качестве инициаторов самих себя. Они ответили, что как люди с техническим, аналитическим складом ума стремятся к систематизированию всего, что связано с их работой. Помимо сотрудничества с переводчиками, они используют свои материалы для обучения новых работников и для собственных нужд.

Итак, работа в международном концерне представляет собой особый вызов для переводчика. Кроме языковых и неязыковых факторов, названных в настоящем тексте, следует упомянуть, что переводчик (особенно устный) работает, как правило, в условиях, типичных для данного подразделения. Шум, высокая или низкая температура, неудобства и угрозы, вызванные ходом процесса производства, — все это требует от переводчика строгого соблюдения внутренних норм и правил по охране и безопасности труда (например, применения средств индивидуальной защиты — специальной одежды, обуви, очков и др., перемещения исключительно на специально назначенных дорожках...). Кроме того, сам переводчик должен знать, как подготовиться к работе в условиях заводского цеха: одеться соответствующим образом (про светлый костюм и туфли на каблук лучше забыть), ознакомиться с топографией завода, цеха или его сектора, административными процедурами входа и выхода, получить номера телефонов контактных лиц и т. п. Сами переводчики неоднократно выражают мнение, что все эти факторы весьма отрицательно влияют на комфорт и, следовательно, на качество их работы, особенно если переводчик сталкивается с ними внезапно в ходе работы. Поэтому они, перечисляя качества переводчика, на первом—втором месте называют устойчивость к стрессу, в то время как у «незаводских» переводчиков она ставится ниже, уступая место, например, профессиональным навыкам перевода, высокому уровню грамотности, знанию культурологических реалий, личной организованности или способности к самоконтролю.

* * *

1. Baker M., Saldanha G. Routledge Encyclopedia of Translation Studies. Taylor & Francis, 2011.

2. Tryuk M. (ред.) O tłumaczach, prawnikach, lekarzach i urzędnikach. Warszawa: Bell studio, 2009.

**СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ
ПЕРМИ ВЕЛИКОЙ XV—XVI ВВ.****CONTROVERSIAL ISSUES OF ISTORIOGRAFII
GREAT PERM XV—XVI CENTURIES**

В представленной статье на примере русских летописей XV—XIX веков анализируются спорные вопросы историографии Перми Великой XV—XVI столетий. Показано, что изучение русских летописей, освещающих этот период, необходимо делать с учётом опубликованных списков и их текстологических совпадений. Указывается возможность привлечения поздних летописцев, повествующих о событиях XV—XVI вв. Разоблачаются фейковые спекуляции П. А. Корчагина на этом материале. Привлекаются новые материалы из российских архивов и библиотек. Поздние соликамские летописи XVIII—XIX вв. включаются в поморскую и общерусскую летописную традицию.

Ключевые слова: летописи, историография, Пермь Великая, спорные вопросы.

The article on the example of Russian Chronicles of the XV—XIX centuries examines the controversial issues of the historiography of the great Perm of the XV—XVI centuries. It is shown that the study of Russian Chronicles, covering this period, it is necessary to take into account the published scroll their textual similarity. Indicates the possibility of involving the later chroniclers, narrating of the events of XV—XVI centuries. In this work are exposed the fake speculation P. A. Korchagin on the content of historiography. Involved new materials from Russian archives and libraries. Late Solikamsk chronicle of XVIII—XIX centuries included in the Pomor and Russian chronicle tradition.

Keywords: chronicles, historiography, the Great Perm, controversial issues.

Наши статьи [9, с. 48—55; 30, с. 189—197] нечаянно оказались в материалах Всероссийской научно-практической конференции (Пермь, 9—12 февраля 2016 г.). Поскольку тематика совпадала, я внимательно проанализировала публикацию П. А. Корчагина. Возражения начались с его аннотации: «В. Н. Берх связывал его (Урос. — Л. Б.) с урочищем Пустой Урол, где существует предание о сражении с сибирскими татарами, и даже провёл там археологические раскопки. ... Гипотеза В. Н. Берха должна быть отвергнута хотя бы потому, что согласно летописи Урос был сдан без боя, а это противоречит бытующей легенде» [30, с. 189].

В. Н. Берх в разделе «XV. Деревня Урол» отмечает, что это поселение «стало жертвою своих соплеменников», — эту цитату я и привела [9, с. 50]. При чём тут сибирские татары? Не легенда, а предание записано В. Н. Берхом от 80-летнего старика из д. Урол. Оно сопоставлено с набегами нагайских татар на Чердынь и

Соликамск, поэтому почтенный историк сопоставил «слова стариковы с летописцами, думаю, что предки его ошиблись и приняли русских за татар» [6, с. 142]. Под летописцами подразумеваются поздние соликамские летописи, найденные им и включённые в его компиляцию, известную в историографии как Берхов летописец. Кстати, переиздание «Путешествия...» было необходимо ещё и потому, что в XIX в. книга стала редкостью, например А. М. Луканин переписывал его текст [7, с. 112—119].

В. Н. Берх в «Деревне Урол» заменяет летописный «Урос» на «Урол». В этом контексте обращение П. А. Корчагина к д. Уросово в «верхней земле» неправомерно. При искажённом понимании ясного текста В. Н. Берха П. А. Корчагин в своих публикациях реализует программу дальнейших исследований Перми и Перми Великой, намеченную Берхом [6, с. 148].

П. А. Корчагин не замечает, что его предшественник ссылается на архивный летописец — а ведь это именно та неясность, с которой наш современник пытается разобраться у В. Н. Шишонко. Он уличает В. Н. Шишонко в кое-каких домьслах «в первом томе «Пермской старины», вышедшем в 1881 г. со ссылкой на Архивную (Новгородскую II) и Н. М. Карамзина» [33, с. 116]. Архивская (Ростовская) летопись исследовалась ещё А. А. Шахматовым. Она входила в Московский великокняжеский свод 1479 г. так же, как Никаноровская, Вологодско-Пермская и другие летописи [41, с. 115—117].

В отличие от П. А. Корчагина В. Н. Берх указывает на «согласное повторение всеми летописцами, что воевода Нелидов овладел в 1472 г. Уросом» [6, с. 141], тем самым демонстрируя овладение начатками текстологии. Последнее не просматривается в публикациях П. А. Корчагина, где цитируются порой и не названные, но обязательно опубликованные русские летописи с подкреплением авторских «выводов» собственными же публикациями. Это вообще его любимый историографический приём, как покажу ниже.

Вновь обратиться к заявленной теме побуждают статьи П. А. Корчагина, обьявившего о *новом этапе изучения русской колонизации Прикамья* [37, с. 6]. Не обосновывается «начало нового этапа в изучении русской колонизации и присоединения его к московскому государству» [33, с. 118]. В отличие от «ранней истории Перми Великой», хронологические рамки которой не обозначаются, этот этап датируется годом публикации «Вычегодско-Вымской летописи (далее — ВВЛ) — 1958 г. [23].

Я так подробно разбираю претензии П. А. Корчагина потому, что они типичны для его историографической критики. Например, он обрушивается на Г. А. Бординских при разборе его статьи в «Уральской исторической энциклопедии», путая при этом понятия «симулякр» и «штамп», обвиняя авторов кратких энциклопедических статей в том, что они не владеют термином «Малая Пермь». И зачем-то заполняет почти страницу текста полными названиями землеописания 1795 г., Лексикона 1788 г. и «Географического лексикона» Ф. А. Полунина в списке литературы [29, с. 18—27]. При этом не анализируются выводы А. А. Дмитриева о границах Перми Великой: от Вологодчины до р. Чусовой включительно, с причислением *Перми Малой*, или *Пермцы*, к Зырянской волости в Сольвычегодском крае [20, с. 5, 14]. Аналогично локали-

зует Малую Пермь Вычегодскую И. Шестаков — в бассейнах Вычегды, Выми и Сысолы [59, с. 5].

Не будучи специалистом в археологии и языкознании, проанализирую *портретный подход* П. А. Корчагина к русским летописям. Он цитирует совпадающие известия из Вологодско-Пермской, Вычегодско-Вымской (далее — ВВЛ), Никоновской, Симеоновской летописей, Устюжского и Московского летописных сводов [37, с. 192—193; 2011, с. 117; 2012а, с. 122; 2012б, с. 17—18; 2013, с. 96]. Все они используются без опоры на вступительные статьи к соответствующим томам «Полного собрания русских летописей» и многочисленным исследованиям [52, А-К, с. 32—45, 47—61, 53—64, 67—69]. Без учёта исторического контекста [52, А-К, с. 369—384]. Но разное написание топонимов в летописях П. А. Корчагиным не объясняется. Вот пример его самого пространного комментария: ВВЛ, с одной стороны, «приводит почти правильное написание названия городка Покчи, но с другой — коверкает название Уроса — другие варианты написания не рассматриваются» [34, с. 96]. Отмечается, что в Вологодско-Пермской летописи приводятся только краткие сведения о походе 1472 г. Данные о походе Ф. Пёстрога отсутствуют в ней, но они прописаны в Симеоновской и Холмогорской летописях по Чертковскому списку. Причём Двинской летописец и Холмогорская летопись используют как источник общерусскую летопись, близкую к Вологодско-Пермской [39, с. 327, 329]. При этом вообще не упоминается Соль Камская, хотя ещё А. М. Сахаров отметил: «В Коми-Вымской летописи под 1506 г. упоминаются «варницы» и «црены» Камского Усоля» [50, с. 138].

Меняются местами цитаты и пересказы, намеренно затемняющие восприятие авторских текстов, привлекаются соавторы, но суть не меняется. Тот же приём цитирования выявляется в «историографическом» анализе: В. Н. Татищев, Н. М. Карамзин пересказывают летописи, но это не замечается [33, с. 115]. Не отмечается, что в. Н. Татищев пересказывает известие Никоновской летописи [33, с. 117].

Каждая новая публикация автора разбавляется выдержками, «дополняющими» его цитатник. В качестве самооправдания автор ссылается на дефицит, мизерность количества источников и их «скудость» [33, с. 114; 2012а, с. 17; 2013, с. 95], но не привлекает изданные разрядные книги и исследования о них. А ведь именно здесь расписаны службы воевод, упомянутых в летописях, например Ф. М. Курбского (47, с. 19, 20, 71, 74—76, 81, 86). Не анализируются также публикации об их походах. Накануне похода 1483 г. Курбский составил духовную грамоту, «идучи на службу великого князя на Вогуличи» [26, с. 177]. Не комментируются северно-русские былины, в одной из которых Илья Муромец приходил к Идолишу на Камское побоище [46, с. 282—283].

Проделана и продолжается большая работа по сопоставлению списков летописей и летописцев, изучению редакций и сводов, их публикации; но она не учтена П. А. Корчагиным. Историография о русском летописании — огромна, я ограничусь лишь некоторыми примерами из неё. В предисловии к изданию Вологодско-Пермской летописи М. Н. Тихомиров отмечает её близость к Никаноровской и Софийской I, начиная с известий первой четверти XV в. — Симеоновской летописи. Часть текста Вологодско-Пермской летописи с 1480 по 1538 гг., по его мне-

нию, «имеет особое значение, т. к. включает в себе не только общерусские известия, но и записи о севере Руси, главным образом в Вологде и Перми. В силу этого и вся летопись получила название Велико-Пермская летопись. Таким образом, перед нами текст громадного исторического значения, который, тем не менее, публикуется впервые» [16, с. 3]. Далее М. Н. Тихомиров анализирует историографию памятника и приводит описание основного списка и его вариантов [16, с. 3—4].

М. Н. Тихомиров высказывает предположение об авторстве известий после поставления епископа Филофея в 1472 г. Возможно, редактором свода — Левашом — составлено известие 1483 г. «О вогуличах», где в перечне войска воеводы князя Фёдора Курбского — великокняжеские дети боярские, устюжане, вычегжане, вымичи, великопермцы [16, с. 3—4]. В тот же год вогульские князья, за которых «печаловался» Филофей Пермский, стали данниками великого князя: «И послал владыка с великого князя опасом слугу своего Леваша» [16, с. 276]. Эту гипотезу развил Я. С. Лурье, предположив использование пермско-югорской летописи посредством свода 1520-х гг. Старый свод, созданный в Усть-Выми, не сохранился [41, с. 119—120; 51, Л—Я, с. 37—39].

Описание «Страны Великия Перми» вошло в состав Космографии особой редакции [1, № 227, с. 156—175]. В Софийской I летописи читается текст, близкий к дорожникам. Река Вымь «...впаде в Вычегду, другая река Вычегда обходяще всю землю Пермскую потече к северной стране и паде в Двину ниже Устюга 40 верст, река же третья Вятка потече в другую сторону и вниде в Каму реку, сия же река Кама обходяще всю землю Пермскую, по сей бо рече мнози языци сидят и потече на юг» [54, с. 250].

Ещё А. А. Дмитриеву было известно о купеческом Югорском дорожнике. Пермский дорожник в списке второй половины XVI в. сохранился в списке из Кирилло-Белозерского или Ферапонтова монастырей. В отличие от Югорского дорожника он намечает путь за Урал через Устюг — Усть-Вымь — Пермь Великую — к вогуличам — до бассейна Тавды — Пелыма. Пермский дорожник совпадает с описанием пути похода 1483 г.: «От Вологды до Устюга 500 верст, от Устюга до Перми 400 верст, а от тоя Перми до Великия Перми полторы тысячи верст. От Великия Перми до вогулич 2000 верст» [44, л. 91]. Тут же описан Полудов камень: «Есть в Перми Великой две горы: едина Полутова зовется, Полут, наугородец, бился с нее, всходити на нее не могут. А на другую не мощно взыти, три дня на нее идти, а не мощно взыти» [44, с. 49—50].

Важная для исследователей история бытования летописей описана: например, в XV—XVI вв. Вологодско-Пермская летопись находилась в Кирилло-Белозерском монастыре и Троице-Сергиевой лавре, потом текст перенесли в Москву, в Печатный двор, после этого он поступил в распоряжение учёных [21, с. 90]. Б. Н. Флоря отмечает в ВВЛ подновление или раскрытие записей Вологодско-Пермской летописи: под 6991 г. вместо «пермич» здесь поставлено «чердынцов», затем этот термин раскрыт иначе — «пермичи» — всё население Пермской земли: вычегжане, вымичи, сысоличи [57, с. 230].

ВВЛ содержит параллели с известиями поздних соликамских летописей. В ней продолжается летописная традиция Усть-Вымского епархиального центра. Отсюда и совпадения с Устюжским летописным сводом, Вологодско-Пермской,

Типографской и Никоновской летописями. Так, И. А. Шляпкин разбирает известие 1455 г. об убийстве четвёртого Пермского епископа Питирима. Об этом же сообщают Новгородская и Тверская, Софийская I и II, Воскресенская летописи и Архангелогородский летописец, а также житие и иконописный подлинник [61, с. 135—145; 62].

ВВЛ содержит некоторые летописные параллели с известиями соликамских летописей за 1455, 1462, 1472, 1481, 1483, 1491, 1505, 1506, 1530, 1531, 1540, 1547, 1558, 1573, 1581, 1586, 1597, 1606, 1608, 1609, 1611 и 1612 гг. Некоторые известия подтверждаются сохранившимися актами. Старые тексты и понятия модернизируются. ВВЛ подновляет записи Вологодско-Пермской летописи. Тонкости толкования топонимов — Пермца, Пермь Малая, Пермь Старая и Пермь Великая, ещё злободневные для ВВЛ, неинтересны соликамским летописцам. Преобладающую часть перечисленных погодных статей Б. Н. Флоря определяет как уникальную: «Конкретное рассмотрение этих записей показывает, что помещённые в них сведения, за немногими исключениями, не были заимствованы ни из памятников пермской агиографии, ни из других известных источников. Это позволяет определить их как фрагменты неизвестной летописи, явившейся одним из главных источников изучаемого летописного свода» [57, с. 230].

ВВЛ и гипотетическая чердынская летопись, а также Соликамские летописи были опосредованно связаны с Вологодско-Пермской летописью через их общий архетип, дошедший в составе ВВЛ. Он мог входить в сборники переменного состава XV—XVI вв., в которые русские образованные люди переписывали наиболее интересные для них произведения [24, с. 3]. Такими были Летописец вкратце и Летописец старых лет. В них, как и в соликамских летописях, выявляются совпадающие хронологические ошибки. Заголовок «Летописец вкратце» обнаруживается в краткой редакции летописца Двинского. С летописцем вкратце совпадает часть соликамских летописей «От Адама до потопа вселенных». Например, общие хронологические ошибки обнаруживаются в Кратком Московском летописце конца XVII в. из Ивановского областного музея, изданного В. И. Бугановым [2, с. 288—292].

В предисловии к публикации рассматриваются характерные ошибки в хронологии, реконструируется среда, к которой мог принадлежать летописец. Текст определяется как «любопытный памятник позднего русского летописания, своеобразный памфлет, остро и злободневно откликающийся на события внутренней и международной жизни, которые волновали жителей России, её столицы в переломное время конца XVII столетия» [2, с. 288].

Этот Летописец вкратце совпадает с летописцем Лучникова из Соликамска за годы: 6655, 6681, 6833, 6834, 6888, 6890, 6892, 6915, 6969, 6974, 6976, 6998, 6999, 7009, 7022, 7030, 7038, 7061, 7068, 7089, 7091, 7094 и др. Характерны совпадения летописца Лучникова (49, № 16.5.19), «Описания...» [45, № 16049] и копии Словцова [53, № 2152]. Именно они позволяют предположить, что часть «От Адама ...» указанных соликамских летописей была списана не с Московского летописца конца XVII в., а с летописца, отредактированного и переработанного в Поморье. Гипотеза подтверждается концовкой известия о торговле в Новгороде 6927.1419 г. [27, с. 206].

Выявляется параллель известия ВВЛ за 1547 г. и более пространной записи летописи соликамской Богоявленской церкви [49, № 32.4.7] о гибели чердынских и соликамских крестьян от набега нагайских татар. А. А. Дмитриев соликамское известие считал уникальным, предположил, что оно составлялось на основе местных преданий и найденного им синодика. Этот синодик поминает: «В Чердынском уезде, в Кондратьеве слободе ...6055 году генваря в 7 день» [17. Ф. 597. Оп. 1. Д. 24. Л. 10 об.]. Вслед за перечнем погибших чердынских крестьян здесь следовали имена устюжан, убитых на Вятке, под Котельничем. В данном фрагменте скопированного источника (1890 г.) показано единство поморских территорий в тот период.

Этот же текст читался в «поминальнике» чердынского Иоанно-Богословского монастыря. Его открыл В. Н. Шишонко [60, с. 4] при прочтении «дела по Пермскому губернскому архиву за 1781 г. № 1» [Ныне: 17. Ф. 36. Оп. 1. Д. 23]. В летописи соликамской Богоявленской церкви набеги XV в. описаны подробно на основе архетипа, сохранённого в ВВЛ, и сведений, восходящих к синодику. Наблюдение А. А. Дмитриева об использовании синодика в летописи Богоявленской церкви представляется излишне прямолинейным, так как других фактов его использования не выявлено. Имена убитых читались на чугунной доске (как лист книги вечной памяти), первоначально висевшей в Чердынской Успенской церкви, где её видел В. Н. Берх. В наше время экспонат находится в экспозиции Чердынского краеведческого музея им. А. С. Пушкина. Здесь же обнаружен лист из Воскресенской летописи [5, с. 609, 615].

В известии соликамской Богоявленской церкви сообщается: «3. 7055. 1547. Месяца Генваря в 6 день бысть побиение от набегов нагайских татар Чердынского уезда в Кондратьевой слободе, над Вишерою рекою, числом 85 человек. Того же году в Соли Камской бысть от тех же нагайских татар в день мясопуста, месяца маяя 25 числа, от кровопролития не малой урон. Здешних посадских крестьян по переписи побитых 886 человек, оставшие того ж маяя 30 дня с божиею помощью татар прогнали в пяток 9-ой недели по Пасце. По сей причине положено празднование в пяток 9-ой недели с крестным вокруг города хождением» [17, № 32.4.7. Л. 6]. В ВВЛ читается летописная параллель чердынской части известия 1547 г.: «...пришедшу нагайские люди на Чердыню, погосты пожгли, а заставу чердынскую русаков и пермяков побили» [23, с. 265]. Проверка даты показывает, 30 мая действительно приходится на пятницу.

Позднее на могилах погибших защитников Соли Камской по древнерусскому обычаю была поставлена церковь Рождества Христова с приделом Параскевы Пятницы как христианский символ вечной жизни душ воинов, убиенных «от супостат». Тот же символ вошёл в вечную память синодиков. Универсальное содержание этого мема закрепилось ежегодными, официально не санкционированными, но особо почитаемыми у верующих крестными ходами вокруг центра города, где в 1547 г. располагалась крепость, т. е. по воображаемому периметру её стен. Так христианский символ вечности, круг, превращался (каждый участник хода участвовал в этом сакральном действе) в символ вечности Соли Камской.

Приведённые летописные параллели читаются под 7090.1581 г. в указанных соликамских летописях и ВВЛ. Нападавший пелымский князь назван

Кихеком [14]. Известия поздних соликамских летописей и списка чердынских воевод в составе сборников XVIII в. [45, № 16925/40] и Саратовского университета [ОР РК НБ СГУ № Р/400], описанного в составе коллекции Шляпкина [43, с. 434—435], тоже указывают на Кихека. Саратовский список воевод начинается с 7090.1581 г. и заканчивается 1718 г. Указаны дни и месяцы приездов и отъездов воевод. Приводятся краткие летописные записи: например, под 7090: «Вышепомянутые князья и воеводы владели Пермь Великую Чердынь с пригороды, Соликамскую, Яренск, Кайгородок с уезды...» [43, с. 435]. Боевые действия в Перми Великой последней четверти XVI в. [10, с. 35] описаны в цикле повестей о Сибирском взятии, имеющем огромную историографию [25, с. 29, 230—288].

В «Описании...» [45, № 16049] имеется известие 7060.1553 г. о печатании книг, схожее с текстом Русского летописца из Тотьмы. Его М. Н. Тихомиров определил как уникальное [56, с. 148, 305].

ВВЛ в отличие от строгановской летописи расширяет географию войны: пишет о сожжении вымских погостов, Кайгородка и Волосеницы. Строгановская же описывает военные действия по царским грамотам, не называя пелымского князя по имени. В ней обозначается маршрут объединённого войска нападавших. Он начинается с безуспешной осады Чердыни. Затем враги «велию пакость учиниша» в Кайгородке, сожгли Соль Камскую и, наконец, как божие возмездие, «поганые» получили отпор в Орле и Чусовском городке, Яйвенском и Сылвенском острожках. Строгановские силы одержали победу после изнурительного сражения в районе Нижнего Чусовского городка [51, с. 11—16]. Основной тренд этой летописи: не царские наместники Перми Великой определяют судьбы региона, а Строгановы — креаторы истории, орудие божественного промысла. Строгановская летопись вводит личностную концепцию в историческое повествование. Строгановская летопись породила много споров в историографии и стала особым историографическим направлением, сформировавшимся под непосредственным влиянием «Описания Сибирского царства» Г. Ф. Миллера, которое вышло в 1750 г.

Выдёргивая летописные известия, П. А. Корчагин представляет историю Перми Великой «в некой исторической комбинаторике» [33, с. 114]. Используются характерные для автора риторические приёмы «усложнения исследования» — добавление текстуально совпадающих известий, например из Степенной книги и Софийской I летописи Иосафовской и Никоновской, без объяснения их текстологических совпадений. Не привлекаются описания рукописей хотя бы пермских хранилищ [3, с. 167—170; 4, с. 20—41]. Рукописная Степенная книга вошла в ещё одно уточнённое описание [48, № 55, с. 56]. Именно в этой рукописи обнаружен текст, совпадающий с Румянцевским летописцем вида А [8, 2015, с. 149—150].

Тень на плетень наводится в толковании понятия «городки», которое определяется как чрезвычайно широкое и слабо определённое [28, с. 104]. Там же он относит Верхние и Нижние Чусовские городки к настоящим «социально-экономическим городам», которые не получили официального городского статуса, так как в них не могли находиться представители «коронной власти» [28, с. 104].

Доказательства компилирования щедро рассыпаны по авторским статьям, например совпадающие тексты о городках-святилищах [38, с. 190; 36, с. 297—298 и др.].

Безосновательно локализируются в качестве летописных «городков» только Чердынь, Искор, Покча и Урос; «поздние строгановские городки» подробно не рассматриваются [36, с. 296; 33, с. 114; 28, с. 104 и др.]. Не раскрывается, на каком именно основании строгановские городки причисляются к городам. Видимо, для удобства автора. Ведь тогда бы пришлось анализировать огромную историографию о крещении и космогонических представлениях пермян, сложный цикл сибирских летописей и др. [25, с. 37—72, 230—288].

Строгановская летопись подробно пересказывает жалованные грамоты Ивана Грозного [51, с. 1—8]. Точность этого пересказа подтверждается сравнением с актами [22, № 117, с. 168—171; № 120, с. 175—176 и др.], подробно проанализированными в историографии. Все имена дьяков, названных в Строгановской летописи по списку Спасского, подтверждаются [15, с. 44, 71, 96, 125, 143, 227]. В ней говорится про «государьскую землю Пермьскую» [51, с. 1]. Именно на ней Григорию Строганову позволяется городки «поставити, и крепости учиниша и пушкарей и затинщиков и воротников велели есмь ему устроити собою для сбереженья» [51, с. 2]; «...ниже прежнего Канкора городка ... ему Григорию собою же поставити стены сажень по тридцати, а с приступную сторону для низи в глины место каменем закласти, а пищальники и сторожи в том городке ему собою же уставити и держати в тех и обеих городках наряд скорострельной, пушечки и пищали и затинные и ручницы поделати...» [51, с. 3].

В Чусовских городках установить «городовой наряд скорострельной, пушечки и затинные пищали и ручные и всякие крепости поделать» [51, с. 4]. В Сылвенском и Яйвенском острожках «наряд скорострельной и пушечки затинные и пищали и ручные и людей пушкарей и затинщиков и пищальников и воротников в тех острожках устроил» [51, с. 5]. Таким образом, городки отличались от острожков более высокой степенью обороноспособности. Захватчиков предписывалось, «поймав, в свои городки и в Пермь к воеводам государевым» [51, с. 6] отсылать. Городки — это крепости, в которых тоже были стены острогом. Острожки — укрепленные поселения, где в случае опасности могли укрыться окрестные крестьяне. Выводы подтверждаются описанием Очёрского острожка в отдельных актах Строгановых: «... над речкою Очерою: передняя стена рубленая, по углам две башни глухие, а две стены острогом...» [22, Т. 2, № 56, с. 113].

Впрочем, приказную администрацию не волновали отличия городков от острожков. Царская грамота от 6 ноября 1581 г. предписывала пермскому наместнику, князю Ивану Михайловичу Елецкому и Никите Строганову оказывать помощь Семёну и Максиму Строгановым. В ней чусовские городки названы острогом [22, № 126, с. 182]. Главное — быть готовыми к совместной обороне Перми и Пермской вотчины Строгановых. Годом ранее пермскому воеводе, князю Ивану Юрьевичу Булгакову 15 июля писал строгановский человек Третьячко о побоище на Каме, где были убиты 87 человек «торговых людей и ватащиков» [22, № 120, с. 175].

Строгановым и пермским воеводам предписывались совместные действия против нападавших, т. е. Строгановы в своих городках имели статус воевод.

Поэтому ратные люди собирались со всех «пермских волостей и с Камские Соли» до 200 человек, «а инолды болши, а инолды менши» в зависимости от числа захватчиков. Их задачей было оказание военной помощи «Семену да Максиму острогу и стояли б с Семёном да с Максимом заодин» [22, № 126, с. 183]. То же требование объединения оборонных усилий повторяется в знаменитой опальной грамоте Строгановым по челобитью чердынского воеводы В. Пепелицына [51, с. 13—14]. В случае необходимости строгановские, пермские и войска Соли Камской подчинялись присланному из Москвы воеводе: «... для тех ратных людей послан к вам Михайло Шокуров, а велено ему тех ратных людей, взяв у вас, отвести в Пермь Великую и отдать воеводе Микифору Траханиотову», чтобы их «в судах легких отпустили в Пермь и на Лозьву с Михаилом». В случае промедления «...вам от нас быти в великой опале и продаже» [22, № 138, с. 230 — 231].

В известном царском пожаловании Строгановым «...на Тахчеях и на Тоболе реке и на Иртыше и на Обе и на иных реках» предписывалось так же, как в Пермской земле, «крепости поделать и снаряд огненной и пушкарей и пищалников и сторожей...» содержать за свой счёт [51, с. 7] с теми же льготами.

Чусовские городки так и остались «городками», иногда в приказном делопроизводстве они именовались острогами, в отличие от Нового Усолья, вокруг которого было много варниц. Здесь же был центр управления Пермской вотчиной Строгановых. Скорость освоения новых варничных мест была высокой, поскольку использовались ресурсы Сольвычегодской вотчины, где Строгановы появились, как отмечал А. А. Введенский, не ранее 1472 г.: «Особенно значителен прилив крепостной рабочей силы» за счёт «расширения основного Сольвычегодского хозяйства Пермскими вотчинами. Невежественное инородческое население этих вотчин легко могло быть эксплуатируемо и попадать в кабалу» [13, с. 108].

Этот промысловый натиск приводил к конфликтам с автохтонным населением. Для защиты варничных промыслов строились крепости. Примеры можно множить, но тренд понятен. Городки и острожки следует рассматривать в системе русской этнокультурной традиции и опорных пунктов её укоренения в новых землях как компонент сети полифункциональных центров по типологии с первыми сибирскими городами [58, с. 7]. Для всех статей П. А. Корчагина типичны отсутствие анализа историографии, выборность привлечения источников, устойчивый приём отбора «удобных» ссылок [18, с. 91]. Конечно, подобная «методика даёт очень широкие возможности для изысканий того же уровня» [42, с. 11]. При этом упускается, что XIX в. — это «столетие историков», которые «от объяснительных моделей исторических изменений, характеризовавшихся монокаузальностью», перешли к многофакторным моделям, где квантификацию сменила индивидуализация» [19, с. 25].

Тупиковые рекуссии А. П. Корчагина, отягощённые многочисленными повторами [28—38 и др.], искажают многовековой процесс горизонтальной мобильности русского крестьянства, историю Перми Великой и длительную традицию русского летописания, когда «летописцы продолжали своими записями не только собственные исторические труды. Вот почему летописный жанр без конца; его конец в постоянно ускользающем и продолжающемся настоящем» [40, с. 332]. Перспективно дальнейшее исследование четых сборников и крат-

ких летописцев как способов фиксации исторической памяти, но без презентизма, без навязывания людям прошлого современного видения мира.

* * *

1. Барсуков А. Рукописи археографической комиссии. СПб.: Тип. М. Н. Стасюлевича, 1882. 210 с.
2. Буганов В. И. Краткий Московский летописец из Ивановского областного краеведческого музея / Летописи и хроники. М.: Наука, 1976. С. 288—293.
3. Бегунов Ю. К. Обзор собрания древнерусских книг Пермского краеведческого музея // На Западном Урале. Вып. 4. Пермь, 1964. С. 167—170.
4. Бегунов Ю. К. Обзор собрания древнерусских книг г. Перми // Die welt der slaven. Wiesbaden, 1971. С. 20—41.
5. Бегунов Ю. К., Дёмин А. С., Панченко А. М. Рукописное собрание Чердынского музея им. А. С. Пушкина // ТОДРЛ. Т. 17. М. Л.: Наука, 1961. С. 608 — 615.
6. Берх В. Н. Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей. СПб.: Тип. Главного штаба, 1821. 234 с. Переиздание: Пермь: Литер-А, 2009. 304 с.: ил.
7. Бруцкая Л. А. Берхов летописец и соликамские летописи XVII—XIX вв. // Музей как центр научной и краеведческой работы на современном этапе. Пермь, 1994. С. 112—119.
8. Бруцкая Л. А., Кучумова Н. Н. Ермак: локальное осмысление противоречивого образа отечественной истории // Пермский сборник. Кн. 3. Пермь, 2015. С. 149—152.
9. Бруцкая Л. А. Историография археологии: разведки В. Н. Берха в Чердынском уезде (1818—1819 гг.) // XV Бадеровские чтения по археологии Урала и Поволжья. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2016. С. 48—55.
10. Бруцкая Л. А. О «приходех бусерменских войною» на землю Пермскую // Проблемные вопросы истории, культуры, образования, экономики Северного Прикамья. Березники, 1994. С. 35.
11. Бруцкая Л. А. Христианство — религия историков: Белозёровы // Вестник Смышляевских чтений / сост. М. Н. Хабирова, В. Н. Шумилова. Вып. 6. Пермь, 2014. С. 8—23.
12. Буганов В. И. Разрядные книги последней четверти XV — начала XVII вв. М.: Наука, 1962. С. 166—177.
13. Введенский А. А. Аника Строганов в своём Сольвычегодском хозяйстве // Сб. статей по русской истории, посвящённых С. Ф. Платонову. Петербург: Огни, 1922. С. 90—113.
14. Вершинин Е. В. И ещё раз о князьях Вымских и Великопермских // Проблемы истории России. Вып. 3. Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. Екатеринбург, 2000. С. 285 — 303.
15. Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV — XVII вв. М.: Наука, 1975. 607 с.
16. Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. Т. 26. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 412 с.
17. Государственный архив Пермского края (далее — ГАПК). Ф. 597. Оп. 1. Д. 24. Ф.36. Оп. 1. Д. 23.
18. Голдина Р. Д., Напольных В. В. «Угорская эпоха в истории Предуралья»: научная гипотеза или историографический казус // Переходные эпохи а археологии / под ред. И. О. Васкула. Сыктывкар, 2013. С. 90—93.

19. Гуревич А. Я. О кризисе современной исторической науки // Вопросы истории. 1991, № 2—3. С. 21—36.
20. Дмитриев А. А. Пермская старина. Вып. 1. Пермь: Тип. П. Ф. Каменского, 1889. 197, IV с.
21. Дмитриева Р. П. Изучение русских рукописных четых сборников XV — XVI вв. // Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Л.: Наука, 1970. С. 85—95.
22. Дополнение к актам историческим, собранным и изданным археографической комиссией. Т. I. СПб.: Тип. II отделения собственной Е. И. В. Канцелярии, 1846. 400, 18, 14 с.
23. Доронин П. Документы по истории коми // Историко-филологический сборник. Вып. 4. Сыктывкар, 1958. С. 257—271.
24. Зимин А. А. Краткие летописцы XV—XVI вв. // Исторический архив. Кн. 5. М.-Л., 1950. С. 3—39.
25. История литературы Урала конца XIV—XVIII в. / глав. ред. В. В. Блажес, Е. К. Созина. М.: Языки славянской культуры, 2012. 608 с.: ил.
26. Каргалов В. В. Сибирский поход 1483 г. и его последствия // Вопросы истории. 1983. № 11. С. 177—182.
27. Корецкий В. И., Морозов Б. Н. Летописец с новыми известиями XVI — начала XVII в. // Летописи и хроники. М.: Наука, 1984. С. 193—218.
28. Корчагин П. А. Комплексное историческое изучение ранней истории Перми Великой и Перми Вычегодской: границы и городки // Переходные эпохи в археологии / под ред. И. О. Васкула. Сыктывкар, 2013. С. 104—107.
29. Корчагин П. А. Пермь малая: история возникновения симулякра // Труды КАЭЭ. Вып. 9. Пермь, 2014. С. 18—27.
30. Корчагин П. А. О локализации летописного Уроса. Редикорское городище // XV Бадеровские чтения по археологии Урала и Поволжья. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2016. С. 48—55.
31. Корчагин П. А. Очерки истории Перми Великой: антропонимические основания // Вестник Пермского университета. Вып. 3 (20). Пермь, 2012. С. 17—25.
32. Корчагин П. А. Очерки ранней истории Перми Великой: водно-волоковые пути // Вестник Пермского университета. Серия история. Вып. 1 (18). Пермь, 2012. С. 121—133.
33. Корчагин П. А. Очерки ранней истории Перми Великой: князья пермские и вымские // Вестник Пермского университета. Серия история. Вып. 1 (15). Пермь, 2011. С. 114—126.
34. Корчагин П. А. Очерки истории Перми Великой: ойконимические основания // Вестник Пермского университета. Серия история. Вып. 3 (23). Пермь, 2013. С. 95—104.
35. Корчагин П. А. Пермь малая: история возникновения симулякра // Труды КАЭЭ. Вып. 9. Пермь, 2014. С. 18—27.
36. Корчагин П. А. Позднесредневековые коми святилища как система пространственных ориентиров // XIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология. Уфа, 2010. С. 296—298.
37. Корчагин П. А. Предисловие // Берх В. Н. Путешествие в город Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей. Пермь: Литер-А, 2009. С. 3—6; ил.
38. Корчагин П. А., Шабурова Е. В. Вехи крещения и христианизации Перми Великой XV — начала XVIII вв.: археологический и искусствоведческий аспекты // Труды КАЭЭ. Вып. 6. Пермь, 2009. С. 190—197.

39. Лаврентьев А. В. Ранний список Холмогорской летописи из собрания А. И. Мусина-Пушкина // ТОДРЛ. Т. 39. Л.: Наука, 1985. С. 323—334.
40. Лихачёв Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947. 499 с.
41. Лурье Я. С. Летописный свод Московский великокняжеский 1479 г. // ТОДРЛ. Т. 39. Л.: Наука, 1985. С. 115—117.
42. Напольных В. В. «Угро-самодийцы» в Восточной Европе и проблема летописной Югры // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. № 1 (5). С. 1—40.
43. Перетц В. Н. И. А. Шляпкин и его коллекция рукописей // Археографический ежегодник за 1959. М.: Наука, 1960. С. 434—435.
44. Плигузов А. И. Первые русские описания Сибирской земли // Вопросы истории. 1987, № 5. С. 38—50.
45. Пермский краевой краеведческий музей (далее — ПККМ). № 16049, 16925/40.
46. Путилов Б. Н. Песня. История. Традиция // Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление. Традиции. М.: Наука, 1976. С. 280—285.
47. Разрядная книга 1475—1598 гг. М.: Наука, 1966.
48. Рукописные книги // Сокровища Пермского края. Из собрания Пермского областного краеведческого музея. Пермь: Пресс-Центр, 1997. С. 55—59.
49. Рукописный отдел Библиотеки Академии наук (далее — РО БАН) 32.4.7. 16.5.19.
50. Сахаров А. М. Русь и её культура в XIII—V вв. // Очерки русской культуры XIII—XV вв. М.: МГУ, 1969. Ч. 1. С. 34—155.
51. Сибирские летописи. СПб., 1907. XXVIII, 397, 20 с.
52. Словарь книжников и книжности древней Руси. Вып. 2. Ч. 1. А-К.—Л.: Наука, 1988. 516 с. Вып. 2. Ч. 2. Л-Я.—Л.: Наука, 1989. 528 с.
53. Соликамский краеведческий музей (далее — СКМ), № 2152.
54. Софийская I летопись. ПСРЛ. Т. 5. СПб., 1851. 286 с.
55. Тихомиров М. Н. О Вологодско-Пермской летописи // Проблемы источниковедения. Вып. 3. М. Л., 1940.
56. Тихомиров М. Н. Русская культура X—XVII вв. М.: Наука, 1968. 444 с.
57. Флоря Б. Н. Коми-Вымская летопись // Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М. Н. Тихомирова. М.: Наука, 1967. С. 218—231.
58. Чёрная М. П. Роль русского города в освоении Сибири: диалектика возможностей и исторической практики // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. Омск: Изд-во Омского ин-та (филиала) РГТЭУ, 2011. С. 7—15.
59. Шестаков И. Краткий исторический очерк столетия Пермской епархии. Пермь: Тип. А. П. Каменского, 1899.
60. Шишонко В. Н. Книги сошного письма Пермские, Чердыни и Чердынского уезда. Письма и меры писца И. Г. Яхонтова да подъячего Т. Карпова 1579 г. с некоторыми пояснениями. Пермь, 1879.
61. Шляпкин И. А. Питирим епископ Пермский // ЖМНП, 1894, март. С. 135—145.
62. Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) // lib.pushkinskijdom.ru/Default.asp?tabid=8779 (Дата доступа: 10.05.2017 г.).

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГЛАГОЛОВ
В ГОВОРЕ СЕЛА ЛОЙМА ПРИЛУЗСКОГО РАЙОНА
РЕСПУБЛИКИ КОМИ**

**LEXICAL-SEMANTIC CHARACTERIZATION OF VERBS
IN THE DIALECT OF LOYMA VILLAGE OF PRILUZSKY DISTRICT
OF THE KOMI REPUBLIC**

В статье дана характеристика диалектным глаголам, функционирующим в русском говоре села Лойма Прилузского района Республики Коми. Диалектные лексемы распределены по лексико-семантическим группам: это глаголы речи, принятия пищи, движения, глаголы с ядерным значением 'бить', 'испачкаться', 'устать' и др. Проведенный анализ лексики показал, что среди всех групп наибольшую лексическую разработку имеют лексико-семантические группы глаголов речи, движения и принятия пищи, что может свидетельствовать об актуальности данных сфер жизни в картине мира лоемцев.

Ключевые слова: *северно-русский диалект, лексико-семантическая группа, лексическая семантика, глагол.*

The article characterizes dialect verbs that function in the Russian dialect of Loyma Village of Priluzsky District of the Komi Republic. Dialect lexemes are divided into the lexical-semantic groups such as verbs of speech, verbs of eating, verbs of movement, verbs with the core meaning "to hit", "to get dirty", "to get tired" etc. The conducted analysis of the words showed that the lexical-semantic groups of verbs of speech, movement and eating are the most lexically developed ones. So it can testify to the fact that these spheres of life are relevant in the Loyma villagers' picture of the world.

Keywords: *North Russian dialect, lexical-semantic group, lexical semantics, verb.*

Село Лойма — одно из старинных сел Прилузского района Республики Коми, являющееся пограничным между коми землей и русской. Удаленность от центра страны, иноэтническое окружение способствовали сохранению самобытности говора.

Сохранение народной языковой культуры всегда было и остается одной из важнейших задач русистики. Обращение к лексике говоров, известной своим богатством и выразительностью, особенно актуально в наше время. Кроме того, изучение диалектной глагольной лексики является актуальным и вследствие того, что глаголы играют особую роль в системе языка: слова этой части речи, как правило, составляют предикативный центр высказывания, что особен-

но важно при изучении устной формы бытования языка, какой является диалектная речь.

Материалом для исследования послужила глагольная лексика, выбранная из Картотеки словаря говора с. Лойма Прилузского района Республики Коми НОЦ «Духовная культура европейского севера России» СГУ им. Питирима Сорокина, а также лексики, полученной в результате собственных полевых записей.

Проведенный анализ лексики лоемского говора показал, что глаголы, имеющие диалектную специфику, распределяются по следующим лексико-семантическим группам (ЛСГ): это глаголы *речи*, *процесса принятия пищи*, *движения*, глаголы с ядерным значением ‘*бить*’, ‘*испачкаться*’, ‘*упасть*’, ‘*шуметь*’, ‘*исполнять фольклорные произведения*’, ‘*портить*’, глаголы со значением ‘*гадать, совершать магические действия*’ и др. Более подробно рассмотрим лишь некоторые наиболее показательные ЛСГ глаголов лоемского говора.

Наибольшую лексическую разработку в лоемском говоре имеет ЛСГ **глаголов речи**. При этом изучение ЛСГ *глаголов речи* является особенно значимым, так как ситуация общения между людьми, отраженная в семантике глаголов данной группы, является особо актуальной в устной речи и народной культуре. Образ жизни людей сельской местности предполагает активность людей в общении, что отражается в языке и позволяет выявить определенные фрагменты процессуально-событийной картины мира. Проведенный анализ показал, что в ЛСГ *глаголов речи* лоемского говора можно выделить следующие актуальные подгруппы слов в зависимости от *целей* речевого контакта, которые могут быть различными: ‘**болтать**’ (*балякать, балаболить, балясничать* и др.), ‘**ругаться**’ (*собачиться, зубатиться, аргать* и др.), ‘**рассказать много**’ (*намолоть, наляпать, наприisirать* и др.), ‘**позвать, пригласить**’ (*скликать, сухать, заказать, замонивать*), ‘**предупредить**’ (*поторощиться, опровергнуться*), ‘**хвалиться**’ (*бахвалить, човыргать*) и др. Глаголы данных подгрупп отличаются богатством синтагматических связей, однако чаще они сочетаются с существительными в объектном значении (например, *балякать* о ком, чем).

Проанализировав *характер и способ говорения*, можно выделить следующие микрогруппы (подгруппы) глаголов речи говора с. Лойма: глаголы со значением ‘**говорить невнятно, бормотать**’ (*бармолить, буркать, защекотать, мурзить* и др.), ‘**говорить громко, кричать**’ (*викать, зареветь, рывкать* и др.), ‘**говорить надоедливо, ныть**’ (*хманькать, лявгать, мявгать, пикаать* и др.), ‘**говорить красиво, складно**’ (*выщёлкивать*).

Подробнее рассмотрим системные семантические отношения между глаголами некоторых подгрупп. Подгруппу с общим значением ‘**говорить о чем-то не очень важном, болтать**’ представляет следующий синонимический ряд глаголов: *алабосить, балякать, балаболить, балясничать, бекать, шлёпать, брякать, вякать, тарабарить, трёкать, колоколять* и др. Каждый из этих глаголов помимо общей семы ‘говорить’ и дифференцирующей семы ‘неважное, незначительное’ различается потенциальной семой, отражающей образ действия. В данную подгруппу вошли слова семантически производные: у многих полисемичных глаголов, напр. *брякать, бекать, шлёпать* и т. п., значение речи образовано с помощью метафорического переноса. В других словах, напр. *тарабарить, трёкать* и

т. п., во внутренней форме отражен звукоподражательный образ, вызывающий те или иные ассоциации у носителей говора с таким действием, как болтать.

Подгруппа **‘говорить о ком-то плохо, ругаться’** включает в себя глаголы: *нардить, нахаивать, хулить, собачиться, глодаться, зубатиться, заматькаться, зашуметь, аргать, оскаляться, харапужиться* и др. Можно заметить, что глаголы данной подгруппы находятся на пересечении нескольких ЛСГ — речи, поведения, эмоционального состояния, взаимодействия и звучания.

Подгруппу глаголов речи со значением **‘говорить громко, кричать’** представляют следующие слова: *викать, зареветь, рывкать, вавгать, уракать, гаркать, ухать*. Полисемичные глаголы *викать, зареветь*, а также абсолютные синонимы *рывкать* и *вавгать* используются для характеристики звуков животных ‘издавать громкие звуки’ а также по отношению к людям — ‘громко, грубо и резко разговаривать’, напр.: *Он рывкает только и можёт на робят-то*. Перенос наименования основан на сходстве издаваемых звуков, шума животных и людей.

Дифференцирующей семей **‘невнятно’** обладают следующие глаголы речи: *бармолить, буркать, защекотать, мурзить*, а также собственно лоемское слово *вычавкивать* в прямом значении — ‘медленно есть’, во втором значении: ‘говорить невнятно и медленно’. Прямое значение глагола связывается со словом *чавкать*, которое означает ‘производить губами и языком громкие, причмокивающие звуки во время еды’. Следовательно, вторичное значение ‘говорить невнятно и медленно’ является метафорическим производным — ‘говорить так, будто говорить во время чавканья, непонятно, невнятно’. В качестве абсолютного синонима к нему в лоемском говоре отмечается глагол *чамкать*, который также имеет два значения: 1) ‘медленно жевать, долго есть’, 2) ‘говорить неразборчиво, путано’: *Да ты ладом скажи, чё чамкашь-то*. Кроме того, лексическое значение и глагола *вычавкивать*, и глагола *чамкать* имеет сему экстенсивности — не просто ‘говорить невнятно’, но обязательно ‘медленнее, чем обычно’. В свою очередь, лексическое значение глагола *защекотать* — ‘начать быстро и неразборчиво говорить’ — включает сему интенсивности — ‘быстро’, глагол употребляется для характеристики быстрой невнятной речи. Например: *Тамара защекочёт, дак я ничего не понимаю*.

В подгруппу глаголов со значением **‘говорить надоедливо, ныть’** входят следующие лексемы: *пенничать, хманькать, лявгать, мявгать, пикать, долдонить*. Лексема *мявгать* находится в синонимических отношениях с глаголами *пикать, лявгать*. Также синонимами являются глаголы *пенничать* и *хманькать*, в их значениях присутствует дополнительная дифференцирующая сема ‘жалуясь’.

Такие глаголы, как *намолоть, наляпать, напятнать, нашлёпать, наприписать, налявкать* входят в подгруппу с общим значением **‘много рассказать, наболтать’**. Обращает на себя внимание тот факт, что многие глаголы в данной подгруппе образованы с помощью префикса *на-*, который участвует в формировании лексического значения слов и выражает оттенок значения ‘много, интенсивно’.

Как можно заметить, преимущественную лексическую разработанность имеют глаголы, характеризующие «неправильную» с точки зрения цели или способа речи. Единственный глагол, обнаруженный в лоемском говоре, обозна-

чающий правильную, идеальную, с точки зрения носителей говора, речь, является глагол *выщёлкивать* со значением ‘говорить красиво, складно’: *Сын-то ее ну и баял красиво, выщёлкивал*. Данный глагол является метафорически производным, он образован от значения ‘петь (о птице)’.

Практически все глаголы, характеризующие чужую речь, имеют неодобрительную оценку (за исключением глагола *выщёлкивать*). Это можно объяснить тем, что речь как средство самовыражения предполагает положительное оценивание своей речи и негативное — речи другого, потенциально мешающего личной коммуникативной активности. Это приводит к доминированию пейоративной (неодобрительной) оценки в семантике глаголов речи.

К лексико-семантической группе глаголов речи примыкает группа с ядерным значением ‘**шуметь, стучать, издавать какие-либо звуки**’. Проведенный анализ показал, что все глаголы данной группы основаны на звукоподражании либо являются метафорическими производными. Среди них можно выделить следующие подгруппы в зависимости от характера и источника издаваемого звука. Глаголы, имеющие общее значение ‘производить звук посредством удара одного предмета на другой’ — *брякать, чакать, тёкать, хрястать*. Глаголы, имеющие общее значение ‘стучать каблуками во время танца’ — *выколачивать, выщёлкивать, подробливать*. Глаголы, имеющие общее значение ‘производить характерные хлюпающие звуки’ (о жидкости) — *шилькать, жулькать*. Глаголы, имеющие общее значение ‘издавать шуршащие звуки’ — *зашабарчать, шарабошкаться*. Глаголы, имеющие общее значение ‘издавать громкие звуки’ — *верёскать, вёрехать, забречать, зуркать, рёхать*.

Интересную подгруппу представляют собой глаголы, обозначающие ‘*звуки, издаваемые животными*’, например *громить* ‘лаять’, *закеркать* и *попоедовать* ‘кукарекать’, *зафышкать* (о медведе) ‘зафыркать’, *тенькать* ‘издавать звуки, характерные для синицы’, *бунгать/бунькать* и *гимзить* (о комаре), означающие ‘пищать’ и др. Важно отметить, что многие глаголы данной ЛСГ, например *бекать, викаать, мургать, мявгать, рывкать* употребляются и по отношению к человеку, называя характер его речи. Следовательно, перенос наименования основан на сходстве издаваемых звуков, шума животных и соответствующей речи людей.

Сделав анализ ЛСГ глаголов с ядерным значением ‘шуметь, стучать, издавать какие-либо звуки’, мы заметили, что она отличается высокой степенью детализации лексического значения.

Среди лоемских глагольных лексем достаточно большую лексико-семантическую группу составляют и **глаголы процесса принятия пищи**, имеющие в своем семном составе общую категориальную сему ‘принимать пищу, напиток’. Данная группа в свою очередь подразделяется на ряд подгрупп в зависимости от дифференцирующих сем. Это глаголы с *количественным* значением: ‘есть, пить немного, пробовать’, ‘есть, пить много, жадно’; ‘есть, пить очень много, досыта’, ‘съесть, выпить все’; и глаголы с *качественным* показателем, выражающим степень интенсивности протекаемого действия (‘есть, пить медленно’, ‘есть, пить быстро’) и характер протекания действия (‘есть, пить с характерным звуком, чавкая’ и др.).

Количественную сторону приема пищи характеризует ряд подгрупп (микрогрупп) с семами ‘немного’, ‘много’, ‘очень много’, ‘все’.

Микрогруппа, объединенная семой **‘немного’**, включает лексические единицы, обозначающие процесс принятия пищи. Это такие глагольные лексемы, как *ткнуть*, *окрупниться*, *пивнуть*, *глонуть*. Собственно лоемский глагол *ткнуть* ‘съесть немного, попробовать что-либо из еды’ не только указывает на малое количество употребленной пищи, но и содержит указание на причину этого: невозможно съесть много, наколол, ткнув орудием принятия пищи, а не зачерпнув. Процесс, указывающий на то, что пища принимается не для насыщения, а для определения вкуса, называется синонимичным глаголом *окрупниться* ‘съесть немного, попробовать что-либо из еды’, во внутренней форме которого лежит признак чего-то небольшого, такого как «крупинка». Глагол *пивнуть* в первом значении обозначает ‘отхлебнуть, попробовать небольшое количество напитка’. Второе значение данного глагола содержит конкретизирующую сему ‘отпить спиртное’. Синонимом глагола *пивнуть* является глагол *глонуть* ‘сделать небольшой глоток, глотнуть’. Оба глагола построены по словообразовательной модели с суффиксом *-ну-*, означающим мгновенное и одномоментное действие. Антонимами к данным словам в лоемском говоре будут выступать глагол *вылопать* во втором своем значении ‘выпить спиртной напиток в большом количестве’ и глагол *выглохтать* ‘выпить с жадностью’, противопоставленные по количественному признаку ‘мало—много’.

Глаголы *зобать*, *охобачивать*, *мякать*, *жоргать*, *жорать*, *заворачивать*, *лопать*, *выглохтать* называют процесс со значением **‘есть, пить много, жадно’**. Особый интерес представляет употребление в говоре с. Лойма лексемы *зобать* ‘есть, пить много, быстро, без разбору’. Данное слово восходит к известному еще в 12—17 вв. слову *зобати* ‘есть, кормить’. Современные славянские языки (напр.: укр., блр., болг., польск. и др.) не сохранили этого древнего значения. При этом все славянские образования (в том числе и говоры) обозначают процесс, связанный с жизнедеятельностью не человека, а птиц (моллюсков, насекомых), несмотря на то, что в русском литературном языке есть лексема *зоб* — ‘расширенная часть пищевода’, а в украинском, белорусском, болгарском и словенском языках употребляется слово *зобъ*, означающее ‘корм’. Таким образом, из современных значений славянских слов с корнем *зоб-* вытеснена сема ‘человек’, и семантический компонент ‘принимать пищу’ теряет роль доминирующего. Интересно отметить, что русский литературный язык не имеет глагольных образований с этим корнем, а в лоемском говоре сохранились и древнее значение, и производные с данным корнем.

В микрогруппу ‘есть, пить много, жадно’ входят также глаголы с диффузной семантической структурой. Это глаголы *охобачивать* и *мякать*, употребляющиеся в речи не только в значении ‘есть, пить много, жадно’, но и для обозначения любого энергичного, быстрого действия. Следовательно, в данных примерах очень четко прослеживается выдвижение на первый план семы интенсивности. Кроме того, в данную подгруппу входит и глагол *лопать* ‘жадно, много есть’ и ‘злоупотреблять спиртными напитками, выпивать’, обладающий такой характерной для диалектной лексики чертой, как детализация денотативного компо-

нента, проявляющей себя в формировании в структуре лексического значения семы 'спиртное'.

Более высокую степень характера протекания действия отражает группа глаголов со значением **'есть, пить очень много, досыта'**. Ее составляют такие лексические единицы, которые обозначают не процесс, а скорее состояние, вызванное предыдущими интенсивными действиями: это синонимы *наглодаться, насопеться, набобаться, нахлебаться*, означающие 'съесть очень много, наесться', а также глагол *насолониться* 'съесть очень много соленого, наесться соленой пищей', характеризующийся детализацией денотативного компонента: он имеет в своем составе уточняющую сему 'соленая пища, соль'. Глагол *набузгаться* 'выпить очень много, напиться' в лоемском говоре означает лишь процесс приема жидкости, тогда как в пермских, новосибирских, челябинских и других говорах данный глагол означает 'наесться вдоволь' [СРНГ 19: 137]. Все глаголы данной подгруппы образованы по одной словообразовательной модели: с префиксом *на-* и постфиксом *-ся*. Глаголы с данными аффиксами имеют значение 'дойти до состояния удовлетворения или пресыщения в результате длительного, интенсивного совершения этого действия'.

Микрогруппа со значением **'съесть, выпить все'**, выступает как член градуальной оппозиции, демонстрирующий высшую точку нарастания степени признака действия. Она состоит из лексемы *умять*, означающей 1) 'съесть все' и 2) 'всунуть с силой', а также лексемы *вылопать*, имеющей такие ЛСВ, как 'съесть все' и 'выпить спиртной напиток'. Также в данную микрогруппу входит глагольная лексема *отъесть* 'закончить есть, съесть все'.

Рассмотрев системные отношения в ЛСГ *глаголы процесса принятия пищи*, мы обнаружили такой тип лексико-семантической оппозиции, как *градуальность*, которая является выразительной чертой данных глагольных лексем. Она определяет появление отношений антонимии между ее крайними членами, характеризующими противоположные по количественному признаку действия 'съесть (выпить) немного' и 'съесть все'. Однако данная антонимия принимает вид относительной оппозиции, так как один крайний член градационного ряда обозначает действие с проявлением признака в высшей степени, а другой — действие с проявлением признака в минимальной степени, а не с отсутствием признака. Следовательно, такие глаголы, как *ткнуть, округениться, пивнуть, глотнуть* и глаголы *умять, вылопать, отъесть*, вступают в отношения относительной антонимии.

Аналогичное заключение можно сделать и об актуальности такой характеристики, как 'скорость', проявляющей себя в семах 'медленно' и 'быстро'. Сема 'медленно' присуща следующим глагольным лексемам, вступающим в отношения абсолютной синонимии, — *чамкать* и *вычавкивать*. Семой 'быстро' обладает лишь один глагол, описанный выше, — *зобать* 'есть много, быстро, без разбору'. Остальные глаголы отражают так называемую нейтральную (среднюю) скорость употребления пищи.

В подгруппу со значением **'есть, пить с характерным звуком'** входят следующие глаголы: *жавкать, жвакать* (и его варианты *жмакать, жмякать, жваковать*), *тёпать, швыркать*. Глагольная лексема *швыркать* означает 'есть, пить

горячее с характерным звуком', данный глагол содержит сему 'жидкая пища'. Остальные же глаголы включаются в отношения синонимии, имея значение 'есть, чавкая'. Все глаголы основаны на звукоподражании и обладают неодобри- тельной оценкой.

Особняком на периферии стоит в описываемой ЛСГ лоемская лексема *бродиться* '«ковырять» ложкой в еде, есть, выбирая что-то': *Ошабашь бродиться-то, хлебай, чё там ищешь!* Можно предположить, что такое значение у глагола *бродиться* возникает вследствие ассоциации с действием *бродить*, *искать* и по этой причине происходит перенос значения.

Жители Лоймы в качестве общего наименования процесса употребления пищи используют глагол с широким и потому малосодержательным значени- ем — *есть*. Однако в лоемском говоре отмечается и специальная лексема с таким же общим значением — *сопеть* 'есть': *Сопи, давай, не чевыргай. Он только сопеть и может, первый к столу бежит*. Эта лексема известна в архангельских, перм- ских, вологодских говорах, однако в этих говорах данная лексема имеет значе- ние 'пить что-либо' [СРНГ 39: 331]. Вследствие этого лексему *сопеть* в значении 'есть' можно квалифицировать как собственно лоемскую.

Подводя итоги наблюдениям над группой глаголов *принятия пищи*, следует отметить, что в описанных микрогруппах значимыми являются семы качества и количества. Глагольные единицы с указанными семами экспрессивны по своей природе: они не столько называют действие, процесс, состояние, сколько выра- жают их количественные и качественные признаки, а также оценку говорящих. Можно заметить, что большая часть глагольной лексики ЛСГ процесса приня- тия пищи относится к глаголам с квантитативным значением, в частности ми- крогруппе со значением 'есть много, жадно'.

Перейдем к рассмотрению ЛСГ глаголов *движения/перемещения*. В самом широком смысле движение представляет собой «изменение вообще». Одной из самых многообразных по своему проявлению форм движения является механи- ческое движение. Все предметы объективного мира способны к механическому движению. Однако в данной работе границы материала определялись в соответ- ствии со следующим принципом: в качестве материала рассматривались лишь те лексические единицы, где движение совершают только живые существа са- мостоятельно и активно, изменяя положения тела по отношению к другим те- лам с течением времени.

Помимо общего для всей лексико-семантической группы признака 'изме- нение положения в пространстве' можно выделить еще четыре дифференци- альных признака этих глаголов: 1) характер движения (поступательное, колеба- тельное, вращательное); 2) среда передвижения (земля, вода, воздух); 3) способ передвижения (пешком, бегом, ползком), 4) общая направленность движения (по горизонтали или по вертикали) (Надеина, 2006). Значимыми оказываются и признаки интенсивности, скорости (большая, малая).

На основе категориальной семы 'характер движения' лексико-семантиче- ская группа глаголов движения делится на три основных класса: глаголы *по- ступательного*, *колебательного* и *вращательного* движения. Наиболее свойствен- ное человеку и чаще всего наблюдаемое им в окружающем мире поступатель-

ное движение, то есть направленное движение/перемещение, чаще всего осуществляемое по твердой поверхности, по земле. Среди глагольной лексики в Картоотеке словаря лоемского говора не было обнаружено собственно диалектных глаголов, называющих движение, осуществляемое по воде, а также по воздуху. Диалектным характером отличаются глагольные лексемы с дифференцирующей семой 'передвижение по земле'.

По способу передвижения среди лексики говора с. Лойма выделяется *пешее* передвижение и передвижение *бегом*. К глаголам лоемского говора, имеющим общее значение 'бежать/бегать', можно отнести следующие слова: *бечь, бегивать, запобегивать, дрипать, стрекать, треньгать, трястись: Ой, куды подрипал, счас счипаю тебя! Робятёшка-то пострекали куды-ко.*

Глаголы *умахать, упалить, жмакнуть* являются синонимами и означают 'быстро убежать', напр.: *От как кот быстро-то умахал: боится, что поколотят. Упалили опеть уже, лешовы детки! А он оттуда жмакнул, только его и видели.* Значение этих глаголов указывает на интенсивность производимого действия.

В подгруппу глаголов, означающих *пешее* передвижение, входят такие глаголы, как *мерить, ногать, шлёпать, шлябать, курковать*. Каждый из этих глаголов помимо архисемы 'идти' обладает и дифференцирующей семой 'пешком', а также семой 'со средней скоростью'.

Такая характеристика, как *скорость*, проявляет себя в семах 'медленно' и 'быстро'. Сема 'медленно' очень часто выступает вкупе с такой семой, как 'с трудом'. Такая семная структура присуща следующим глагольным лексемам: *захлябать* 'начать идти медленно, с трудом, прихрамывая', *шапериться (шепериться)* во втором значении 'идти медленно, неуверенно, осторожно' (*Гляди ну-ко в окошко-то, это не наши ли уж шаперится наконец-то?*), *карачиться* 'идти медленно, с трудом переставляя ноги'. Единственный глагол лоемского говора, обладающий кроме архисемы 'идти' интенсивной семой 'быстро' — это глагол *ушивать*, означающий 'быстро идти': *Лико, лико как Танька ушивает, на автобус, наверно.*

Описанные выше глаголы поступательного движения обозначают целенаправленную деятельность, движение вперед, продвижение к пункту назначения, к намеченной цели. Глаголы **колебательного движения** образуют группы со значениями 'беспорядочное движение' и 'мерное, однообразное движение'. Препятствием на пути продвижения человека вперед, к цели может являться отсутствие представления о местонахождении, потеря ориентира, что приводит к беспорядочным движениям. В лоемском говоре встречаются глаголы, имеющие значение 'потеряться, плутать', напр., *блукать* (*Она, видно, по лесу блукала и на чистое место попала*), а также глагол *блудить* (*Блудишь, блудишь, да и выйдешь на дорогу*), в структуре лексического значения которых отмечается сема 'ходить в неопределенном направлении, туда-сюда'. Данные лексемы являются стилистически нейтральными. Однако среди лоемских глагольных лексем встречаются глаголы, означающие 'ходить без цели, слоняться'. Можно утверждать, что носителем народного сознания праздное времяпрепровождение, хождение без цели, ничего не делая, оценивается негативно. Так, например, в глаголах *полохаться, шарашиться, шлёндать (шляндать)* в значении 'ходить, бродить без цели'

актуализируется отрицательная оценка поведения человека, позволяющего себе бесцельно тратить время. Рассмотрев все значения данных слов, можно констатировать, что глаголы этой подгруппы обозначают не какое-то конкретное действие, а называют действие, обобщенное, беспорядочное, нежелательное с точки зрения говорящего, выражающее его досаду, осуждение или определенное настроение.

Сема беспорядочного, неритмичного движения из стороны в сторону или во все стороны актуализирована в значении ‘идти, качаясь, шатаясь, перваливаясь’ глагола *бельхаться*: *вишеньё — болтаётся, бельхается*. Данный глагол вступает в отношения синонимии со вторым значением глагола *чапаться*, метафорическим производным от первого значения ‘качаться, болтаться (о предмете)’: *Рук нет, ног нет, а чапается во все стороны* (в загадке о зыбке) и *Налопался опеть где-то, глотина, лико, как идёт, чапается!* С данными словами в синонимическую связь вступает и глагол *шариться* ‘ходить шатаясь, неуверенно’: *А он мне и говорит, ты шо, выпила, шарисься так, а я ему — так я робила сколько!* Семей ‘шатаясь, неуверенно’ помимо архисемы ‘идти’ обладают и лексемы, называющие неуверенные движения, первые шаги ребенка: *зашаврять* и *тёпать (тёпкать)*.

Класс глаголов **вращательного движения** в лоемском говоре невелик, нами выявлена всего одна лексема: *оборотиться* ‘покружиться, повернуться вокруг себя’: *Ну-ка, Натаха, оборотися, покажися, какая ты есть*.

Перейдем к рассмотрению глаголов **вертикального движения**. Данная ЛСГ в говоре с. Лойма представлена лексемами, отражающими движение вверх — *улезть* ‘залезть, подняться’, *тянуться* ‘подниматься вверх с помощью веревки’, *петаться* ‘подниматься’; а также движение вниз — *вальнуться, вирёхнуться, выпасть, извалиться, мякнуться, пасть, ряхнуться, ухнуть, хлобыстнуться, хрястнуться, чебабахнуться, шурануться* с общим значением ‘упасть’. В данную группу входят и глаголы, имеющие конкретизирующие семы, например, *кумыльнуться* ‘упасть вниз головой, воткнувшись во что-либо’, в свою очередь, слово *торнуться* обнаруживает дифференцирующую сему ‘упасть грузно’.

Достаточно большую лексико-семантическую группу составляют глаголы с ядерным значением ‘**бить, ударять**’. Данная группа подразделяется на ряд подгрупп в зависимости от дифференцирующих сем, связанных с категориями интенсивности и экстенсивности ‘сильно—слабо’.

К подгруппе с дифференцирующей семой ‘**ударить сильно**’ относятся следующие лоемские глаголы: *бабахнуть, жахнуть, жмакнуть, залобанить, мякнуть, навзбуживать, наохобачивать, напаздирать, напольсать, насдирать, огреть, оттетерить, охобачивать, паздернуть, хлобыстать, шваркнуть, хронуть, вжать*. В подгруппу с общим значением ‘**ударить слабо, слегка**’ входят глаголы: *тяпать, щёлкать, шабаркнуть*.

Довольно большим синонимическим рядом представлена ЛСГ глаголов с ядерным значением ‘**испачкать(ся)**’: *изгваздатся, высуслиться, упластаться* (во втором значении) и его вариант *опластаться, усапаться, устосоваться, устряпаться, уцопаться, учерниться, учупаться, уписаться*. Многозначные глаголы *упластаться* и *устряпаться* полностью совпадают и во втором значении — ‘очень устать, выбиться из сил’, следовательно, их можно считать абсолютными

синонимами. Глаголы *выгадить*, *выляпать*, *выплатить*, *загваздать*, означающие ‘испачкать что-либо’, также являются синонимами, различающимися, однако, семантическими оттенками, отражающими причину и характер появления грязи.

По словообразовательному типу с префиксом *у-* и постфиксом *-ся* образованы глаголы в ЛСГ с ядерным значением ‘устать’: *увирёхаться*, *умаряхтаться*, *умолотиться*, *упластаться*, *уробиться*, *успанаться*, *устряпаться*, *уханькаться*, *ухарчиться*, *ухлопаться*, *уходиться*, *ухулиться*. Глаголы, образованные по данному деривационному типу, имеют в русском языке общее словообразовательное значение — ‘дойти до нежелательного состояния в процессе длительного или интенсивного действия, названного мотивирующим глаголом’. Вследствие этого можно утверждать, что лексическое значение данного обширного синонимического ряда в лоемском говоре формируется прежде всего словообразовательными морфемами. Кроме того, в ЛСГ глаголов со значением ‘устать’ входят и такие лексемы, как *измориться*, *пристать*, *рассолодеть*.

В результате системного семантического анализа глагольной лексики в говоре с. Лойма Прилузского района Республики Коми было вывлено следующее. В лоемском говоре отчетливо выделяются ЛСГ глаголов: процесса принятия пищи, речи, движения, глаголов с ядерным значением ‘ударять, бить’, ‘испачкаться’, ‘упасть’, ‘устать’, ‘шуметь, издавать какие-либо звуки’. Проведенный анализ лексики показал, что среди ЛСГ наибольшую лексическую разработку имеет ЛСГ глаголов речи, что может свидетельствовать об актуальности данной сферы в картине мира лоемцев. Образ жизни людей в сельской местности предполагает активность людей в устном общении, а значит, и особое внимание к характеру и содержанию речи. В ЛСГ глаголов речи выделены подгруппы с дифференцирующими семами ‘болтать’, ‘ругаться’, ‘рассказать много’, ‘позвать, пригласить’, ‘предупредить’, ‘хвалиться’, ‘говорить невнятно, бормотать’, ‘говорить громко, кричать’, ‘говорить надоедливо, ныть’, ‘говорить красиво, складно’. К данной ЛСГ примыкает группа глаголов с ядерным значением ‘шуметь, стучать, издавать какие-либо звуки’. Она также отличается высокой степенью детализации лексического значения. В ней выделяются подгруппы в зависимости от характера и источника издаваемого звука: ‘производить звук посредством удара одного предмета об другой’, ‘стучать каблуками во время танца’, ‘производить характерные хлюпающие звуки’ (о жидкости), ‘издавать шуршащие звуки’, ‘издавать громкие звуки’. Большую и разработанную подгруппу представляют собой глаголы, обозначающие звуки, издаваемые животными’. Важно отметить, что многие глаголы данной ЛСГ употребляются и по отношению к человеку, называя характер его речи.

Также среди лоемских глагольных лексем довольно большую ЛСГ составляют глаголы процесса принятия пищи и напитков. Глагольные единицы данной ЛСГ экспрессивны по своей природе: они не столько называют действие, процесс, состояние, сколько выражают его количественные, качественные признаки и оценку говорящих.

ЛСГ глаголов движения также представляет собой довольно большой и интересный пласт лексики лоемского говора. Наибольшей разработанностью ха-

рактируются подгруппы глаголов, обозначающих поступательное движение, осуществляемое по твердой поверхности, по земле, и глаголов, характеризующих скорость передвижения.

Список сокращений

КСГЛРК — Картотека словаря говора с. Лойма Республики Коми НОЦ
СГУ им. Питирима Сорокина «Духовная культура европейского севера
России».

СРНГ — Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1965—1989. Вып. 1—23;
СПб., 1990—2011. Вып. 24—44.

**К ВОПРОСУ О ПОЭТИКЕ ПАТЕРИКОВЫХ РАССКАЗОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПЕЧОРСКОГО СПИСКА «ЛАВСАЙКА»)****TO THE QUESTION OF THE POETRICS OF THE PATERIC STORIES
(ON THE MATERIAL OF THE PECHORSKY LIST «LAVSAIKA»)**

В статье характеризуются новеллы из переводного патерика «Лавсаик», один из списков которого, вероятно, был создан на нижней Печоре и хранится в Усть-Цилемском новом собрании ИРЛИ (№ 1): дается обзор тематики патериковых рассказов, особенностей их композиции и сюжета, типичных персонажей, а также дан анализ сюжета нескольких новелл.

Ключевые слова: переводные патерики, Лавсаик, нижняя Печора, старообрядческие рукописи, анализ сюжета и композиции.

The article features novels from the transfer paterik «Lavsaiik», one of the lists of which was probably created on the Lower Pechora and is kept in the Ust-Tsilem new collection of IRLI (No. 1): an overview of the themes of the patericon stories, the features of their composition and plot, typical characters, as well as an analysis of the plot of several short stories.

Keywords and phrases: transfer paterikas, Lasaik, Lower Pechora, Old Believers manuscripts, plot analysis and composition

В Усть-Цилемском новом собрании ИРЛИ под номером 1 хранится большая рукопись, содержащая патериковые новеллы, большая часть которых идентифицирует этот сборник с известным памятником переводной агиографии «Лавсаиком», создававшимся в течение многих лет (между 364 и 430 гг.) ранне-византийским писателем Палладием Еленопольским, уроженцем малоазийской провинции Галатии, по заказу постельничего императора Феодосия Младшего Лавса, по имени которого сборник и был назван Лавсаиком [7]. Палладий долго жил в Египте, куда он отправился, чтобы познакомиться с монашеской жизнью, а в результате и сам стал монахом. Путешествуя по египетским пустыням, встречаясь с аскетами-пустынниками, Палладий собирал легенды об их жизни, испытаниях, соблазнах и чудесах, которые впоследствии он объединил в своей книге — сборнике повестей о жизни современных ему монахов. Целью Палладия было, как он сам говорит в предисловии к своему труду, возбуждение «ревности к подражанию в мужах, желающих вести жизнь небесную».

Приведем слова выдающегося ученого — исследователя средневековых сочинений С. С. Аверинцева, который назвал главные достоинства книги

Палладия: «острое ощущение колорита и фольклорная по духу непосредственность изложения». Ученый обращает внимание на несложный синтаксис и «непринужденность интонаций устного рассказа» [9, с. 120]. При этом в «Лавсаике» нарисована «очень конкретная и красочная картина нравов и колоритных преданий монашеской среды Египта» [8, с. 327].

Печорский список Лавсаика был впервые исследован в дипломной работе 1997 г. одного из авторов этой статьи [3], которая и послужила основой для данной публикации. Недавно этот памятник снова стал предметом исследования: были опубликованы статьи, посвященные отдельным его новеллам [1; 11], прочитаны доклады [12; 13], которые в ближайшее время будут опубликованы.

«Лавсаик» из Усть-Цилемского нового собрания ИРЛИ представляет собой рукопись начала XIX в. в 4-ку, написанную полууставом на 227 листах и содержащую 133 рассказа. На ее возможное печорское происхождение указывал в свое время В. И. Малышев, говоря о богатстве и своеобразии письменной традиции в Усть-Цилемском крае, где «были свои писатели, создававшие произведения на местные темы, находились переписчики и иллюстраторы рукописей» [6, с. 40]. Среди подобных рукописей, созданных на Печоре, В. И. Малышев называет и «Лавсаик», в то время еще хранившийся у одного из усть-цилемских крестьян — Трифона Ивановича Ермолина, с которым археограф общался во время своих экспедиций. Т. И. Ермолин, по-видимому, имел свое собрание рукописей. Известно, что кроме «Лавсаика» у него хранились «Козмография от разных книг собрана» (конца XVII в.), Пролог за первую половину года (конца XVI в.), Повесть о табаке (конца XVIII в.), Повесть о вине (середины XVIII в.) [5, с. 252] Поморские ответы (XVIII века) [4, с. 517]. Позднее «Лавсаик» был приобретен В. И. Малышевым у Т. И. Ермолина и поступил в Усть-Цилемское новое собрание ИРЛИ.

Исследование содержания печорского «Лавсаика» показало, что он носит компилятивный характер, так как включает сюжеты из других патериков, в частности из «Дуга духовного» Иоанна Мосха [1]. Однако вопрос о составе печорского «Лавсаика» по-настоящему еще не исследован, это задача будущего. В данной статье мы попытались охарактеризовать особенности поэтики патериковых новелл, проанализировав в продолжение уже начатой ранее в этом направлении работы [1] еще ряд сюжетов «Лавсаика».

Новеллы «Лавсаика» мы проанализировали в двух аспектах: с точки зрения их художественной формы и тематики. По форме рассказы «Лавсаика» можно разделить на две группы — с развернутым сюжетом и краткие, лишь сообщающие о каком-то подвижнике или событии. Первая группа представлена новеллами, повествующими об отдельном поучительном эпизоде из жизни подвижника, призванном показать силу духовного подвига святого. К таким новеллам относятся, например, «Повесть отца Даниила о Евлогии каменосечцы», «Повесть Палладия о ином Евлогии», «О отроковице, посеченной от свекра своего, понеже не остави его блудити с нею» и другие.

Новеллы второй группы лишь намечают ту или иную ситуацию, но не содержат развернутого повествования. Они невелики по объему, однако, как и другие патериковые повести, несут в себе какую-то дидактическую идею. Такими ко-

роткими зарисовками являются, например, следующие сказания: «О брате, не ядшем мяса 30 лет», «О юнном иноки, ходящим в корчемницу», «О отшельниках», «О некоем старцы, пришедшу диаволу искусити его» и др.

Несмотря на различие в художественной форме, новеллы первой и второй групп объединяются общим кругом тем и идей. Новеллы «Лавсаика» можно разделить на две тематические группы: рассказы об аскетическом самоотречении отшельников и их испытаниях на пути к святости и рассказы о духовных дарах, которые получают подвижники в результате успешного продвижения по духовному пути.

Повести первой группы раскрывают тему ухода человека от суеты мира для погружения в духовную жизнь. Герой повествования в таких новеллах приходит к ней через аскетический подвиг, ежедневную работу над своей душой, в результате которой побеждает греховные помыслы и достигает такой внутренней гармонии, которая позволяет ему общаться с Богом. В процессе достижения этого идеала герои таких новелл проходят через ряд испытаний, описанию которых посвящены наиболее яркие и сюжетно разработанные страницы патериковых новелл. Это может быть испытание богатством (новелла о Евлогии каменотесе), бесами («Повесть ... о ином Евлогии» (глава 2); «О некоем старцы, пришедшу дияволу искусити его» (глава 33), жарой и зноем («О инокине, обретенной в пустыни Иорданстей» (глава 23), воздержанием от пищи («О брате, не ядшем мяса 30 лет» (слово 6), искушением блудными помыслами («О юнном иноки, ходящим в корчемницу» (глава 7). В результате этих испытаний герои повествования обретают смирение, терпение, выносливость, укрепляются в вере.

Чтобы охарактеризовать идейно-тематические и сюжетные особенности этого типа новелл, мы выбрали из «Лавсаика» наиболее интересные и яркие в художественном отношении рассказы, анализ которых приводим во второй части статьи.

Другую тематическую группу новелл составляют рассказы о духовных дарах, которые достигшие духовной зрелости подвижники получают от Бога, то есть о их необыкновенных способностях, позволяющих совершать различные чудеса. Способности эти даруются подвижникам после прохождения ими ниспосланных испытаний. В этих рассказах читатель находил поучительные примеры чудодейственной силы христианской веры. К данной тематической группе можно отнести новеллы о чудесных исцелениях больных («О магистриане, иже мертвеца покры своею ризою» (глава 88; «О некоем старцы Иоанне» (глава 102; «О отроцех, како крестиша евреина в пустыни песком» (глава 132), о власти над животными («О отцы Герасиме, како лев повинуся ему» (глава 127; «Отцы Сергии, како послуша его лев» (глава 129; «О отцы Пимине, како леопард греяше его» (глава 130), над стихиями природы («Об отроцех, крестивших евреина» (глава 25), о способности чудесным образом добывать пищу («О отцы Георгие, сотворшем молитву над сосудом, и скипе масло» (глава 96) и открывать закрытые двери («О отшелниках» (слово 15), рассказы о наказаниях за преступление или плохой проступок («О отроковицы, посеченной от свекра...» (глава 20); «О трех слепцах» (глава 74). Избранные новеллы из этой группы мы также проанализировали с точки зрения их содержания и формы.

Предваряя анализ конкретных текстов, приведем некоторые наблюдения о поэтике патериковых новелл, дополняя их наблюдениями о структуре патериковых рассказов, сделанными в статье А. М. Грачевой [2].

Главными героями патериковых новелл являются прежде всего монахи-отшельники и их ученики (согласно агиографической традиции они именуются «аввами», «святыми отцами», «старцами») и оставившие мир женщины («инокини»). Однако зачастую в «Лавсаике» встречаются рассказы, в которых главными героями являются миряне: христиане, стремящиеся вести добродетельный образ жизни, язычники, не желающие принимать христианскую веру, разбойники. Нередко персонажами патериковых повестей становятся дети. Особая роль в сюжете этих новелл отведена бесам и дьяволу, которые нередко выступают как сюжетно оформленные персонажи. Почти в каждом рассказе появляются и гости из высших небесных миров, предстающие то в образе «светоносных отроков», то в облике «мнихов». Полноправными героями патериковых новелл являются также животные, участвующие наравне с людьми в развитии событий того или иного рассказа.

Жизнь главных героев патериковых новелл — строгих аскетов — описывается в стиле житийного повествования: такой герой ведет исключительно праведный образ жизни, стремится обладать всеми возможными добродетелями, главнейшее из которых — смирение. Герою непременно препятствуют козни дьявола, он борется с блудными помыслами, всегда в конечном счете преодолевая их. Святые старцы наделены и способностью совершать чудеса, что их отличает от обыкновенных праведников.

Патериковые новеллы несут в себе ряд дидактических идей: это идея необходимости обретения веры в христианское учение, что даст человеку возможность надеяться на Божью помощь в трудной ситуации; идея существования божественного промысла относительно преданных ему людей и идея чудодейственной силы христианской веры. Эти идеи часто бывают сформулированы одной фразой в самом тексте новеллы, например в новеллах о Евлогии каменотесе, о инокине в пустыне Иорданской, о магистриане.

Анализируя повести печорского «Лавсаика», мы выделили и типичные композиционные приемы, применяемые в патериковых рассказах. К таким приемам относится, в частности, использование «обратной» композиции, необходимой для создания сюжетной тайны. В таких новеллах обычно вводится рассказчик, от лица которого идет повествование. Как правило, он знает о герое все, но не сообщает читателю известные ему сведения сразу: читатель узнает обо всем постепенно в ходе повествования, а часто только в самом конце рассказа. Использование «обратной» композиции в повествовании создает напряжение в начале рассказа, необходимое для усиления занимательности сюжета.

При нарушении хронологической последовательности событий в новеллах используется рамочная композиция, когда начало повести рисует обстановку, в которой происходит рассказывание основного сюжета, являющегося в общей композиции новеллы вставным рассказом. При этом композиционная рамка может быть предельно лаконичной и, наоборот, сюжетно разработанной, развивая свою самостоятельную идею. Как правило, идея, выраженная во вставной

новелле, сюжетно раскрывает идею, лишь намеченную в рамочной части сюжета. Примером такой организации текста могут служить «Повесть отца Даниила о Евлогии каменосечцы», в которой идея обретения главным героем смирения раскрывается в двух сюжетных линиях, и рассказ «О инокине, обретенной в пустыни Иорданстей», в которой другая идея — присутствия Божьего промысла в судьбах людей — также раскрывается с помощью двух сюжетных линий, что мы покажем далее.

Особый прием, используемый в патериковых сказаниях, как и во многих житийных текстах, — включение в повествование видений, в которых может раскрываться основная идея новеллы. Часто видения предвзвещают ход реальных событий, играя провиденциальную роль в сюжете. В самый критический для героя момент повествования они подсказывают ему, как необходимо поступить в сложившейся ситуации. Так происходит, например, в новелле, составляющей главу 3-ю о Андронике и Афанасии. В новеллах печорского «Лавсаика» встречаются и рассказы с «прямой» композицией, когда соблюдается фабульная последовательность событий, разворачивающихся на глазах читателя (новеллы об Андронике и Афанасии; об отце Герасиме).

Отметим также, что одна и та же идея может раскрываться и в новеллах с развитым сюжетом, и в небольших по объему новеллах, в которых невозможно выделить отдельные элементы сюжета (к ним относятся, например, новелла об Евлогии (глава 2), о инокине (глава 23).

Охарактеризовав основные грани поэтики патериковых навел, составивших содержание «Лавсаика», обратимся к отдельным новеллам и покажем, как эти особенности проявились в данных рассказах.

Рассмотрим новеллу «Лавсаика» об Андронике и жене его Афанасии («Того же отца Даниила о Андронике и о жене его Афанасии. Глава 3»). Тема ее — пути, ведущие человека к иноческой жизни. Главные герои новеллы — Андроник и Афанасия, супружеская пара, посвятившие свою жизнь служению Богу после внезапной смерти их детей. В повествование введен условный рассказчик — отец Даниил, не принимающий участия в описываемых событиях и названный лишь как источник, из которого составитель сборника почерпнул данный сюжет. Новелла охватывает большой промежуток времени: действие начинается, когда главные герои были еще молодыми, и заканчивается их смертью, причем сначала описывается их мирская жизнь, а затем — иноческая. Композиция в этом рассказе прямая: соблюдается хронологический принцип развертывания сюжета, композиционная рамка, используемая во многих новеллах «Лавсаика», отсутствует.

Сюжет новеллы разработан достаточно хорошо: в ней использованы почти все основные элементы сюжета: пролог, экспозиция, завязка, развитие действия, кульминация и развязка; отсутствует только эпилог. Повесть начинается с пролога, в котором рассказывается о жизни героев, предшествующей событиям основного сюжета. Здесь описывается праведный образ жизни Андроника и Афанасии после их женитьбы: подчеркивается необыкновенная добропорядочность и целомудрие этой супружеской пары («Бе бо Андроник муж благоговейн и добродетелми украшен, тако же и жена его Афанасия»), вводится тради-

ционный для патериков и восходящий к Евангелию (Матф. XIX, 23—24) мотив раздачи богатства: сообщается о том, что герои, будучи богатыми людьми, разделили свое «имение» на три части и только одну треть оставили себе, остальное пожертвовали бедным и на церковные нужды. Завершается пролог указанием на почтительное отношение к герою окружающих («...все любляху и добродетели ради и кротости его»), что завершает характеристику Андроника как праведника.

В самом начале экспозиции автор вводит хронологическое уточнение, сообщая читателям, что с момента женитьбы героев прошло уже два года и что за это время у них родились сын Иоанн и дочь Мария. Затем кратко рассказывается история болезни и смерти этих детей, которая и повлекла за собой кардинальные изменения в жизни супругов. Однажды, придя домой, Афанасия обнаружила, что дети ее заболели, и она осталась с ними на всю ночь, объяснив мужу, что «чада» их «огнем содержима суть». Вскоре дети умерли, и их похоронили в церкви святого Юлиана, где покоились родители Андроника. Далее в экспозиции описывается эмоциональное состояние Андроника и Афанасии после похорон детей, при этом подчеркивается, что герои отнеслись к этой потере по-разному: Андроник со смирением принял смерть своих детей («Господь даст и Господь взят. Якоже Господови угодно бысть, сице сотвори»), Афанасия же не смогла смириться с потерей детей, говоря: «С чады своими умру и аз». Эти земные чувства Афанасии в дальнейшем повествовании и становятся причиной радикальной перемены в жизни супругов.

Завязкой сюжетного действия в новелле служит сообщение о том, что Афанасии было видение в церкви, где она осталась после похорон своих детей и оплакивала их смерть. Ей явился «святый мученик в образе мниха» и указал пути покаяния в грехах. В уста явившегося Афанасии монаха вложена мысль о бессмысленности переживания по поводу смерти близких, поскольку Бог, взяв их к себе, позаботится о них, поэтому человек должен обрести смирение перед лицом Господа в соответствии с евангельским постулатом: «И враги человеку домашние его... кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня» (Матф. X, 36—37). Мотив видения играет важную роль в дальнейшем сюжете новеллы: он призван подсказать героине, как ей необходимо вести себя в сложившейся ситуации и мотивировать последующее развитие действия. Именно после видения Афанасия понимает, как ей следует жить дальше, и принимает решение стать монахиней.

Развитие действия в рассказе начинается с краткого сообщения автора о разговоре, состоявшемся между Афанасией и Андроником, в ходе которого Афанасия рассказывает мужу о видении в церкви и о своем решении принять постриг. Далее события развиваются очень быстро, при этом повествование в этой части новеллы не богато подробностями: сообщаются только некоторые факты из дальнейшей жизни героев, так как акцент в повествовании сделан не на описании монашеской жизни бывших мирян, а на рассказе о путях, ведущих к аскетическому подвигу. Мы узнаем, что Андроник и Афанасия покидают свой дом, как бы следуя известному речению Христа: «И всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей,

или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную» (Матф. XIX, 29). При этом подчеркивается, что желание супругов начать иноческую жизнь не было вызвано только потерей детей. Читатель воспринимает их решение как следствие совершенно искреннего желания служить Богу, так как уже в начале повествования герои изображаются как особые люди, непохожие на других, наделенные всяческими добродетелями.

Из дальнейшего повествования становится известно, что по дороге супруги встретили «некоего мниха с мирянином, свары творяща», спор которых успешно разрешает Андроник, а затем устраивает свою жену в «монастырь Тавенисиот» со строгим уставом, а сам поселяется в скиту под началом отца Даниила. В этой части повествования мы ничего не узнаем о монашеской жизни героев, а сразу же переносимся на 12 лет вперед и встречаемся с героями, когда они (каждый сам по себе) совершают путешествие к святым местам. Во время этого путешествия судьба снова соединяет разлучившихся супругов.

Момент встречи героев после стольких лет разлуки является в новелле кульминационным эпизодом. Он построен на мотиве незнания героями друг друга. Однако в новелле этот мотив усложнен тем, что один из героев пребывает в неведении относительно другого, а второй знает, с кем он встретился. По сюжету новеллы, Афанасия узнает своего мужа, Андроник же принимает жену за странствующего монаха. При этом автор вполне реалистичски объясняет, почему это произошло: «Познавши убо голубица супруга своего, той же не позна ея. Како бо можааше познати сию, увядшу воздержанием, яко муринку сущу».

Развязка новеллы повествует о совместной жизни супругов. При этом автор вносит элемент занимательности в эту финальную часть повествования, изображая своего героя — Андроника — по-прежнему пребывающим в неведении относительно своего «сожителя». О том, что «отец Афанасий» — это его жена, Андроник узнает, по сюжету повести, только после ее смерти. Заканчивается новелла сообщением о том, что Андроник умер на могиле своей жены, и их похоронили рядом.

Особенность данного рассказа, на наш взгляд, заключается в том, что в самом его начале (прологе и экспозиции) жизнь Андроника и Афанасии описывается подробнее, чем в основной части сюжета, которая носит по большей части информативный, а не описательный характер: здесь кратко сообщается о важнейших событиях, произошедших с героями, при этом приводятся только факты из их жизни, а подробно каждый жизненный этап не описывается.

В этой новелле мы встречаемся с традиционным для патериковых новелл набором сюжетных мотивов: воздержание от пищи, путешествие к святым местам (благодаря чему Андроник и Афанасия встретились после стольких лет разлуки), послушание (Андроник спрашивает разрешения у святого Мины, можно ли ему жить вместе в одной келье с отцом Афанасием, а не сам принимает решение), обет молчания («отец Афанасий» предлагает Андронику продолжить и в совместной келье практику молчания), дар предвидения, предсказание своей смерти (Афанасия, чувствуя приближение своей смерти, просит святого Мину передать после своей смерти «книжицу», лежащую у ее изголовья, Андронику. И как только она это произносит, тут же «отиде ко Господу»).

Основная сюжетная линия прослеживается в новелле с достаточной определенностью, поэтому такое построение сюжета можно назвать телеологическим. Все действие подчинено в новелле основной идее: Бог попускает тем, кто устремлен к духовной жизни, но еще не осознает своего предназначения, потерю близких им в миру людей, что облегчает им путь к аскетической жизни, безраздельному служению Господу.

Идея божьей помощи людям, решившим стать на путь духовного подвига, звучит и в новелле, читающейся в 23-й главе «Лавсаика», — «О инокине, обретенной в пустыне Иорданстей». Здесь, как и в предыдущем рассказе, повествуется о путях, которые приводят мирского человека в монашество, но раскрывается эта тема на другой фабульной основе. В данном случае героиня стала отшельницей, так как с юных лет хотела посвятить свою жизнь служению Богу, поэтому она отказывается от замужества, навязываемого ей отцом. Ее мечта осуществляется благодаря Божьей помощи и ее глубокой вере. Несмотря на тематическую и идейную общность с новеллой об Андронике и Афанасии, рассказ «Об инокине, обретенной в пустыне Иорданстей» имеет иное построение. По композиции новелла напоминает «Повесть о Евлогии каменосечцы», с которой начинается пещорский список «Лавсаика»: здесь также развиваются две сюжетные линии, раскрывающие идеи новеллы.

Повествование в этой новелле, как и в рассказе об Евлогии, имеет композиционную рамку, в которой развивается первый сюжет, а в него включен как вставной рассказ второй сюжет. Композиционное обрамление знакомит нас с одним из главных героев новеллы из числа «великихъ и богоносныхъ отецъ», по имени Сила, обитавшим в ските, «глаголемемъ Фара». Его рассказ безымянному «брату» и составляет содержание первой сюжетной линии. Фабулу этого рассказа составляет повествование о поисках старцем Силою своего соседа-отшельника, жившего неподалеку, в «пещерь, глаголемъй Каламонъ», которого он посещал в «нарочитыя праздники», приносил ему «малыя потребы» и получал от него благословение. Однажды в пасхальные дни он снова отправился навестить старца в его пещере, но заблудился и, палимый зноем, потерял сознание.

Отметим, что в этой части новеллы очень реалистично передан колорит египетских пустынь, отличающихся особой суровостью климатических условий: необыкновенный зной, царствующий в этих местах, довел старца до того, что он «лежах, яко мертв», ибо у него иссякли уже все силы. В этот момент в повествование вводится мотив видения, которое помогает старцу преодолеть физическую немощь: отец Сила видит «некоего светлосна мужа», который напоминает ему слова Господа: «Верующему вся возможна». Это ключевая фраза новеллы, раскрывающая идею рассказа и напоминающая читателям евангельские слова о могущественной силе христианской веры: «Иисус сказал ему: если сколько-нибудь можешь веровать, все возможно верующему» (Марк. IX, 23). На протяжении всего рассказа автор стремится показать, что человек, искренне преданный Христу, всегда найдет поддержку в трудной ситуации у небесных сил. В тексте рассказа эта идея подтверждается сюжетно: состоявшийся между «светлосным мужем» и отцом Силой разговор, а также произнесенная старцем молитва духовно укрепляют его, и Сила обретает возможность продолжать

поиски отшельника, к которому он направлялся, и они приводят его в неизвестную пещеру. Так повествование подводит читателя к истории, заключенной во вставном сюжете — рассказу второй героини новеллы — отшельницы, жившей в пещере, которую обнаружил отец Сила в результате своих поисков. В ее повествовании открывается история ее появления в этом уединенном месте. Она, как и история отца Силы, иллюстрирует идею: искреннее желание служить Богу сильнее любых препятствий, мешающих осуществлению этой цели.

Инокания рассказывает отцу Силе о том, как ей приходилось идти на различные хитрости, чтобы избежать решения отца выдать ее замуж помимо ее воли. Мотив преодоления препятствий и здесь, как и в рассказе о блуждании отца Силы по пустыне, организует повествование. Если отец Сила преодолевает жару и зной египетской пустыни, то отшельница преодолевает тягостное для нее решение отца выдать ее замуж. Сначала она говорит отцу о своем обете посетить святые места, а когда тот предлагает ей отправиться туда после свадьбы вместе с супругом, уточняет, что в обете она обещалась девственницей совершить это путешествие. Тогда отец отпускает ее в Иерусалим, дав ей приличествующее ее статусу сопровождение — «рабы и отроковица», младшего брата и «златники». Достигнув «святого града» и поклонившись святым местам, девушка отправляется в пустыню «искать святых отца». В поисках она достигает места, «нарицаемого Копрофа». В пещерах вблизи Египетской лавры она обнаруживает трех «великих старцев». Увидев одного из них — «святотѣпнаго, ... одѣяннаго в ретищем», девушка сразу понимает, что он-то и исполнит ее мечту стать инокиней и получить благословение на отшельничество. Но она не сразу обращается к нему, а сначала возвращается в Иерусалим и некоторое время пребывает там со своей свитой. Но когда ее сопровождающие вознамериваются возвратиться в Царьград, она сообщает брату о своем желании посетить еще и Гефсиманию и поклониться гробу Богородицы. И, несмотря на доводы брата против такой неподготовленной поездки (отсутствие подходящей одежды и слуг, которые со всей утварью уже ушли вперед), девушка все же уговаривает его отпустить ее с одной служанкой, пообещав, что скоро вернется и догонит всех остальных. При этом она незаметно прячет в свою одежду, оставляемую у брата, прощальные письма к нему и к родителям, написанные накануне. Дальнейший рассказ повествует о ее возвращении в пещеру к старцам и получении от выбранного для исполнения ее мечты «светолепного» подвижника благословения на отшельническую жизнь, нескольких книг и «ретища», в которое он был облечен. С этими дарами она отправилась в путь, и Бог приводит ее к той пещере, где ее и нашел отец Сила. Заканчивается внутренний сюжет сообщением отшельницы о том, что она пребывает здесь уже 18 лет и никого не видела за все эти годы. Здесь в повествование вводится мотив «духовного дара», который обрела подвижница, столько лет наедине общавшаяся с Богом — Господь питал ее своей духовной пищей, а когда отец Сила уходил, подвижница делится с ним этой духовной энергией, благодаря чему он без земной пищи дошел до своей кельи.

Идея неограниченных возможностей верующего человека раскрывается и во второй главе «Лавсаика» — «Повести Палладия о ином Евлогии», тема кото-

рой — борьба с бесом, мешающим главному герою новеллы, отцу Евлогию, усовершенствоваться в своих добродетелях.

Данная новелла, как и ранее рассмотренные, относится к сюжетно разработанным: в ней также можно выделить основные элементы сюжета: экспозицию, завязку, развитие действия, кульминацию, развязку и эпилог. Не останавливаясь подробно на анализе сюжета, кратко отметим, какие эпизоды выполняют основные сюжетные функции в новелле.

Рассказ имеет лаконичную рамку, лишь называющую рассказчика, — «отец Палладие философ». Основной же сюжет новеллы начинается с экспозиции, в которой в нескольких фразах рассказчик, отец Палладий, характеризует главного героя повествования — отца Евлогия, который из любви к Богу раздал почти все свое имущество и стал отшельником. Завязкой сюжета служит рассказ о том, как однажды Евлогий увидел на дороге калеку, у которого не было ни рук, ни ног, и решил взять его к себе, чтобы заботиться о нем: «Господи, имени твоего ради возму сего прокаженна и упокою его даже до смерти его, яко да ради его и аз спасуся». Так в новелле возникает главная ее тема — тема милосердия. В дальнейшем повествовании, выполняющем функцию развития действия, автор стремится показать смирение Евлогия, приводя диалог его с калекой, в которого вселился бес после 15 лет их совместной жизни. Диалог этот весьма выразителен. Калека, подстрекаемый бесом, гневно обличает Евлогия в том, что он принес его в свой дом, чтобы уходом за больным спасти свою душу. В этом разговоре спасителя и спасенного важна реакция Евлогия на обличения, бросаемые «прокаженным» в его адрес: он проявляет полную покорность обстоятельствам и готов смириться со всеми упреками больного, не зная, что тот одержим бесом. Так в новелле показывается сила христианской любви и веры, дающих верующему неограниченное терпение. Евлогий со смирением выслушивает брань и угрозы от того, кто должен быть благодарным ему за свое спасение, и даже чувствует себя виноватым перед ним: «Ни, Господи, не глаголи сия, но рцы ми, чим оскорбих тя, и исправлюся». Кульминация наступает тогда, когда калека так истово требует от Евлогия вернуть его на то место, где тот нашел его, что Евлогий встает перед выбором: выполнить требование несчастного и тем самым обречь его на верную смерть или найти какой-то другой выход, который спасет их обоих. И замученный своим подопечным старец принимает решение обратиться за советом к святому Антонию. Осуществление этого замысла и составляет развязку сюжета.

О встрече Антония с Евлогием и его обличителем-калекой впоследствии рассказал Палладию еще один старец, присутствовавший при этой встрече. Прозорливый Антоний сразу понимает причину ссоры своих гостей, сурово обличает калеку, а потом отправляет обоих домой, объяснив им, что виной случившегося между ними раздора стало вмешательство беса и что вскоре им предстоит обоим предстать перед Господом.

В эпилоге новеллы рассказывается о том, как вскоре сбылись предсказания Антония и как ушли из жизни друг за другом оба героя новеллы, что удивило свидетеля их пребывания у святого Антония, слышавшего предсказания старца, которые вскоре в точности исполнились.

Тема испытания подвижников бесами поднимается и в совсем коротких, сюжетно не разработанных рассказах, представляющих собой небольшие эпизоды, передающие лишь факты из жизни анахоретов. К таким рассказам относится, например, рассказ, читающийся в главе 33, тема которого заявлена уже в самом его названии: «О некоем старце, пришедшу диаволу искусити его». В этой новелле практически нет сюжетной событийной канвы. Она построена как диалог, происходящий между неким старцем и пришедшим к нему «в образе мниха» дьяволом, причем старец, обращаясь к пришельцу, повторяет все время одно и то же: «Сотвори молитву». Дьявол произносит только часть молитвы, а когда старец произносит ее целиком, дьявол тут же исчезает, «яко от огня палим».

Данный рассказ служит наглядной иллюстрацией идеи великой силы божественного слова, способного творить чудеса и побеждать зло, о чем пишет апостол Павел в послании к ефесянам: «А паче всего возьмите щит веры, которым возможете угасить все раскаленные стрелы лукавого; и шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть слово Божие» (Еф. VI, 16—17).

В ряде рассказов «Лавсаика» развивается тема борьбы с блудными помыслами как мирян, так и старцев-отшельников. К ним относится, например, новелла: «О отроковице, посеченной от свекра своего, понеже не остави его блудити с нею» (глава 20). Она начинается, как и в ряде других случаев, с краткого введения, указывающего на источник сюжета и служащего композиционной рамкой основного сюжета. В качестве рассказчика называется снова старец Даниил, который со своим учеником пришел в Александрию и там узнал печальную историю о том, как жертвой блудных помыслов, внушенных дьяволом, стал свекор юной пятнадцатилетней девушки — жены его единственного сына-рыбака: «ненавидяй же добра дияволь» «воздвиже» на его отца «рать блудную».

Развитие сюжета новеллы строится на столкновении молодой целомудренной женщины и ее охваченного похотью свекра. Для того чтобы подчеркнуть кротость и целомудрие главной героини повести, «отроковицы», автор отмечает ее почти детскую наивность, проявляющуюся в ее непонимании поведения свекра, уделяющего ей излишнее внимание. В новелле лаконично, но весьма выразительно изображено нарастание конфликта. Сначала свекр «по вся дни ласканием нѣкимъ часто облобызааше» невестку, но она, будучи целомудренной, принимает ласки свекра за отцовские, считая, что такое поведение свекра объясняется исключительно его искренними отцовскими чувствами: «мняше, яко любви ради се творит».

Следующий виток сюжета подводит к кульминации: когда сын отправляется ловить рыбу, «воста отець его на отроковицу». Девушка пытается остановить свекра и советует ему изгнать дьявольское искушение обращением к Богу: «Шедь, сотвори на лица своемъ знамение креста, диявольское бо дѣло се есть». Однако свекор не слушает ее и продолжает свои преследования, «отроковица же не повинуся ему». Кульминация наступает тогда, когда в поле зрения свекра попадает меч, висящий над постелью сына. Обнажив меч, он решает прыгнуть на невестку: «Аще не послушаеши мене, се мечь симъ отсѣщи хошу главу твою». Но и меч не устрашает девушку, которая гордо отвечает свекру: «Аще и науды иссѣчеши мя, беззаконное се дѣло не сотворю никако же». Этот дерзкий от-

вет приводит в ярость свекра, и он, «обладаемъ дияволомъ», «отсѣче главу отроковицы». Божественная кара тут же обрушивается на преступника: он внезапно слепнет. Новелла рисует его беспомощное состояние убийцы: он «искаше двери дому своего и не обрѣтааше».

В развязке появляются «друзии ловцы», пришедшие звать мужа убитой девушки на «лов». Они-то и обнаруживают его ослепшего отца, а затем и его мертвую жену. Убийца сам просит отдать его на суд «князя», который «истязавъ» его и «увѣдѣвъ от него истину». В заключение сообщается о том, что князь «много мучивъ его, в темницу верже».

На этом внутренний сюжет заканчивается, и в повествование снова вводится фигура рассказчика — отца Даниила. Он предлагает ученику поклониться мощам «святой отроковицы», после чего они приходят в «скитъ, глаголемый осмьнадесятый», где разворачиваются события эпилога новеллы.

Святость устоявшей перед похотью свекра девушки, поплатившейся за свою стойкость жизнью, очевидная для мудрого старца Даниила, оказалась не столь очевидной для братии скита: когда отец Даниил распорядился перезахоронить отроковицу в ските возле святых старцев, они возроптали: «Тѣло женское повелѣвает положити со святыми отцы!». На что старец ответил, что «сия отроковица», которую вы не хотите захоронить вместе со старцами скита, «мати есть и мнѣ, и вамъ», поскольку она умерла «целомудрия ради». Этот аргумент убедил подвижников, и «отроковица» была погребена «во гробницы со святыми отцы».

Как видим, развязка сюжета новеллы подводит читателя к идее неизбежности наказания за совершенное преступление: убив жену сына, безымянный герой новеллы незамедлительно наказывается Богом слепотой, а затем муками и заключением в темницу. Эпилог же обрамляющего сюжета, рассказывающего о реакции на эту трагическую историю отца Даниила, показывает силу и значимость целомудрия. Нежелание «отроковицы» изменить мужу даже под угрозой смерти погубило ее тело, но спасло ее душу, сделав ее святой мученицей, которая удостоивается чести быть погребенной в ските со святыми отцами. Поступок молодой целомудренной женщины-мирянки приравнивается к духовному подвигу подвижников. И следующая далее маленькая новелла «О той же отроковицы посѣченной. Глава 21» подтверждает правильность решения о перенесении мощей александрийской «отроковицы», жены простого рыбака, в скит и захоронении ее рядом с прославленными старцами: именно она однажды освободила от блудных помыслов одного подвижника, явившись ему, когда он заснул на ее гробнице.

Еще одну тематическую группу рассказов «Лавсаика» составляют повествования о чудесных исцелениях тех, кто искренне предан христианской вере. К ним относятся, в частности, новеллы «О магистриане, иже мертвеца покры своею ризою» (глава 88), «О некоем старцы Иоанне» (глава 102), «О отроцех, како крестиша евреина в пустыни песком» (глава 132).

В первой из названных новелл — «О магистриане...» — ее главного героя, чиновника, с разными поручениями ездившего в провинции, человека безнадежно больного, вылечил явившийся ему в ночи неизвестный человек, смазав ему гни-

ющую ногу каким-то снадобьем и вернув его к жизни. Новелла сюжетно разработана. Начинается она со своеобразного пролога, рассказывающего об одном благородном поступке главного героя новеллы — магистриана, о котором он впоследствии забыл. Однажды во время очередного своего путешествия по делам он увидел на дороге «нѣкоего мертвеца, нага лежаща». Не задумываясь, магистриан «совлекъ едину от ризъ своихъ и покры нага лежащаго мертвеца» и продолжил свой путь, не придав значения произошедшему. Однако Бог отметил этот благородный поступок и много лет спустя спас жизнь магистриану, упавшему однажды с коня и повредившему ногу до такой степени, что врачи хотели ее отрезать. Ход болезни магистриана описан с беллетристическими подробностями: сначала сообщается о почернении ноги больного, затем о консилиуме врачей, принявших решение, отняв ногу, спасти жизнь магистриана. При этом вводится мотив подслушивания: магистриан отправляет своего слугу «оттай» вслед за врачами, чтобы послушать, о чем они будут говорить. Но врачи сами рассказывают слуге о своем решении утром сделать операцию больному. Слуга возвращается в слезах к своему господину и сообщает ему о том, что его ждет утром. Далее передается психологическое состояние магистриана, который не может заснуть от тяжелых мыслей. В это время к нему через окно и является незнакомец. Он осматривает ногу больного и смазывает ее лампадным маслом. После этого больной начинает сначала прихрамывая, потом вполне нормально ходить. Заканчивается эпизод диалогом вылеченного и врачевателя. Магистриан хочет узнать у своего спасителя, кто он. Это кульминационный момент сюжета. Его доминанту составляет деталь, соединяющая финал с началом рассказа: незнакомец обращает внимание излеченного магистриана на свою «ризу», и тот узнает ее — это была та самая риза, которой он прикрыл тело мертвеца много лет назад. Слова ночного «лекаря» как бы ставят точку в давней истории: «Азь есмь, егоже ты обрѣте мертва нага и на пути повержена, и поверже ми ризу свою. И посла мя Богъ исцѣлити тя. Благодари убо Бога всегда». Вот эти последние слова о благодарении Бога «всегда» и выражают главную мысль новеллы: Бог всегда помнит о нас, ценит все наши добрые дела, и мы должны всегда благодарить его за эту память.

Особую группу в «Лавсаике» составляют рассказы о чудесных исцелениях больных. Помимо рассмотренной выше новеллы «О магистриане, иже мертвеца покры своею ризою» к этой тематической группе можно отнести и рассказы «О некоем старце Иоанне» (глава 102), «О отроце, како крестиша евреина в пустыни песком» (глава 132). Все эти новеллы объединяет то, что их герои чудесным образом получают исцеление, поскольку они искренне преданы христианской вере, поэтому Бог и дарует им исцеление.

Ряд новелл «Лавсаика» рассказывает о необыкновенных способностях святых отцов, о тех духовных дарах, которые они получили от Бога. В частности, это власть над дикими зверями, способность приручать их. Эта тема звучит в таких новеллах, как «О отцы Герасиме, како лев повинуся ему» (глава 127), «О отцы Сергии, како послуша его лев» (глава 129), «О отцы Пимине, како леопард греяше его» (глава 130). Эти новеллы уже рассмотрены в докладе Е. Т. Чупровой [12].

В нашем обзоре мы коснулись далеко не всех тематических аспектов «Лавсаика». Изучение его представляется актуальной задачей. В этом выпуске

«Вестника» мы публикуем некоторые из анализируемых в нашей статье новелл по печорскому списку.

* * *

1. Волкова Т. Ф., Кириченко М. Н. Сюжетно-композиционные особенности повествования в рассказе «Лавсаика» о Евлогии Каменотёсе // Двадцать третья годичная сессия ученого совета Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Февральские чтения): сборник материалов [Электронный ресурс] : текстовое научное электронное издание на компакт-диске / отв. ред. Н. С. Сергиева. Сыктывкар, 2016. С. 203—206.

2. Грачева А. М. Структура патерикового рассказа и сборник А. М. Ремизова «Бисер малый» // О древней и новой русской литературе : сб. ст. в честь профессора Натальи Сергеевны Демковой. СПб., 2005. С. 276—285.

3. Кириченко М. Н. «Лавсаик» в традиции переводных патериков : дипломная работа / науч. рук. Т. Ф. Волкова. Сыктывкар, 1997.

4. Малышев В. И. Отчет об археографической командировке на Печору 1958 г. // ТОДРЛ. М. ; Л., 1960. Т. 16. С. 513—521.

5. Малышев В. И. Сведения о собраниях рукописей и старопечатных книг в некоторых городах северных областей // ТОДРЛ. М.; Л., 1940. Т. 4. С. 247—253.

6. Малышев В. И. Усть-цилемские рукописные сборники XVI—XX веков. Сыктывкар, 1960.

7. Николаев Н. И. Патерик Египетский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1: XI — первая половина XIV в. С. 302—308.

8. От берегов Босфора до берегов Евфрата: Антология ближневосточной литературы I тысячелетия н. э. / перев., предисл. и коммент. С. С. Аверинцева. М., 1994.

9. Памятники византийской литературы IV—IX веков / отв. ред. Л. А. Фрейберг. М., 1968.

10. Чупрова Е. Т. Тема странноприимства в «Повести отца Даниила о Евлогии каменотёсе» из «Лавсаика» // Двадцать вторая годичная сессия ученого совета СГУ им. Питирима Сорокина. Февральские чтения: Сб. материалов. Текстовое электронное издание на компакт-диске. Сыктывкар, 2015. С. 15—155;

11. Чупрова Е. Т. Темы и сюжеты Усть-цилемского Лавсаика // Третьи Мяндинские чт.: сб. науч. тр. по материалам всерос. науч. конф (8—9 июля 2015 г., г. Сыктывкар) / отв. ред. Т. Ф. Волкова. Сыктывкар, 2016. С. 29—33.

12. Чупрова Е. Т. Тема гармонии во взаимоотношениях человека и животных в древнерусской агиографии: доклад на Февральских чтениях СГУ. Сыктывкар, 2016.

13. Чупрова Е. Т. «Лавсаик» о женах доблестных и благочестивых // Слово и текст в культурном и политическом пространстве. Сыктывкар: Изд-во СГУ, 2017.

**КЕЙС. СОПРОВОЖДЕНИЕ ПРОЕКТА ПОДДЕРЖКИ
ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНИЦИАТИВ «ГОРОДСКИЕ ЛЕГЕНДЫ»
В Г. СЫКТЫВКАРЕ РЕСПУБЛИКИ КОМИ**

**CASE. SUPPORT OF THE PROJECT OF SUPPORT OF PUBLIC
INITIATIVES «URBAN LEGENDS» IN THE CITY OF SYKTYVKAR
OF THE KOMI REPUBLIC**

Статья раскрывает возможности использования PR-инструментов для продвижения проекта поддержки общественных инициатив «Городские легенды» в 2013—2014 годах. Проект был реализован силами муниципального образования городского округа «Сыктывкар», кафедры связей с общественностью и рекламы СГУ им. Питирима Сорокина, общественных деятелей и общественных организаций города.

Ключевые слова: проект, PR-инструменты, бренд, город.

The article reveals the possibilities of using PR tools to promote the project of supporting public initiatives «Urban Legends» in 2013—2014. The project was implemented by the municipal formation of the urban district «Syktyvkar», the Department of Public Relations and Advertising of Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin, public figures and public organizations of the city.

Keywords: project, PR tools, brand, city.

Ситуация

Сыктывкар — столица Республики Коми, город с населением около 250 тысяч человек. Основная часть современной городской застройки проходила в 1950—1970-е гг., и потому город в целом имеет довольно типовой облик, за исключением нижней части, где можно увидеть единичные постройки первой половины XX века. В последние годы город активно застраивается и растет, но при этом остаются небольшие участки муниципальной земли, на которых и здание возвести нельзя, и пустырь оставлять не эстетично.

Осенью 2013 года администрацией муниципального образования городского округа «Сыктывкар» был инициирован интересный и, по сути, беспрецедентный по своим масштабам (для данного города) проект. Он был направлен на поддержку общественных инициатив граждан и создание в столице Республики Коми 11 новых объектов городской среды, которые предполагалось обустроить на основе предложений самих граждан. Для того чтобы будущие архитектурные композиции стали своеобразным «брендом» Сыктывкара и вошли в число узнаваемых достопримечательностей, каждая из них должна была воплощать опре-

деленную идею, основанную на интересных исторических фактах, местных мифах и легендах, связанных с «городом на Сысоле».

Согласно задумке организаторов, жители города могли предлагать свое видение преобразования избранных территорий, выкладывать идеи на «некую площадку», на которой затем было бы проведено голосование за самые интересные и яркие задумки. Реализованы должны были быть только те творческие проекты, которые получили наибольшую поддержку самих сыктывкарцев [8].

Главной задачей организаторов было вовлечь как можно большее количество людей в творческий процесс разработки предложений по созданию необычных арт-объектов или малых архитектурных форм, которые впоследствии украсят городские улицы [29, с. 2].

Для того чтобы проект получил дополнительный импульс, его презентация в ноябре 2013 года прошла перед самой активной аудиторией — студентами и преподавателями Сыктывкарского государственного университета направлений подготовки «дизайн», «история», «реклама и связи с общественностью». На этой встрече мэр г. Сыктывкара Иван Поздеев и куратор проекта вице-мэр Ирина Сергеева изложили все основные идеи проекта и призвали к активному в нем участию [18; 24; 34; 35]. Тем самым общественности был дан старт для развития GR-коммуникаций в рамках данного проекта.

Цели GR-деятельности

Первоначально даже сами инициаторы проекта не имели четкого представления о том, что это будет за «площадка» для сбора идей горожан, кто ее будет создавать и каким образом она будет функционировать.

Сразу после официального объявления о старте проекта и презентации его основных положений к работе над проектом подключилась кафедра связей с общественностью и рекламы Сыктывкарского государственного университета. Преподаватели кафедры поставили перед собой цель создания удобного формата для сбора общественных инициатив граждан и последующей их передачи представителям администрации МО ГО «Сыктывкар».

Целевые аудитории

Целевыми аудиториями, по сути, были все граждане города Сыктывкара, возраст которых позволил сформулировать и вербализовать идеи для будущих арт-объектов. Причем не исключались и те люди, которые родились или долгое время проживали в городе Сыктывкаре, но в настоящее время находились за его пределами.

В отдельную целевую группу были выделены представители СМИ.

Решения

Наиболее удобной площадкой для сбора общественных инициатив была избрана социальная сеть «ВКонтакте». Для этого в данной социальной сети пре-

подавателями кафедры связей с общественностью и рекламы СыктГУ была создана группа под названием «Городские легенды». В профайле было прописано, что это за группа, зачем она нужна и как в ней работать. Одним из обязательных условий работы в группе было уважительное отношение друг к другу и культура общения. В группе было создано 11 тем для обсуждения и 11 фотоальбомов. Каждая тема была закреплена за одной из территорий, на которой предполагалось создать арт-объект (например, тема «Центральная часть города», «Орбита» и т. п.). Аналогичным образом были названы и фотоальбомы. Также в альбомы были добавлены фотографии территорий, на которых предполагалось возвести арт-объекты — чтобы облегчить «идентификацию территории» и сбор идей. Группа была сделана максимально открытой: любой желающий мог добавить свою идею в соответствующую тему или свой визуализированный образ в альбом, развивать высказанную кем-то идею в комментариях, писать на стене группы [30].

Продвижение группы на начальном этапе было предельно простым: массовые приглашения в группу друзей, а также индивидуальные письма-приглашения к участию в обсуждении и модерации группы. Надо сказать, что интерес к проекту оказался довольно высок: за пару-тройку дней численность группы достигла почти сотни человек. Не имея большого практического опыта в сфере онлайн-продвижения, основываясь в большинстве своем на теоретических знаниях, преподаватели кафедры связей с общественностью и рекламы СГУ «на ощупь» определяли пути и возможности развития группы, подбирали фоновый материал, пытались активизировать жителей города. Начали с наработки контента: сами преподаватели высказывали в соответствующих разделах группы различные идеи по благоустройству территорий, порой самые банальные или, наоборот, фантастические. Основная задача была «зацепить» внимание всех интересующихся и вызвать их на дальнейшее обсуждение.

Через несколько дней подобной работы к создателям неофициальной инициативной группы обратились представители МО ГО «Сыктывкар» с предложением сделать данную группу официальной площадкой проекта. Дело в том, что когда представители администрации муниципального образования некоторое время спустя после презентации проекта решили создать ту самую «некую площадку» в социальной сети «ВКонтакте», они обнаружили там уже работающую группу с численностью около сотни человек и с первыми идеями будущих арт-объектов.

В дальнейшем преподаватели и студенты кафедры связей с общественностью и рекламы СыктГУ работали над продвижением проекта совместно с администрацией города Сыктывкара. При содействии администрации города у группы «Городские легенды» в социальной сети появился официальный логотип, «красивый» адрес (<http://vk.com/gorodskie.legendi>) и в целом расширились возможности продвижения проекта «Городские легенды» через региональные информгентства и собственную еженедельную газету муниципального образования городского округа «Сыктывкар» — «Панорама столицы».

Цель оставалась прежней — привлечь максимальное внимание общественности к проекту и активизировать сбор идей. Сроки были установлены следующие: с декабря 2013 до начала марта 2014 шел сбор идей и предложений; на

март 2014 было намечено голосование; с апреля 2014 начинались мероприятия по поиску подрядчиков и реализации задуманных арт-объектов; середина лета — осень 2014 — открытие созданных арт-объектов. Основные усилия по продвижению проекта требовались именно на первом этапе.

Основная работа велась в сети Интернет, в группе «Городские легенды». Параллельно с этим силами преподавателей и студентов кафедры связей с общественностью и рекламы СыктГУ было реализовано несколько оффлайн-мероприятий, призванных привлечь дополнительное внимание средств массовой информации и жителей города к проекту. Анонс мероприятий и освещение их итогов также проводились в официальной группе проекта в социальной сети «ВКонтакте».

Наиболее яркими оффлайн-мероприятиями стали экскурсия и флешмоб. Студент специальности «история» СыктГУ предложил провести экскурсию по улице Морозова, на одном из участков которой также предполагалось возвести арт-объект. Вся интрига состояла в том, что эта улица, застроенная типовыми многоэтажками и общежитиями, казалось бы, не имела абсолютно никаких интересных исторических или современных объектов. Однако студент-историк смог рассказать о ней нестандартно и интересно. Анонс мероприятия, выложенный в группе «Городские легенды», получился такой: *«А вы знаете, в каком городском здании был фонтан? Какое место горожане называют “Бродвеем”? Где стоит Сыктывкарский “кремль”? Эти и многие другие факты новейшей истории нашего города вы сможете узнать на экскурсии по ул. Морозова: «От “Титаника” до “Бродвея”»*. Экскурсия была бесплатной. Несмотря на уже суровую, «предзимнюю» погоду, на мероприятие пришло около тридцати участников, включая представителей СМИ. Своими впечатлениями от экскурсии корреспонденты затем поделились на страничках региональных информагентств; кроме того, фотоотчет об экскурсии был сделан и в группе проекта в социальной сети «ВКонтакте» [7; 31; 42].

Флешмоб в поддержку проекта также был идеей студентов — на этот раз подключились студенты направления подготовки «Реклама и связи с общественностью» СыктГУ. Идея мероприятия состояла в том, чтобы на одной из площадок, отведенной под возведение арт-объекта, участники флешмоба в определенное время должны были замереть в виде скульптур. К сожалению, время проведения флешмоба — это была уже середина декабря — не гарантировало той массовости, которая задумывалась организаторами. Тем не менее около двух десятков волонтеров в назначенный час смогли привлечь внимание прохожих и СМИ своими необычными действиями [4; 20; 33; 41].

Основная работа с городской общественностью велась в группе проекта в социальной сети «ВКонтакте». И здесь на протяжении нескольких месяцев работы была выработана своя методика. Для начала следует отметить, что вопреки стереотипам аудитория проекта не была сплошь «молодежно-студенческой». Много предложений высказывалось людьми возраста 30—40 лет, немалую активность проявляли и пенсионеры. Разнообразен был и социальный состав участников: студенты и школьники, деятели науки и культуры, педагоги, религиозные деятели.

Создателям группы было важно, чтобы и сам проект, и непосредственное участие в группе было интересным для всех и не ограничивалось сценарием «высказал идею — самоустранился». Инструментарий для этого на протяжении всего периода работы сложился следующий: игровая составляющая, визуализация истории города, оригинальные современные видеоролики и фотографии Сыктывкара, интересные факты из жизни города в наши дни, опросы.

Игровая составляющая включала интересные вопросы об истории города, старые фотографии из цикла «Кто узнает место?» и т. д. — все они с определенной периодичностью помещались на стене группы. Особый интерес, нужно отметить, вызывали фотографии — члены группы довольно активно принимали участие в их «угадывании», делились своими воспоминаниями, связанными с изображением.

Визуализация истории города — это создание и пополнение альбома старых фотографий Сыктывкара с комментариями к изображению. Альбом пополнялся постепенно: каждые выходные администраторы группы делали очередную подборку старых фотографий в виде онлайн-экскурсии по какому-либо району Сыктывкара. Нужно отметить, что этот альбом пользовался большой популярностью среди пользователей. Более того, затем пользователи сами стали добавлять в него старые фотографии города из своих семейных архивов. Отдельный альбом в группе был создан на базе рисунков и воспоминаний жительницы г. Сыктывкара, раскрывающих особенности быта городской квартиры 1950-х гг. Также в группу выкладывались оцифрованные исторические материалы (книги, статьи), связанные с историей города. К сожалению, объемные тексты особым вниманием членов группы не пользовались, изобразительные материалы воспринимались проще и легче.

Еще одним направлением пополнения контента группы стали современные материалы о Сыктывкаре: вирусное видео (были использованы видеоролики, снятые студентами СыктГУ направлений подготовки «журналистика» и «реклама и связи с общественностью» для участия в городском конкурсе), современные фотографии города, для которых в группе был создан отдельный альбом. Пополнением этого альбома активно занимались сами члены группы: фотографии были очень разные и действительно позволяли взглянуть на, казалось бы, знакомый город совершенно по-новому.

Также в группе «Городские легенды» приводились интересные факты из жизни современного города: выкладывались фотографии необычных арт-объектов в других городах России и зарубежья (делали это как модераторы группы, так и сами пользователи), анонсы предстоящих в Сыктывкаре мероприятий, благотворительных и общественно-полезных акций. Среди членов группы проводились опросы на предмет реализации различных инициатив со стороны муниципальных властей и общественности. Тем самым группа «Городские легенды» на время реализации проекта стала не просто местом сбора идей, а площадкой для общения жителей города, равнодушных к его прошлому, настоящему и будущему. Уже к концу января 2014 численность группы превысила тысячу человек, что для некоммерческого проекта в небольшом городе довольно высокий пока-

затель. Своего максимума численность группы достигла в марте 2014 — в период голосования — и составила 1300 человек.

Помимо работы в сети и проведения мероприятий еще одной формой поддержки проекта было сотрудничество со СМИ. При содействии администрации города Сыктывкара информационным партнером проекта стала радиостанция «Европа+», которая не только «крутила» в эфире рекламные ролики, посвященные проекту «Городские легенды», но и предоставила еженедельный часовой прямой эфир, в рамках которого кураторы и участники проекта общались с ведущим и обсуждали последние новости проекта. В нескольких таких эфирах принимали участие преподаватели и студенты кафедры связей с общественностью и рекламы СыктГУ.

Еженедельное издание администрации городского округа «Сыктывкар» — «Панорама столицы» — также оказывало информационную поддержку проекту. В каждом номере две страницы газеты были посвящены последним новостям проекта, приводились интересные материалы из истории города. Еженедельно публиковали информацию о ходе реализации проекта «Городские легенды» и региональные информагентства.

Отдельно нужно отметить интересный PR-ход, который сделала студентка специальности «связи с общественностью» СыктГУ в рамках работы над проектом. Будучи приглашенной на пресс-конференцию главы Республики Коми В. М. Гайзера в декабре 2013 года, она задала ему вопрос о том, какую идею он бы предложил для проекта «Городские легенды». Ответ главы республики был довольно полным: *«Как рядовой житель Сыктывкара, думаю, было бы не лишним посмотреть на реализацию такого проекта. По всему Сыктывкару у нас часы есть на улицах только на вокзале, в аэропорту, электронное табло в центре да на пожарной каланче. Это плохо. Вот если был бы реализован проект часов, под которыми можно было бы встречаться влюбленным. И не просто столб, на котором висит «кругляк» с часами, а обыгранный с точки зрения нашей мифологии или еще каким-то образом — часы «Дерево чудес», например. Это было бы, на мой взгляд, как просто горожанина, одной из интересных точек для приятного времяпровождения. И я такое предложение внесу, а дальше пусть обсуждают»* [26]. Естественно, этот ответ был растиражирован всеми региональными информагентствами, что лишний раз привлекло внимание жителей к проекту в период с предновогодней суматохи [25; 26; 27]. Часы впоследствии были установлены на одном из выделенных для проекта участков; арт-объект назвали «Сквер общения», он включал оригинально выполненные скамейки, часы влюбленных, свободную wi-fi-зону [1; 13; 16; 21; 38].

Итогом масштабной коммуникационной работы стало чуть более ста различных предложений по благоустройству 11 городских территорий. К слову, организаторы проекта — представители МО ГО «Сыктывкар» — поначалу были более оптимистичны в прогнозах и ориентировались на цифру, близкую к тысяче. Но на практике оказалось, что вступать в коммуникацию с органами местного самоуправления, выражать свои идеи и отстаивать свои позиции публично были готовы далеко не многие граждане.

Сложности в реализации проекта

В ходе продвижения проекта и выстраивания коммуникаций между гражданами и органами местного самоуправления периодически возникали различные сложности. В частности, некоторыми гражданами высказывались критические замечания из разряда «сначала отремонтируйте дороги и дома, а потом уже ставьте памятники». Кто-то обижался, что его предложение не было поддержано или принято. Кто-то критиковал позицию администрации города: мол, не следовало привлекать общественность к этому делу, они не профессионалы, все только испортят (такого рода позиции выражали некоторые представители сообщества архитекторов). Возникали конфронтации и на этапе голосования: когда одни авторы идей обвиняли других в нечестной конкуренции. Каждый конкретный случай требовал особого подхода, личного общения, сглаживания острых углов. Но в целом людей, поддержавших проект, интересовавшихся его ходом, было гораздо больше. Они высказывали идеи, комментировали фотографии, добавляли собственные материалы, ставили «лайки», делали репосты и просто говорили «спасибо» модераторам, которых даже не знали лично.

Результаты

Все идеи, высказанные горожанами в рамках проекта «Городские легенды», были заботливо собраны, отсортированы и оформлены студентами-волонтерами, обучающимися по направлению подготовки «реклама и связи с общественностью» СыктГУ. Параллельно сбор предложений шел и в «оффлайне» — в специальных ящиках, расположенных в крупных торговых точках города (но, надо сказать, подобным образом материалов было собрано крайне мало). Далее весь спектр идей был представлен специально созданному в рамках проекта экспертному совету, в состав которого вошли известные историки, ученые, архитекторы и общественные деятели города. Для каждой территории экспертный совет с учетом предпочтений самих горожан определил 2—3 идеи, которые затем были вынесены на финальное голосование на портале «Йополис» [28]. Голосование было сделано максимально прозрачным и открытым. Каждый зарегистрировавшийся на портале «Йополис» мог проголосовать только один раз за любой понравившийся ему проект на каждой из 11 территорий. Кроме того, для голосования использовались и ящики, установленные в крупных торговых точках города (бланки для голосования были напечатаны в газете «Панорама столицы», которая распространяется среди населения города бесплатно).

Итоги голосования оказались следующие. Жители нескольких территорий проголосовали за возведение детских площадок, каждая из которых должна была быть оформлена в особом стиле, связанном с особенностями территории и ее историей. Также в числе победителей были проект воспитанников Школы искусств Сыктывкара «Символы детского творчества и дерево талантов»; сапоги первопроходцев — строителей Эжвы; купеческий сундук; скверик «Сыктывкар на Анбур» (памятник древней коми азбуке); входная группа «Бульвар семьи и мира» и уже упомянутый выше Сквер влюбленных [2; 3; 5; 6; 9; 10; 12; 14; 15; 16;

19; 23; 32; 36; 37; 39; 40]. Все объекты были торжественно открыты в течение июля—октября 2014 года. В конце ноября 2014 года администрация муниципального образования городского округа «Сыктывкар» подвела итоги проекта и пригласила всех его участников на торжественный вечер.

А что же с легендами? Они стали жить своей собственной жизнью. И сейчас, если вы будете проездом в Сыктывкаре, вам наверняка посоветуют примерить сапоги первопроходцев — и тогда любое ваше начинание будет успешным, или же бросить монетку в купеческий сундук — на удачу в коммерческих делах, или пройти со своей второй половинкой через арку на бульваре семьи и мира — чтобы ваша семья была крепкой и счастливой. Кстати, все средства, которые будут накапливаться в купеческом сундуке, ежегодно будут торжественно изыматься и отправляться на благотворительные цели — в лучших традициях меценатства, которыми славились известные усть-сысольские (Усть-Сысольск — так раньше назывался Сыктывкар) купцы. Проекты стали по-настоящему народными, и, наверное, это лучший показатель их успешности.

Более того, «легендарный» импульс оказался настолько силен, что в городе за 2014 год появились и другие интересные арт-объекты, инициаторами установки которых были различные коммерческие и общественные структуры; среди них «Подкова на счастье» возле одного из ювелирных магазинов, памятник электромонтеру (инициатор — «Комиэнерго»), скульптура трубочиста на новом многоэтажном доме, маленькая свободная библиотека и др.

Еще одним итогом проекта «Городские легенды» было открытие в сентябре 2014 года группы «Администрация Сыктывкара» в социальной сети «ВКонтакте» (до этого времени администрация города имела только официальный сайт). Вероятнее всего, этот шаг был сделан под влиянием проекта «Городские легенды», в рамках которого диалог с общественностью показал свою важность, необходимость и эффективность.

* * *

1. «Сквер общения» открылся в Сыктывкаре в рамках акции «Городские легенды». 12.10.2014. // ТАСС. Информационное агентство России. URL: <http://itar-tass.com/spb-news/1494012>

2. В Мичуринском парке столицы Коми появилось «Дерево талантов». 23.07.2014 // Комиинформ: Информационное агентство. URL: <http://www.komiinform.ru/news/114261/>

3. В Мичуринском парке Сыктывкара выросло «Дерево талантов». 23.07.2014. // БНК: Информационное агентство. URL: <http://www.bnkomi.ru/data/news/30319/>

4. В столице Коми сыктывкарцы «замерли в скульптурах». 14.12.2013. // Комиинформ: Информационное агентство. URL: <http://www.komiinform.ru/news/107182/>

5. В столице Коми торжественно открыли сундук купца Суханова. 25.08.2014. // Комиинформ: Информационное агентство. URL: <http://www.komiinform.ru/news/115255/>;

6. В Сыктывкаре в рамках проекта «Городские легенды» появились два новых арт-объекта. 01.10.2014 // Комиинформ: Информационное агентство. URL: <http://www.komiinform.ru/news/116436/>;

7. В Сыктывкаре есть свой «Кремль», «Бродвей» и «Титаник». 25.11.2013 // КомиОнлайн: Информационный портал. URL: <http://komionline.ru/news/43725>;
8. В Сыктывкаре запускается проект «Городские легенды». 27.09.2013 // КомиОнлайн: Информационный портал. URL: <http://komionline.ru/news/42796>
9. В Сыктывкаре на Покровском бульваре открыли входную группу. 03.09.2014 // КомиОнлайн: Информационный портал. URL: <http://komionline.ru/news/47638>;
10. В Сыктывкаре началось благоустройство Покровского бульвара. 03.09.2014 // БНК: Информационное агентство. URL: <http://www.bnkomi.ru/data/news/31496/>;
11. В Сыктывкаре открыли «Бульвар семьи и мира» 03.09.2014 // Комиинформ: Информационное агентство. URL: <http://www.komiinform.ru/news/115575/>
12. В Сыктывкаре открыли «медвежий угол» и светящуюся конструкцию. 01.10.2014 // КомиОнлайн: Информационный портал. URL: <http://komionline.ru/news/48060>
13. В Сыктывкаре открыли сквер для влюбленных. 08.10.2014 // Комиинформ: Информационное агентство. URL: <http://www.komiinform.ru/news/116629/>
14. В Сыктывкаре посадили «Дерево талантов». 23.07.2014 // Твоя параллель: Молодежный портал. URL: <http://tvoyaparallel.ru/news/kray/v-syktvykare-posadili-derevo-talantov.htm>;
15. В Сыктывкаре появился купеческий сундук для благотворительности. 25.08.2014 // КомиОнлайн: Информационный портал. URL: <http://komionline.ru/news/47509>
16. В Сыктывкаре появился сквер для влюбленных. 08.10.2014 // БНК: Информационное агентство. URL: <http://www.bnkomi.ru/data/news/32448/>
17. В Сыктывкаре появится гигантский сундук-копилка. 20.08.2014 // Весь финно-угорский мир FINNOUGR.RU. URL: http://finnougr.ru/news/index.php?ELEMENT_ID=12085
18. В Сыктывкаре презентовали «Городские легенды». 07.11.2013 // БНК: Информационное агентство. URL: <http://www.bnkomi.ru/data/news/23017/>
19. В Сыктывкаре торжественно открыли купеческий сундук. 25.08.2014 // БНК: Информационное агентство. URL: <http://www.bnkomi.ru/data/news/31209/>
20. В Сыктывкаре устроят флешмоб в поддержку городских легенд. 12.12.2013 // Комиинформ: Информационное агентство. URL: <http://www.komiinform.ru/news/107111/>
21. В сыктывкарском Давпоне появился сквер Гайзера. 09.10.2014 // Твоя параллель: Молодежный портал. URL: <http://tvoyaparallel.ru/news/gorod/v-syiktyivkarskom-davpone-royavilsya-skver-gayzera.htm>
22. В сыктывкарском микрорайоне Давпон появился сквер общения 12.10.2014 // Сыктывкар Today. URL: <http://sykt24.ru/syuzbety-i-proekty/davpontsy-stant-obshhitelnee/>
23. В Эже установили памятник сапогам. 07.08.2014 // КомиОнлайн: Информационный портал. URL: <http://komionline.ru/news/47269>
24. Выслушав про «Городские легенды», студенты СыктГУ сразу же предложили свои идеи. 08.11.2013 // КомиОнлайн: Информационный портал. URL: <http://komionline.ru/news/43457>
25. Вячеслав Гайзер предложил установить в Сыктывкаре часы для влюбленных. 26.12.2013 // Комиинформ: Информационное агентство. URL: <http://www.komiinform.ru/news/107600/>

26. Глава Коми предложил создать в Сыктывкаре городскую легенду для влюбленных. 26.12.2013 // БНК: Информационное агентство. URL: <http://www.bnkomi.ru/data/news/24892/>
27. Глава Коми предложил установить в Сыктывкаре часы, под которыми бы встречались влюбленные. 26.12.2013 // КомиОнлайн: Информационный портал. URL: <http://komionline.ru/news/44310>
28. Городские легенды // Йополис. URL: <http://yopolis.ru/legendi>
29. Городские легенды. Проект поддержки общественных инициатив. Сыктывкар, 2014.
30. Городские легенды. Сыктывкар. URL: <https://vk.com/gorodskie.legendi>
31. Городские легенды: «В здании кожно-венерологического диспансера был фонтан» 25.11.2013 // БНК: Информационное агентство. URL: <http://www.bnkomi.ru/data/news/23978/>
32. Дерево талантов «выросло» в столице Коми. 25.07.2014 // Красное знамя Севера. URL: <http://www.kzsrk.ru/news/5073/>
33. Из блогов: «Раз, два, три — городская фигура замри!» 12.12.2013 // БНК: Информационное агентство. URL: <http://www.bnkomi.ru/data/news/24492/>
34. К «Городским легендам» приобщили студентов факультета искусств. 08.11.2013 // БНК: Информационное агентство. URL: <http://www.bnkomi.ru/data/news/23652/>
35. Мэрия Сыктывкара привлекает студентов к проекту «Городские легенды». 08.11.2013 // Комиинформ: Информационное агентство. URL: <http://www.komiinform.ru/news/106049/>
36. На этой неделе в Эжве откроют памятник сапогам. 04.08.2014 // БНК: Информационное агентство. URL: <http://www.bnkomi.ru/data/news/30617/>
37. Памятник древней коми азбуке открыли в Сыктывкаре в рамках проекта «Городские легенды». 02.10.2014 // Республика. URL: <http://www.gazeta-respublika.ru/article.php/72207>
38. Пообщаемся: в Сыктывкаре открыли последний объект «Городских легенд» 08.10.2014 // КомиОнлайн: Информационный портал. URL: <http://komionline.ru/news/48168>
39. Сыктывкарский сундучок влетел в копеечку. 25.08.2014 // Красное знамя. URL: <http://komikz.ru/news/society/?id=13772>
40. Сыктывкарцев познакомят с древнепермской азбукой «Анбур». 01.10.2014 // БНК: Информационное агентство. URL: <http://www.bnkomi.ru/data/news/32269/>
41. Сыктывкарцы замерли в месте будущей установки новой скульптуры. 15.12.2013 // КомиОнлайн: Информационный портал. URL: <http://komionline.ru/news/44101>
42. Университетский студент начал проводить бесплатные экскурсии по сыктывкарской улице Морозова. 24.11.2013 // БНК: Информационное агентство. URL: <http://www.bnkomi.ru/data/news/23967/>

**К ВОПРОСУ О СОСЛОВНОЙ РАЗВЛЕКАТЕЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА
(ПРАЗДНИК В ДОМЕ СВЯЩЕННИКА)**

**THE QUESTION OF CLASS ENTERTAINMENT CULTURE
THE SECOND HALF OF XIX — EARLY XX CENTURY
(THE FEAST IN THE HOUSE OF THE PRIEST)**

Статья посвящена анализу характера малоизученного досуга в среде русского духовенства. С середины XIX в. духовенство постепенно перестает быть особой замкнутой кастой и сближается с другими сословиями. Тем не менее характер праздника в доме священника вначале сильно отличался от праздника у мирян. Все это обусловлено тем, что духовенство — единственное сословие, чья «служебная» и «неслужебная» деятельность строго регламентировалась. Многие запреты практически без изменений публиковались в официальных документах с середины XVIII до конца XIX в.

Особая сословная развлекательная культура духовенства к концу XIX столетия стала идентичной развлекательной культуре средних городских слоев. Это наблюдение вовсе не закрывает тему исследования, так как праздники в быту средних сословий в XIX — начале XX в. проанализированы еще в недостаточной мере и представляют интерес для разных гуманитарных наук.

Ключевые слова: культура, духовенство, досуг, праздники.

The article is devoted to the analysis of the nature of little-studied leisure in the environment of the Russian clergy. From the middle of the XIX century. the clergy gradually ceases to be a special closed caste and converges with other classes. Nevertheless, the character of the feast in the priest's house was at first very different from the lay festival. All this is due to the fact that the clergy — the only estate whose «official» and «unofficial» activities are strictly regulated. Many bans, practically unchanged, were published in official documents from the middle of the 18th century to the end of the 19th century.

The special class entertainment culture of the clergy by the end of the XIX century became identical to the entertainment culture of the middle urban strata. This observation does not at all cover the subject of research, since the festivals in the everyday life of the middle classes in the nineteenth and early twentieth centuries. are still insufficiently analyzed and are of interest to various humanities.

Keywords: culture, clergy, leisure, holidays.

В последнее время наблюдается возрастание интереса исследователей к бытовой, и в частности развлекательной, культуре не только русского крестьян-

ства, но и всех других сословий, пожалуй за исключением духовенства [3; 4; 5; 13]. Однако естественно, что без изучения досуга служителей церкви, членов их обычно многодетных семейств анализ русской духовной культуры не будет исчерпывающе полным.

Конечно, в рамках небольшой статьи невозможно досконально раскрыть предложенную тему, поэтому я ограничусь лишь некоторыми общими положениями, являющимися как бы вступлением к ней, а затем, опуская конкретные примеры, сделаю некоторые выводы. Отмечу, что в свое время был создан ряд обобщающих работ по истории рабочего класса, крестьянства, которые, конечно, по своим идеологическим установкам устарели и требуют пересмотра, но еще пока не созданы подобные труды энциклопедического характера по истории дворянства, купечества, духовенства. Конечно, в подобных работах должен существовать особый раздел, посвященный семейной жизни перечисленных сословий.

С середины XIX века в церковной и светской журналистике велась бурная полемика вокруг вопроса: является ли духовенство особой кастой, замкнутым сословием. Если на этот вопрос ответить утвердительно, то тогда, очевидно, можно говорить о том, что духовенство могло иметь особые, специфические формы досуга и, следовательно, праздник в доме священника имел значительные, серьезные отличия от подобного же события в доме дворянина, купца, мещанина, крестьянина. Однако большинство церковных публицистов, особенно к концу XIX столетия, оспаривало мнение о кастовости служителей церкви, ссылаясь на постановления правительства, принятые в ходе церковной реформы и осуществляемые в ходе Великих реформ в царствование Александра II. Действительно, начиная с 1860-х годов происходит пробуждение самосознания русского приходского духовенства, оно начинает принимать участие в общественной жизни, например в деятельности земств, крестьянских сходов, различных попечительств, обществ и т. д. Сближение с другими сословиями происходит и за счет тех изменений, которые наблюдались в сфере духовного образования, а также в связи с открытием женских епархиальных училищ. Не случайно многие церковные и светские публицисты, беллетристы отмечают, что священники, служащие в губернских, уездных городах и даже в селах в своем домашнем быту (в планировке жилища, меблировке комнат, наборе посуды, пище, напитках и т. д.) подражали быту небогатых дворян, служащих, купцов или по крайней мере богатых крестьян, часто бывающих в городах. Более того, из тех же источников следует, что в священнической среде, особенно в сельских приходах, происходит конфликт между поколениями так называемых старых и новых священников. Первые менее образованны и по своему мировоззрению, образу жизни близки к крестьянству; вторые, окончившие полный курс семинарии или даже академии, всячески подчеркивают свою «светскость», причастность во всем к образованным слоям общества.

Итак, обозначенная тема статьи, во-первых, требует четко определить объект исследования, ибо характер праздника в доме городского священника мог отличаться и по составу гостей, и по характеру, «программе» развлечений от праздника в доме сельского иерея. Во-вторых, следует иметь в виду временной

фактор, так как песенный репертуар, набор игр, танцев, наряды, перечень закусок, напитков и т. д., судя по просмотренному материалу, могли изменяться, и довольно значительно, в то или иное десятилетие. Все это, думаю, небезынтересно для фольклористов, искусствоведов, этнографов. Кроме того, со временем мог изменяться и состав гостей, пришедших в священнический дом. К концу XIX — началу XX в. наряду с родственниками, коллегами сюда приходили учителя, служащие различных ведомств (почтового, железнодорожного, волостного, земского и др.), доктора или фельдшеры и т. д. Эти люди, представляющие собой сельскую интеллигенцию, конечно, меняли характер праздничного торжества, внося в него светские черты.

В-третьих, нельзя забывать, что духовенство — это единственное сословие, чья «служебная» и «внеслужебная» деятельность строго регламентировалась буквально с возникновения христианства. Причем следует подчеркнуть, что перечень одних и тех же запретов практически без изменений публиковался в разных официальных документах, например в инструкциях благочинным или иереям вплоть до конца XIX века [6]. Так, в инструкции, опубликованной в 1869 году, а она почти дословно повторяет подобный документ, написанный в 1775 году митрополитом Платоном, говорилось, чтобы служители церкви «без зову в гости ни к кому не ходили, да и по зову ходили бы в дома только честные». Далее очерчивался круг лиц, с которыми члены причта могли общаться, а стало быть приглашать в свой дом: «...чтоб они дружились с подобными себе священниками, диаконами и церковниками; также с благородными помещиками и с почтенными купцами, а не со всяким безразборно, ибо духовные, особливо священным саном почтенные, должны вести себя степенно и тем других приводить к почтению себе» [2]. В подобных документах различные запреты конкретизировались. В частности, священникам запрещалось устраивать в своих домах игры, например в карты (однако этот запрет нередко нарушался [10, с. 388]), не только плясать, но и даже смотреть на то, как пляшут другие, петь «непотребные», то есть мирские песни. Любопытна аргументация запрета священникам танцевать, приведенная в одной из публикаций в церковном журнале: оказывается, танцы «считаются неприличными для солидных, то есть в возрасте, людей, особенно для *старцев*, а священник с первого дня своего рукоположения становится *пресвитером*, то есть старцем в обществе прихожан [10, с. 390]. Вне дома в свободное от службы время не рекомендовалось посещать различные общественные гуляния с танцами, пением, балаганами и т. д., ходить в театры, в цирк. Даже в конце XIX в. в ряде епархий священникам запрещалось «посещение театров под угрозой лишения сана» [14, с. 558]. Однако есть свидетельства того, что священники, переодевшись в светское платье, посещали театральные представления, а некоторые становились заядлыми театрами. Это, по мнению одного из церковных публицистов, свидетельствовало либо о непонимании служителя храма своих обязанностей, либо о его нежелании исполнять их должным образом [10, с. 386—387].

Контроль за поведением священников как в «служебной», так и «внеслужебной» деятельности осуществлял их непосредственный начальник — благочинный. Он обязан был в случае каких-то действий своих подчиненных, не соответ-

ствующих их духовному сану, немедленно «доносить без всякого закрытия епархиальному начальству» [6, с. 27]. Более того, благочинному поручалось наблюдать и за женами членов причта, их детьми [6, с. 27—28].

Кроме того, считалось, что каждый священник должен обладать особым пастырским тактом, личным благоразумием, способностью самоограничивать свои удовольствия, чтобы сохранить высоту и святость своего высокого звания. И действительно, всегда были такие пастыри, которые находились рядом с играющими гостями, детьми, помогали, переживали все перипетии различных состязаний, но сами прямого участия в забавах не принимали [10, с. 391].

Наряду со строгими запретами и рекомендациями существовал целый перечень развлечений, доступных любому служителю церкви. Он мог участвовать в застольях по случаю свадьбы кого-то из своих прихожан или на именинах, званых общественных или частных обедах, но не должен был засиживаться на подобных пиршествах и сразу уходить, как только начинались игры, пляски и другие мирские развлечения [13, с. 427].

Самым общедоступным развлечением для пастыря считалось дружеское общение с членами своей семьи, с коллегами, добрыми прихожанами, которое могло иметь место либо у себя дома, либо в доме друзей. Такие скромные частные собрания, по мнению церковных публицистов, доставляли их участникам гораздо больше удовольствия, удовлетворения, были более полезны, чем общественные светские собрания. Среди других форм досуга назывались:

1) чтение произведений художественной литературы, при этом подчеркивалось особое отношение духовного лица при чтении беллетристики: «Священник может читать светскую литературу, но не ради любопытства, праздного время, а для того, чтобы иметь представление о точке зрения светских людей на различные стороны человеческой жизни» [1, с. 101]. По мнению другого церковного автора, знакомство со светской литературой должно быть, во-первых, «строго критическим»; во-вторых, «неслучайным и целенаправленным»; в-третьих, «систематическим». Духовенство не просто читает беллетристику, а изучает ее [8];

2) пение и музицирование. Различные источники свидетельствуют о том, что даже в домах сельских пастырей со второй половины XIX века можно было встретить фортепьяно, фисгармонию, скрипки, причем на этих инструментах играл не только хозяин, но и хозяйка;

3) наслаждение живописью;

4) посещение духовных концертов;

5) посещение публичных лекций;

6) общение с природой.

Однако при этом священник, в отличие от светского человека, не должен был забывать, что «развлечения должны служить для него не непосредственным предметом удовольствия, а лишь средством к поддержанию пастырской энергии, к подкреплению сил и к возбуждению свежести духа» [9].

Наконец, в-четвертых, необходимо учитывать возраст священника, в доме которого собирались гости. Естественно, что молодой, недавно окончивший семинарию батюшка вносил в сельскую среду ту развлекательную культуру, с которой он познакомился во время своей учебы в губернском городе, например

модные романсы, песни, стихи, сочиненные семинаристами, игры, бытовавшие в городских молодежных компаниях. Да и его супруга, как правило выпускница женского епархиального училища, также являлась носителем городской культуры. Вероятно, среди гостей такого семейства преобладали их сверстники, и характер развлечений чем-то мог отличаться от развлечений в доме священника средних или пожилых лет, где собирались люди его поколения. Правда, и здесь на праздник обычно приезжали на каникулы сыновья-семинаристы, дочери из училища, приглашались их друзья, поэтому могли образовываться компании «отцов» и «детей», развлекающиеся каждая по-своему. И в то же время существуют многочисленные свидетельства того, что обычно многодетные священнические семейства отличались необычайно тесными родственными узами, и домашние праздники, столь нетерпеливо ожидаемые самими юными членами семьи, надолго оставались в их памяти. Запоминались любимые родителями песни, со временем передаваемые новым поколениям.

Наряду со светскими песнями в священническом доме исполнялись и духовные песнопения, которые в церковные праздники предшествовали мирской музыке.

Необходимо назвать те источники, которые должны использоваться при изучении темы «Праздник в доме священника». Прежде всего, это статьи, очерки, заметки о священническом быте, опубликованные чаще в церковной периодике. Затем разнообразные произведения мемуарного характера, как печатные, так и архивные, созданные или самими священниками, или членами их семейств. Наконец, произведения художественной литературы. Но хотел бы отметить, что этот источник, столь много дающий важных фактов исследователю, занимающемуся историей русского духовенства, здесь далеко не всегда является достоверным. Существует множество примеров, когда негативно-субъективное отношение автора к служителям церкви проявляется именно при описании какого-то торжества в священническом доме, особенно в изложении содержания бесед хозяина с кем-либо из гостей. Достаточно вспомнить подобный эпизод из романа С. И. Гусева-Оренбургского «Страна отцов».

Характеризуя внебогослужебную деятельность уральских пастырей первой половины XIX века, один из современных исследователей приходит к выводу, что «независимая сословная культура духовенства в рассматриваемый период еще не сложилась» [7, с. 216]. Тот материал, с которым мне удалось ознакомиться на сегодняшний день, свидетельствует о том, что подобная культура, по крайней мере особая, специфическая развлекательная культура, так и не сложилась вплоть до 1917 года. Несмотря на все старания церковных властей, она всё больше и больше проникалась светским духом и к концу XIX столетия, за исключением ряда деталей, стала идентичной развлекательной культуре средних городских слоев русского общества. Однако такой вывод вовсе не закрывает тему исследования, так как праздники в быту средних сословий второй половины XIX — начала XX века проанализированы еще в недостаточной мере и представляют несомненный интерес для представителей разных гуманитарных наук.

1. Иерей. Пастырский досуг // РДСП. 1900. Т. 3. № 40 (1 окт.). С. 101.
2. Инструкция благочинному приходских церквей // Вологод. епарх. ведом. 1869. № 9. Отд. отт. С. 9.
3. Кашеева Е. В. Быт и досуг крестьянина-мигранта в городе и деревне (конец XIX — начало XX в.) // Сохранение и возрождение фольклорных традиций. М., 1996. Вып. 7. С. 36—53.
4. Кашеева Е. В. Городские формы досуга: московское мещанство // Там же. М., 1994. Вып. 5. С. 156—185.
5. Кашеева Е. В. Купеческое застолье как форма сословного общения и проведения досуга // Там же. М., 1998. Вып. 8. С. 198—209.
6. [Малевинский А.] Инструкция благочинному приходских церквей, изъясненная указами Священного Синода, распоряжениями епархиального начальства, сводом законов и церковной практикой. Настольная книга для каждого священно- и церковнослужителя и церковного старосты. Составил священник Александр Малевинский. Великий Устюг, 1891.
7. Мангилева А. В. Духовное сословие на Урале в первой половине XIX века (на примере Пермской епархии). Екатеринбург, 1998. С. 216.
8. Н. Д. Должен ли пастырь церкви знакомиться с современной светской литературой? // РДСП. 1887. Т. 3. № 50 (13 дек.). С. 454—458.
9. Н. Д. О развлечениях, доступных для пастырей церкви // РДСП. 1885. Т. 1. № 15 (8 апр.). С. 352.
10. Пр. А. Ф. Х. Неправильность в суждениях о позволительном для мирян и непозволительном для духовных // Руководство для сельских пастырей (РДСП). 1886. Т. 3. № 48 (30 нояб.). С. 383—391.
11. Самуилова С. С., Самуилова Н. С. Отцовский крест. Острая Лука. 1908—1926. СПб., 1996. С. 33.
12. Свифт Э. Развлекательная культура городских рабочих конца XIX — начала XX века // Развлекательная культура России XVIII—XIX вв. СПб., 2000. С. 300—315.
13. Удовольствия и развлечения приличные священнику // РДСП. 1884. Т. 3. № 50 (9 дек.). С. 427.
14. Успенский В. (ректор СДС, прот.). Поучение пред началом учения, сказанное в семинарском храме 20 окт. 1895 г. // Симбирские епархиальные ведомости. 1897. № 18 (15 сент.). С. 558.

ПРОЯВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА В ПОГОВОРКАХ И ПОСЛОВИЦАХ И ИХ ВОСПРИЯТИЕ В ИНОЯЗЫЧНОЙ СРЕДЕ**A MANIFESTATION OF NATIONAL MENTALITY IN PROVERBS AND SAYINGS AND THEIR PERCEPTION IN A FOREIGN ENVIRONMENT**

Статья посвящена сложностям перевода русских паремий на французский язык. Во-первых, не ко всем русским словам было легко подобрать французский эквивалент; во-вторых, необходимо было объяснить в комментариях некоторые чисто русские понятия; в-третьих, невозможно было перевести на французский язык ряд специфических словосочетаний; в-четвертых, русскому языку свойственно наличие ласкательных и уменьшительных слов, нехарактерных для французского языка; в-пятых, многие русские паремии основаны на рифме, без которой теряется смысл изречения.

Основным источником французских паремий являются библейские, латинские цитаты, философские, литературные и исторические афоризмы. По сравнению с русскими французские пословицы занимают более скромное место в народной культуре. Они более «литературные», менее образны и экспрессивны. Русские паремии в полной мере отражают русский крестьянский менталитет, который во многом отличается от французского менталитета, поэтому изданная книга позволяет французскому читателю познакомиться с особенностями русской народной культуры.

Ключевые слова: фольклор, пословицы, перевод на французский язык.

The article is devoted to the difficulties of translating Russian paremias into French. First, not all Russian words were easy to pick up the French equivalent; secondly, it was necessary to explain in the comments some purely Russian concepts; thirdly, it was impossible to translate into French a number of specific phrases; fourthly, the Russian language is characterized by the presence of caressing and diminishing words, uncharacteristic for the French language; Fifth, many Russian paremia based on rhyme, without which the meaning of the saying is lost.

The main source of French paremias are biblical, Latin quotations, philosophical, literary and historical aphorisms. Compared with the Russians, French proverbs occupy a more modest place in folk culture. They are more «literary», less imaginative and expressive. Russian paremia fully reflect the Russian peasant mentality, which in many respects differs from the French mentality, therefore the published book allows the French reader to get acquainted with the peculiarities of Russian folk culture.

Keywords: folklore, proverbs, translation into French.

В 2010 году в рамках года России во Франции издательство Archipel предложило нам подготовить «Большую книгу русских пословиц» на французском языке. Это издательство было создано в Париже в 1991 году Жаном-Даниэлем Бельфоном

и на сегодняшний день является одним из наиболее крупных французских издательств, выпустивших более 1000 различных изданий в четырех коллекциях.

Серия «Большая книга пословиц» входит в коллекцию Presses du Châtelet. В этой серии уже вышли книги китайских, арабских, еврейских, африканских, креольских, тибетских и индийских пословиц. Пословичная серия представляет собой большую подарочную книгу с предисловием, текстами пословиц, переведенных на французский язык, библиографией и иллюстрациями. Пословицы систематизированы по ключевому слову или теме, которые расположены в алфавитном порядке. Например: 1) по ключевым словам: *дерево, работа, вор, свинья, ворона, сердце, луна, слеза, песня, война*; 2) по образным понятиям: *сущность, счастье, дружба, богатство, осторожность, суета*; 3) по действиям, процессам: *земледелие, учение, торговля, ремесло*; 4) по так называемым собирательным темам: *вздор, каждому свое, очевидность*; 5) по специфически русским темам: *баня, Москва, береза, печь, царь, казак, поп, молитва, русский* и т. д. Первоначальное требуемое количество пословиц было 1000 единиц. Однако затем это число было значительно увеличено (до тысячи восьмисот), так как объем издания книг данной серии должен был быть одинаковым, а русские пословицы, по мнению издателя, оказались очень короткими. На самом же деле, было отобрано более трех с половиной тысяч пословиц, из которых только около двух тысяч оказалось возможным перевести без потери их смысла. Таким образом, работа над изданием растянулась на два года: оно вышло в свет в середине ноября 2012 года: LE GRAND LIVRE DES PROVERBES RUSSES // Recueillis par Alexander et Natalia Rozov et traduits par Daria Rozova. Préface du prince Constantin Mourousy. — Paris, Presses du Châtelet, 2012.

Русские пословицы неоднократно переводились на французский язык и издавались во Франции. Однако в большинстве случаев к русскому материалу приводились французские эквиваленты, иными словами передавался лишь общий смысл пословиц без отражения русской самобытности. Основное же требование к данной книге: отсутствие идентичных французских пословиц и дословный, насколько это возможно, перевод русских пословиц на французский язык с объяснениями и комментариями. Отсюда, понятно, возникали немалые трудности для переводчика.

Работа состояла из двух трудоемких этапов: 1) в России: тщательный отбор подходящих для французского менталитета поговорок и пословиц по темам (деления материала на пословицы и поговорки в книге нет); 2) во Франции: отбор и перевод материала на французский язык. Авторами-составителями книги были Александр Николаевич, Наталья Алексеевна и Дарья Александровна Розовы. Последняя была переводчиком, одним из авторов вступительной статьи (соавтор: князь Мурузи) и комментариев. Библиография была подобрана А. Н. Розовым. В качестве иллюстраций использовались неизданные лубочные картинки с текстами пословиц, хранящиеся в Отделе эстампов Российской национальной библиотеки, а также иллюстрации из книжных изданий лубка с фольклорными текстами.

На одну букву алфавита подбирались такие ключевые слова и темы, которые могли бы отразить самобытность и специфику русской народной культуры, национальный менталитет в широком смысле (например: «Бог», «Душа»,

«Родина», «Икона», «Русский», «Москва», «Мать», «Баня», «Хлеб», «Береза», «Праздник» и т. д.). Всего в сборнике 160 тем, отдельно выделены пословицы, связанные с историей России, и специфические пословицы советского периода. В каждой из рубрик неравное количество текстов, наибольшее число в рубриках: *Дети* (37); *Ремесло* (29); *Вина* (25); *Смерть* (24); *Деньги* (23); *Наружность* (23); *Супруги* (21); *Лукавство* (18); *Любовь* (15). Меньше всего пословиц в рубриках: *Действие* (4); *Блины* (4); *Ворона* (4); *Зло* (4); *Зависть* (3); *Яблоко* (3). Не удалось подобрать материал на четыре последние буквы французского алфавита.

Следует прежде всего отметить, что по сравнению с русскими, французские пословицы занимают более скромное место в народной культуре. Их основным источником являются библейские, латинские цитаты, философские, литературные и исторические афоризмы. До известной степени можно сказать, что такого понятия, как «французские народные пословицы», не существует.

Русские же пословицы и численно, и качественно не сопоставимы с пословицами любого другого народа. Именно в пословицах, как ни в одном из фольклорных жанров, наиболее сжато и четко отражаются свойственные русским особый склад ума, специфичность воззрения на явления и предметы действительности, способы рассуждения и выводы, народный юмор и т. д., то есть все то, что является народным менталитетом, который далеко не всегда понятен иностранцам.

В то же время многие русские пословицы не составляли особых сложностей для перевода и не требовали комментария: «Дареному коню в зубы не смотрят», «Даже у мухи есть сердце», «Кому пост, а кому масленица», «Не плюй в колодец — пригодится воды напиться», «С милым рай в шалаше», «Жена не балалайка: поиграв, на стену не повесишь», «Работа не волк, в лес не убежит».

Иногда возникала необходимость проверить качество перевода: понимает ли носитель французского языка смысл той или иной поговорки, так как немалое их количество требует знаний русского национального колорита, в данном случае особого отношения к женщине в деревне: «Баба с возу, кобыле легче», «Дважды жена мила бывает: как в избу введут, да как вон понесут» (вариант: «Бабе дорога — от печи до порога»), «Волос долог, да ум короток», «Собака умней бабы: на хозяина не лает» и т. д. Конечно, подобные тексты в издание не вошли. Однако такая пословица, как «Открой дверь в рай бабе, а она и корову туда потащит», свидетельствующая об особых природных качествах русской крестьянки, требует особого комментария, в котором подчеркиваются те черты характера, которыми наделял сельский житель представительниц противоположного пола: хитрость, практичность, привязанность к земным ценностям. При этом следует отметить, что не всегда легко было подобрать французский эквивалент к ряду русских слов: «баба» переводилась в одних случаях как «женщина», в других — «крестьянка». Так, в пословице «Пока баба с печи летит, семьдесят семь дум передумает», конечно, используется слово *pausan* («крестьянка»), да еще требуется объяснить, что русское сельское население использовало печь не только для тепла, на ней готовили еду, она же служила в качестве кровати; кроме того, в печи мылись, т. е. использовали ее как баню.

Другие русские пословицы были интересны из-за сложности перевода и необходимости составления подробного комментария: «Заварили кашу, что и не

расхлебаешь»; «Недосол на столе, а пересол на спине»; «Для шей люди женятся, а для мяса замуж идут».

В ряде случаев для объяснения смысла пословиц приходилось делать особый комментарий. Например, немало текстов помещено под ключевым словом *ПОП*. Как известно, данное слово уже в начале XIX века стало устаревшим и служило в качестве просторечного названия православного священника. При этом отношение к служителю храма было амбивалентным, нередко насмешливым, особенно у сельских жителей («За деньги и поп в алтаре спляшет», «Поповские глаза завидушие, а руки загребушие», «Богу слава, а попу — каравай сала», «Не нам попов судить, на то черти есть», «Любовь и попа плясать научит» и т. д.). Именно это позволило фольклористам советского периода говорить об атеизме русского народа. Для французов такое отношение к служителю церкви нехарактерно, поэтому необходимо объяснение, почему оно встречается у русских.

Невозможно было перевести на французский язык пословицы с самобытными русскими «словечками»: «Русский человек любит АВОСЬ, НЕБОСЬ, да КАК-НИБУДЬ»; «Живем ни ШАТКО ни ВАЛКО, а умереть все-таки жалко»; «Русская душа НАРАСПАШКУ»; «ТОШНО мне на чужой стороншке»; «Милые бранятся, только ТЕШАТСЯ»; «Заварили кашу, что и не РАСХЛЕБАЕШЬ».

Также очень сложно было переводить красиво и образно звучащие ласкательные и уменьшительные слова, которыми русский язык необычайно богат. Для французского языка такое явление нехарактерно, и часто к слову просто прибавляются прилагательные «маленький» или «хороший, добрый».

Сложности возникали, иногда совершенно неожиданно, и при переводе пословиц, в которых используются разные представители фауны. Например, казалось, что легко перевести пословицу «Лучше синица в руке, чем журавль в небе». Однако по-французски слово «журавль» имеет, во-первых, омоним «подъемный кран»; во-вторых, этим же словом называют женщину легкого поведения. Поэтому пришлось заменить «журавля» на просто «большую птицу». В пословице «Ученая ведьма хуже, чем урожденная» слово «ведьма», отсутствующее у французов, пришлось заменить словом «колдунья». Невозможно было передать смысл пословицы «Любовь зла, полюбишь и козла», так как у французов слово «козел» означает только животное и не имеет того переносного значения, которое встречается у русских. Здесь хотелось бы отметить, что в сходных по смыслу русских и французских пословицах могут использоваться образы разных представителей фауны. Например, «Гусь свинье не товарищ» и «Мы никогда не видели сороку с вороном»; «Гол как сокол» и «Гол как червяк»; «Лучше теленок в хлеву, нежели корова за горой» и «Лучше одна пчела, чем сто мух».

Как известно, многие русские пословицы основаны на рифме. Иногда перевод был возможен без ее сохранения, т. е. смысл и так был понятен: «У мила дружка все нам нравится: и вода с лужка медом кажется». А иногда без рифмовки смысл терялся, например: «Велика Федора, да дура, а Иван мал, да удал». В ряде случаев удавалось подобрать другие слова, сохраняя образный смысл и рифму. Например, в пословице «Любовь не картошка: не выбросишь в окошко» слово «картошка» было заменено на «яблоко сорта ренет» по-французски, так как яблоко такое же круглое, как картошка. Можно привести и другие примеры со-

хранения рифмы: *Ame chrétienne, mais conscience bohémienne* (Душа христианская, а совесть цыганская); *En allant a Kazan, il s'est retrouvé a Riazan* (Поехал в Казань, а попал в Рязань); *Là où mon chéri se promène, mes bottes me ramènent* (Куда мил дружок, туда и мой сапожок).

С другой стороны, наблюдались случаи, когда в результате перевода получалась рифма, хотя по-русски ее не было: «Готовь сани летом, а телегу зимой» (*En été prépare le traîneau; en hiver prépare le chariot*); «Когда солнце встанет, тогда и день наступит» (*Quand soleil se lèvera, la journée arrivera!*).

Особых комментариев требовал материал, приведенный в разделе «Исторические пословицы»: «Плохого бога и телята лижут» (здесь говорится о деревянных языческих идолах, которых часто ставили в лесах, где пасли скот); «Руси есть веселие питии — не может без того бытии» (Из Ипатьевской летописи под 980 г.); ««Тяжела шапка Мономаха» (кто такой Мономах); «Был на дому, а оказался на Дону» (пословица возникла в начале 17 в., в период Смутного времени, когда началось массовое бегство крестьян в приграничные казачьи районы) и т. д.

Пословицы, запечатлевшие события войны 1812 года, можно было переводить дословно, но все-таки здесь также были нужны комментарии. «Отогрелся в Москве, да замерз на Березине»; «Голодный француз и вороне рад» (о войне 1812 г., когда зимой французы отступали из Москвы); «На француза и вилы ружье» (о крестьянах-партизанах).

Для французского читателя интересен и оригинален раздел «Поговорки советского периода». В начале этого раздела пришлось указать, что эти пословицы и поговорки по заданию партийных органов придумывались фольклористами-собираателями, писателями, работниками областных и районных отделов культуры и т. д. Некоторые эти «произведения» впервые появлялись в заголовках статей или текстах в газетах. Иногда для создания новой поговорки переделывали старую, изменяя в ней одно слово или несколько слов. Большинство «народных» изречений никак не отражали жизнь тогдашнего общества, наоборот, всё приукрашивалось. Народом эти «пословицы» не употреблялись. Примеры подобных изречений: «Кремлевские звезды путь к свету указывают»; «Наша правда в воде не тонет, в огне не горит»; «Трактор в поле — что танк в бою»; «Лодырь ударнику не товарищ»; «Начало реки — в горах, сила партии — в народе»; «Наша партия слов на ветер не бросает: что сказано, то сделано»; «Был бы телевизор, а гости будут» и т. д.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что старинные русские пословицы в большей степени отражают крестьянский менталитет, и поэтому они обычно связаны с типично народными традициями, праздниками, православными и языческими обрядами, шутками, насмешками над типично русскими персонажами. Не случайно издателю показалось, что русские пословицы по-французски звучат уж слишком «не галантно». Эта «негалантность» связана с некой прямоотой, народной грубоватостью, отсутствием приукрашенности. Именно эти особенности создавали немалые трудности при переводе: русские пословицы — это народный разговорный язык, некоторые образы, сравнения, которые могут шокировать иностранца. Французские пословицы более «литературны», менее образны, для них важна «пословичная» форма, в них меньше красочности, экспрессии.

УДК 811.161.1

С. Ф. Кожевина
S. F. Kozhevina

ФОРМИРОВАНИЕ ЗНАКОВО-СИМВОЛИЧЕСКИХ УЧЕБНЫХ ДЕЙСТВИЙ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА THE FORMATION OF SYMBOLIC LEARNING OPERATIONS ON THE RUSSIAN LANGUAGE LESSONS

В статье приводятся результаты констатирующего эксперимента, направленного на изучение степени сформированности у учащихся 6 класса умения самостоятельно составлять кластер. Результаты позволили выявить наиболее частые ошибки учащихся при преобразовании текстового материала в графический.

Ключевые слова: эксперимент, знаково-символические учебные действия, кластер.

The article presents the results of a state-of-the-art experiment aimed at studying the degree of ability of students of grade 6 to independently compose a cluster. The results allowed to reveal the most frequent mistakes of students when converting textual material into graphic.

Keywords: experiment, symbolic-symbolic training activities, cluster.

В настоящее время школьники получают большой объем информации по различным дисциплинам, в том числе и по русскому языку. И если по другим предметам учебный материал часто представлен в виде схем и таблиц, то по русскому языку это чаще всего текст (правила и определения) с примерами. Информацию в таком виде сложно воспринимать и нелегко запомнить, а главное удержать в памяти в течение долгого времени.

В связи с проблемой развития у школьников логического мышления, памяти, творческих способностей стандарты нового поколения в качестве одной из задач определяют необходимость формирования у учащихся такого универсального учебного действия, как «умение создавать, применять и преобразовывать знаки и символы, модели и схемы для решения учебных и познавательных задач» [3, с. 3].

Преобразование материала может быть осуществлено с помощью большого многообразия подходов и используемых «инструментов» — конспектов, схем, опор, таблиц и т. д.

Применительно к русскому языку наиболее эффективными, как показывает практика, являются приемы технологии критического мышления через чтение и письмо, а именно кластер, «инсерт», «фишбоун», «круги Эйлера».

Для того чтобы выявить уровень владения учащимися приемами преобразования текстового материала в графическую форму, был проведен констатирующий эксперимент в школе № 3 г. Сыктывкара. Целью эксперимента было изучение степени сформированности у учащихся 6 класса умения самостоятельно составлять один из приемов из технологии критического мышления кластер [1, с. 28].

Кластер — это графическая форма организации информации: выделение основных смысловых единиц, которые фиксируются в виде схемы с обозначением всех связей между ними [2].

Беседа, проведенная с учащимися в начале эксперимента, показала, что с данным приемом знакомо большинство учащихся. Использование кластера способствует формированию таких важных для сознательного усвоения русского языка учебных действий, как:

- 1) оформление текстового материала в графический;
- 2) вычленение смысловых единиц из текста;
- 3) установление между ними логических связей.

В эксперименте приняло участие 18 человек. Средний уровень их успеваемости — «хорошо» и «удовлетворительно».

Учащимся было предложено 2 задания:

- 1 — составить кластер на последнюю изученную тему;
- 2 — заполнить пропуски в уже составленном кластере на эту же тему.

Первое задание оценивалось по нескольким критериям:

1. Оформление кластера в виде грозди.
2. Расположение по центру основного понятия, ядра.
3. Выделение существенных для данного кластера смысловых единиц.
4. Многоуровневость кластера.
5. Установление логических связей между смысловыми единицами.
6. Самостоятельность в составлении кластера.

Проанализируем результаты выполнения работ учащимися по каждому критерию.

1. Оформление кластера в виде грозди

15 учеников составили кластеры в виде грозди, 3 — полностью не справились с заданием: одни даже не попытались выполнить задание, а другие, очевидно, не знакомы с понятием кластера и техникой его составления. Ниже приведен один из примеров неправильного оформления кластера. Здесь учащийся записал в столбик все известные ему сведения о глаголе, не выделяя смысловых единиц и не устанавливая логических связей между ними (рис. 1).

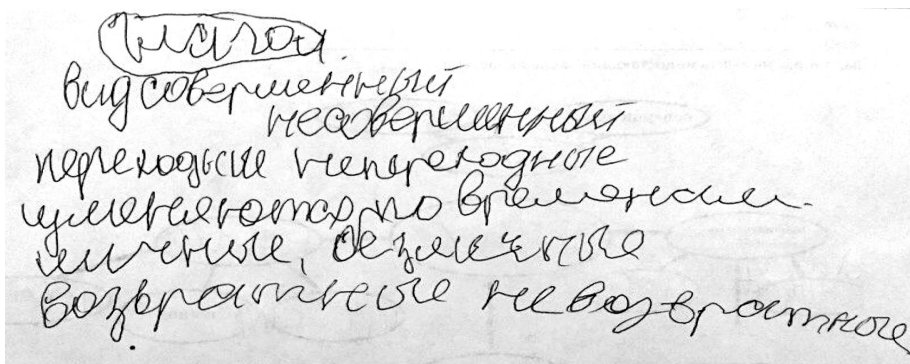


Рис. 1. Расположение без смысловых единиц и без логических связей

А вот работа более удачная, так как в ней представлена структура кластера: в центре — ядро, а значимые смысловые единицы расположены в виде грозди (рис. 2).

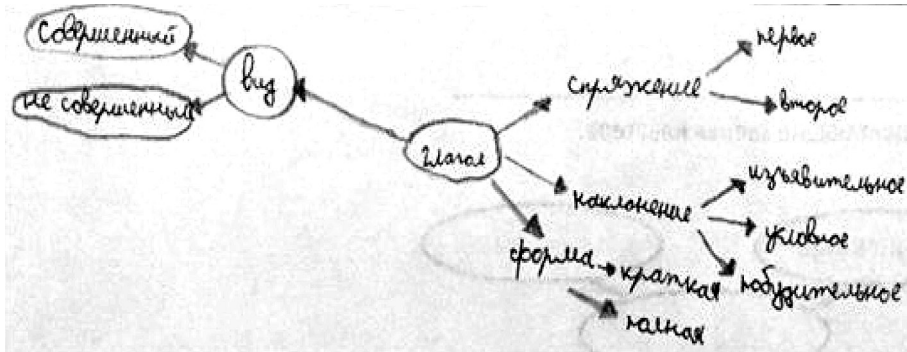


Рис. 2. Кластер в виде грозди

2. Расположение по центру основного понятия, ядра

Все 15 учеников, составившие кластеры, смогли выявить ядро «Глагол» и расположить его в центре кластера.

3. Выделение существенных для данного кластера смысловых единиц

По известным учащимся сведениям о глаголе можно было составить такой кластер (рис. 3).

10 учеников смогли выявить 1 или 2 существенных признака, в остальных случаях происходило смешение единиц разных уровней, либо перестановка смысловых единиц (рис. 4).



Рис. 3. Образец кластера «Глагол»

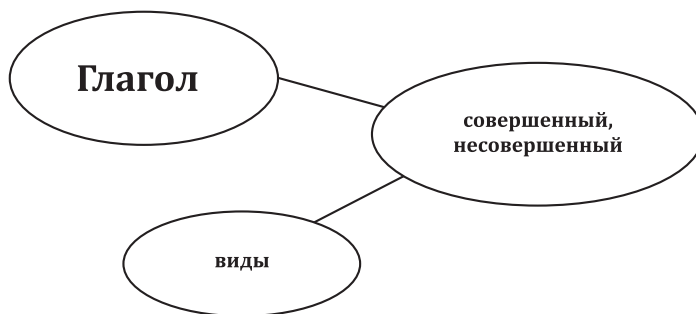


Рис. 4. Перестановка смысловых единиц

Четыре ученика не смогли выделить существенные единицы, а один объединил все единицы, просто перечислив их без какой-либо дифференциации (рис. 5).

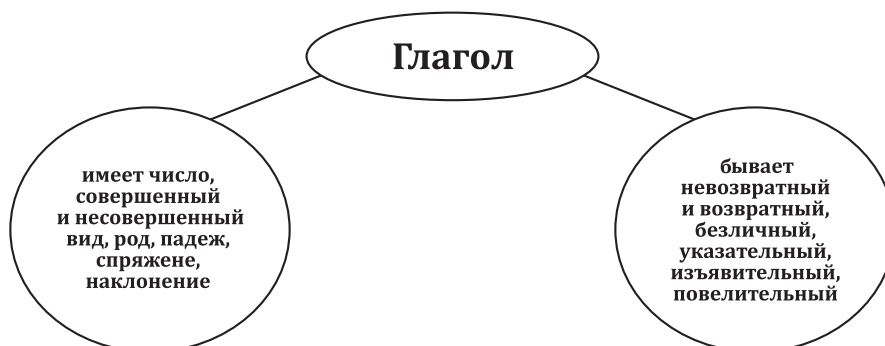


Рис. 5. Объединение без признаков дифференциации

4. Многоуровневость кластера

2—3 уровня удалось выделить трём ученикам. В приведенной выше работе ученик смог выделить 3 уровня (рис. 2).

В остальных случаях учащиеся выделяли только по 1 уровню, т. е. находили смысловые единицы, которые были связаны непосредственно с ядром кластера, либо пропускали уровень, который связывает выделенную смысловую часть

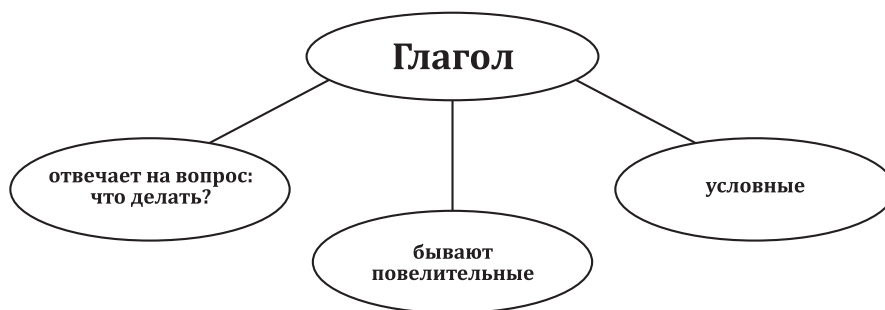


Рис. 6. Отсутствие связи смысловой части с ядром

с ядром. Например, в ниже представленной работе пропущено звено кластера «наклонение глагола» (рис. 6).

5. Установление логических связей между смысловыми единицами

Только у 3 учеников получилось установить логические связи между всеми единицами или между большинством единиц. Остальные смогли установить связи только между ядром и первым уровнем смысловых единиц (рис. 7).



Рис. 7. Связь между ядром и первым уровнем смысловых единиц

В представленном кластере учащемуся следовало выделить звено «изменяется», и тогда звенья «по временам» и «числам» будут логически связываться с этим звеном, а не ядром.

6. Самостоятельность в составлении кластера

Учащиеся самостоятельно составляли кластеры, не пользуясь учебниками, тетрадями, а также не прибегая к помощи учителя.

Результаты 1 задания можно изобразить в виде диаграммы, на которой видно, что 83 % учащихся смогли составить кластеры и выделить ядро, 56 % — смогли выделить смысловые единицы и только 17 % составили не 1-уровневые кластеры, а 2- или 3-уровневые кластеры и установили между единицами логические связи (рис. 8).

Со вторым заданием учащиеся справились лучше. Так как кластер был уже составлен, им необходимо было только заполнить пропуски (рис. 9).

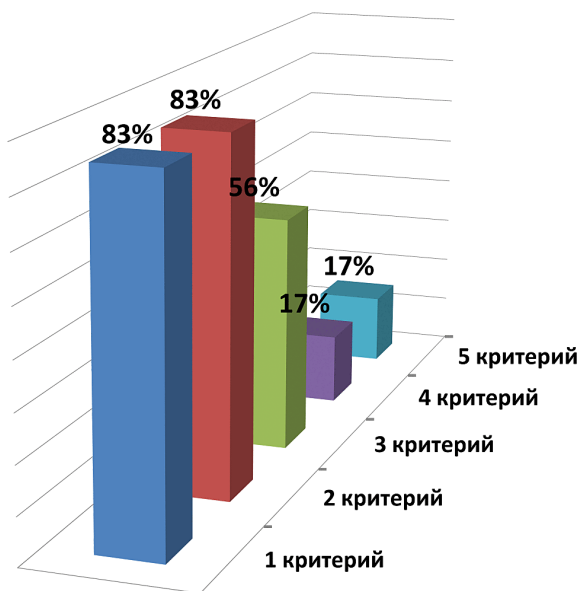


Рис. 8. Результат выполнения первого задания учащимися

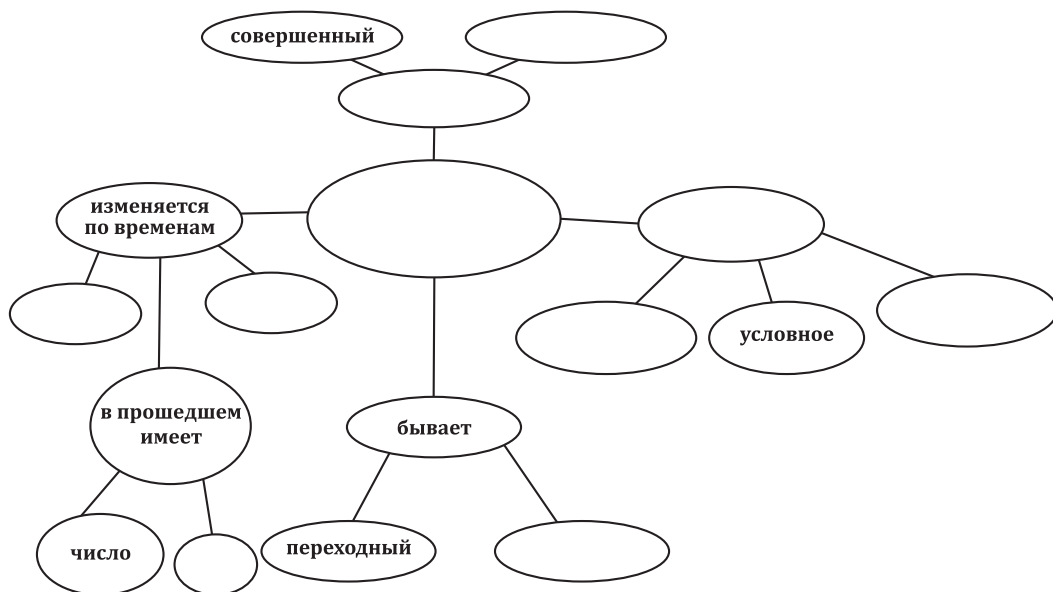


Рис. 9. Задание 2: заполнить кластер

Только 33 % учащихся смогли заполнить все пропуски, 56 % — заполнили не все пропуски, 11 % — вовсе не справились с данным заданием.

По результатам проведенного эксперимента можно сделать вывод, что у учащихся 6 класса слабо сформированы умения преобразования текстового материала в графическую форму.

* * *

1. Заир-Бек С. И. Развитие критического мышления на уроке. М., 2011. С. 28.

2. Калайтанова И. Прием «кластер» на уроке. Что это такое и как его использовать? Примеры. URL: http://pedsovet.su/metodika/priemy/5673_metod_klaster_na_uroke (дата обращения: 09.10.2016).

3. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования: приказ Минобрнауки РФ от 17.12.2010 № 1897.

ФОРМИРОВАНИЕ У УЧАЩИХСЯ УМЕНИЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ЭЛЕМЕНТЫ ИНТОНАЦИИ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В 5 КЛАССЕ

THE FORMATION OF PUPILS ' ABILITY TO USE THE ELEMENTS OF INTONATION ON RUSSIAN LESSONS IN THE 5TH GRADE

В данной статье рассматриваются элементы интонации, предлагаются методы развития у учащихся 5 класса таких элементов интонации, как темп, ритм, мелодика и др.

Ключевые слова: методика преподавания русского языка, выразительность речи, интонация и её элементы.

In this article, elements of intonation are considered, and ways of development of such elements of intonation as rhythm, rhythm, melody, etc. are suggested for class 5 pupils.

Keywords: The methodology of teaching the Russian language, expressiveness of speech, intonation and its elements.

Одной из важнейших задач уроков русского языка и литературы в условиях реализации федеральных государственных образовательных стандартов российской школы является совершенствование видов речевой деятельности учащихся, обеспечивающих эффективное овладение разными учебными предметами и взаимодействие с окружающими людьми в ситуациях формального и неформального межличностного и межкультурного общения [5, с.8]. Учащиеся должны овладеть всеми видами речевой деятельности (слушанием, чтением, говорением, письмом), необходимыми в важных для человека сферах общения. Эта задача чрезвычайно актуальна, так как умения и навыки владения устной и письменной речью помогают ученикам лучше усваивать содержание других школьных предметов, повышают интерес к русскому языку и придают уверенность в своих силах. Кроме того, они представляют собой универсальные знания, применяемые в других видах учебной и иной деятельности человека. Одна из главных задач учителя — научить правильно выражать свои мысли, чувства. Ведь размышлять может тот, кто умеет говорить.

Когда человек не только передаёт определённую мысль своей речью, но и выражает положительное или отрицательное отношение к этому высказыванию, то есть выражает различные чувства, свою позицию, свой стиль, то эта сторона речи называется её выразительностью. Умелое и уместное использование выразительных средств обогащает речь, придает ей образность, экспрессию. Речь,

лишённая выразительности, какие бы содержательные мысли она ни передавала, производит впечатление мёртвой, бесчувственной, «режет слух».

Поэтому для того, чтобы школьники результативно воспринимали речь других людей, чтобы их собственная речь достигала цели, необходимо особое внимание уделять в школе формированию *выразительности* устной речи как такого качества, которое обеспечивает эффективность общения.

Цель статьи — показать пути формирования умения использовать выразительные возможности интонации на уроках русского языка в 5 классе.

Объектом исследования являются приёмы и методы обучения выразительному чтению, способствующие формированию у учащихся умений выразительно читать художественные произведения.

Рассмотрим одно из направлений целенаправленной работы над развитием и совершенствованием навыка выразительного чтения — **знакомство с интонацией, анализ элементов интонации**, покажем основные пути работы по этому направлению.

В рамках данного направления проведена система уроков по развитию речи для пятиклассников на уроках русского языка «Интонация. В поисках смысла...». Цель занятий — дать представление о понятии «интонация» и её элементах.

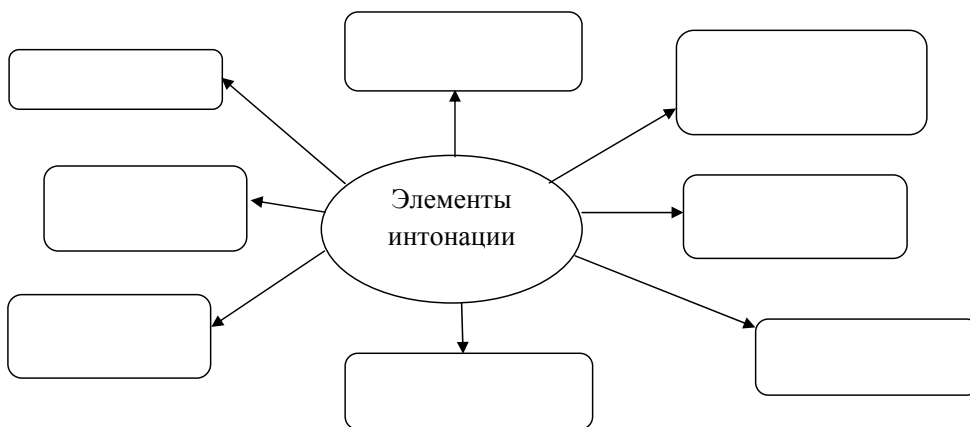
Для формирования соответствующего умения необходимо ввести следующие понятия:

интонация — это сложный комплекс, включающий в себя несколько выразительных средств звучащей речи:

- темп — скорость речи в зависимости от содержания высказывания с учетом пауз между речевыми отрезками;
- ритм речи — равномерное чередование безударных и ударных гласных, образующих слоги;
- тембр высказывания — звуковая окраска, отражающая экспрессивно-эмоциональные оттенки: грустный, веселый, мрачный и т. д.
- мелодика речи — повышение и понижение голоса, что придаёт речи различные оттенки: певучесть, мягкость, нежность и др. Именно это позволяет избежать монотонности;
- интенсивность речи — сила или слабость звучания;
- логическое ударение — выделение паузами, повышением голоса, большей напряженностью и долготой произношения отдельных слов, особо значимых в высказывании;
- паузы — остановки, перерывы в звучании.

Для формирования понятия об элементах интонации может быть использован кластер, ключевым словосочетанием которого является понятие «элементы интонации». Эта работа проводится рассредоточенно на уроках развития речи, так как на данных уроках происходит формирование коммуникативной компетенции учащихся. На каждом из названных уроков учащиеся знакомятся с одним из элементов интонации, и таким образом постепенно составляется кластер.

Любой урок знакомства с интонацией начинается с тренировки речевого аппарата учащихся. С этой целью используем дыхательную гимнасти-



ку. Формировать навык владения дыханием и голосом можно с помощью следующих упражнений: «Задуй свечу», «В цветочном магазине», «В лифте», «Обрызгайте белье водой» и другие. Например,

Представьте, что вы пришли в магазин цветов и почувствовали восхитительный аромат цветущих растений. Сделайте шумный вдох носом и выдох (2—3 раза).

Первый элемент интонации — мелодика речи. Для того чтобы познакомить учащихся с мелодикой речи, используем следующие задания.

«Поход». Учителем выразительно читается стихотворение «Поход», а учащиеся должны заметить особенность интонации учителя при чтении этого стихотворения: он то повышает, то понижает голос. После этого вводим термины «голос повышается», «голос понижается» и «мелодика речи». Это упражнение направлено на умение распределять высоту голоса. Учитель говорит школьникам о том, что при чтении не следует быстро повышать голос: необходимо, чтобы голоса хватило на все строки. Читая каждую строку, нужно представить себе, что мы «шагаем голосом» прямо к солнцу, передать голосом движение вверх [8, с. 102].

Далее учащимся предлагается анализировать мелодику отдельных видов предложений: вопросительных, повествовательных — посредством выразительного чтения текстов с последующими выводами о характере голоса в них. Например:

— *Алёша, знаете ли вы урок? — спросил учитель. И бедный Алёша сквозь слёзы отвечал:*

— *Знаю только две страницы.*

А. Погорельский. Чёрная курица, или Подземные жители

Вывод должны сформулировать сами учащиеся: в первом предложении голос повышается, идёт вверх. Во втором предложении голос, наоборот, идёт вниз, понижается. Внимание учащихся обращаем на вопросительный знак в конце этого предложения, сообщается, что на знаке вопроса голос повышается.

Цель следующего задания заключается в чтении стихотворения А. Прокофьева «Как на горке, на горе» и передаче настроения, где нужно повышать или понижать голос. Здесь дополнительными средствами выражения чувств и отно-

шения к содержанию речи являются междометия. Можно объяснить учащимся, что наш голос может изменяться — «подниматься и спускаться с горки», то есть «голос повышается», «голос понижается»:

С ГОРКИ — УУУУХ (понижаем голос, как будто съезжаем с горы)

НА ГОРКУ — УУУУХ (повышаем голос, как будто поднимаемся на гору) [2, с. 65].

Для развития восприятия мелодики эффективным является прием дирижирования, при котором повышение и понижение голоса сопровождается плавными движениями руки вверх или вниз. Этот прием лучше использовать при повторении дважды сказанной фразы стихотворения. Сначала «нарисуем» в воздухе мелодику вместе с учащимися, а затем школьник продирижирует её самостоятельно.

На этапе обобщения уместно сравнить два понятия — мелодия и мелодика (речи). Для фиксирования движения мелодики можно использовать схемы с указателями повышения или понижения высоты голосового тона, потому что как мелодия записывается нотами, так и с помощью различных знаков можно «изобразить» мелодику слова, фразы, предложения, текста. Для этой цели мы используем упражнение «Прыжок», которое способствует развитию гибкости голоса и учит тому, где нужно повышать, а где нужно понижать голос [8, с.102]. Схема выглядит следующим образом:



Чтение диалогических текстов позволяет ученику принять на себя роль того или иного героя, «оказаться» в определенной речевой ситуации, испытать соответствующие ситуации чувства и выразить их с помощью такого важного элемента интонации, как мелодика речи. Это завершающий этап работы над формированием умения школьников правильно соблюдать мелодику в произношении готовых текстов. К примеру,

— *Маша, ты боишься мышей?*

— *Нет.*

— *А почему ты визжишь, когда увидишь мышь?*

— *Это я других предупреждаю, которые боятся.*

Заканчиваем знакомство с мелодикой речи обобщающим выводом: наш голос может изменяться — «подниматься и спускаться с горки». Каждая часть стихотворения, рассказа или сказки отличается своей темой, содержанием, настроением, соответственно этому мы выбираем средства выразительности. Так,

грустное, подавленное настроение обычно проявляется в приглушенных низких тонах и произносится пониженным голосом; наоборот, бодрое, жизнерадостное душевное состояние произносится более высоким тоном, т. е. повышенным голосом. Волнение, грусть, радость — все это отражается в голосе.

Следующий элемент интонации — ритм, который представляет собой чередование ударных слогов, которые можно задавать в виде хлопков, ударов в барабан, бубен, серии слогов, коротких стихотворений. Поэтому для того, чтобы познакомить учащихся с ритмом, мы предложили упражнение, состоящее из двух частей: 1) восприятие ритма (мы рассказываем стихотворение хлопками, а учащиеся должны отгадать, что мы рассказали); 2) воспроизведение ритма (школьникам необходимо самостоятельно отстучать, подражая и исключив зрительное восприятие, предъявленные серии ударов). Для этой цели мы взяли известные всем с детства строчки из стихотворения «В лесу родилась ёлочка». [2, с. 61]. Таким образом, учащиеся узнают, что чередование ударных и безударных слогов называется ритмом.

Верный ритм особенно важен при чтении стихотворений. Обычно характер ритмического рисунка (чёткость, быстрота или плавность, напевность) зависит от размера, которым написано стихотворение, то есть чередования ударных и безударных слогов. С этой целью учащимся было предложено прослушать несколько музыкальных отрывков из различных песен, определить, какую роль в них играет ритм. Например, прослушав отрывок из песни «Прадедушка» (группа «Непоседы») учащиеся определяют, что звучащий ритм в этой песне помогает идти, шагать, следовательно песню можно исполнять во время марша.

Для того чтобы понаблюдать, как используется ритм в текстах, приводим пример считалочки:

*Как на на-шем се-но-ва-ле
Две ля-гуш-ки но-че-ва-ли.
Ут-ром вста-ли, щей по-е-ли,
И те-бе во-дить ве-ле-ли.*

Благодаря считалкам у школьников развивается память и чувство ритма. Учащиеся узнают, что в считалочке один счёт — один слог.

Далее мы переходим к знакомству со следующим элементом интонации — тембром. Активным приёмом на этом этапе является метод проигрывания ролей (инсценировка). Цель проигрывания ролей состоит в том, чтобы воссоздать перед учащимися правдивую ситуацию и затем дать обучаемым возможность оценить поступки и поведение участников игры — исполнителей [6, с. 56]. Задача учащихся — говорить голосом литературных героев. Например, на этом уроке мы предлагаем инсценировать отрывок из рассказа Антона Павловича Чехова «Хирургия»: слова автора, фельдшера Сергея Кузьмича Курятина и дьячка Ефима Михеича Вонмигласова. При чтении обращаем внимание учащихся на выделенные слова. При этом в качестве наглядного материала можно использовать пиктограммы, фотографии с изображением эмоционально выраженных лиц; в качестве речевого материала — отдельные фразы. К примеру:

*1. — А-а-а... мое вам! — **зевает** (рис. 1) фельдшер. — С чем пожаловали?*

Приступ зевоты вызывает неприятный по тембру голос.

2. — Тянул! — говорит он плачущим и в то же время насмешливым голосом. — Чтоб тебя так на том свете потянуло! Благодарим покорно! Коли не умеешь врать, так не берись! Света божьего не вижу...

Понятно, что от боли (вырвали зуб да и ещё не тот) человеку хочется плакать. А введение дополнительной окраски голоса — насмешки придаёт всей фразе эмоциональное проявление презрения.

В целом учащимся при чтении необходимо передать юмор — добродушный смех, который не уничтожает человека, против которого направлена насмешка.

После этого упражнения делается общий вывод: «Ребята, то, что вы сейчас делали, а именно изменяли эмоциональную окраску голоса, называется тембром».

Т. А. Ладыженская пишет: «Для работы по развитию навыков связной устной речи необходимы образцы звучащей речи — устные рассказы и устные выступления публичного характера» [3, с.111]. Поэтому следующий этап работы над тембром речи мы предлагаем начать с прослушивания аудиозаписи рассказа «Хирургия» из аудиокниги «А. П. Чехов. Рассказы» в исполнении замечательного артиста, обладателя Гран-при первого открытого Российского конкурса артистов эстрады в Санкт-Петербурге Марата Рави (это хороший пример сценического чтения литературного произведения). Учащиеся должны услышать интонационное оформление говоримой речи, средства звуковой выразительности, используемые говорящим. В данном случае особое значение имеют конкретные, целенаправленные задания по анализу звуковой стороны высказывания. Например, в данном случае ученики должны отметить особенности тембра речи «человека-оркестра».

Актуальными в данной ситуации будут упражнения, направленные на определение эмоциональной окраски голоса стихотворений «Рассказ танкиста» А. Т. Твардовского и «Ссора» И. П. Токмаковой:

— *Послушайте стихотворения и определите, с каким чувством они будут прочитаны.*

В чтении первого стихотворения присутствуют чувства сожаления, страха, героизма, мужества; второго — чувства горечи, обиды, огорчения.

Заключительный этап работы над тембром — чтение небольшого текста. В процессе чтения учащиеся должны передать определённые чувства. Задание выполняется по группам. К примеру:

Муравьишка в чаще дуб тяжёлый тащит. Коли нет ему подмоги, муравей протянет ноги.

1 группа читает свой текст грустно и тревожно, от лица мамы-муравьи.

2 группа — злорадно, от лица злодея.

Для того чтобы перейти к следующему важному средству интонационно-звуковой выразительности речи, предлагается такая задача: сравнить скорость чтения четырёх предложений и рассказать, чем определяется их выбор. Для этого не-

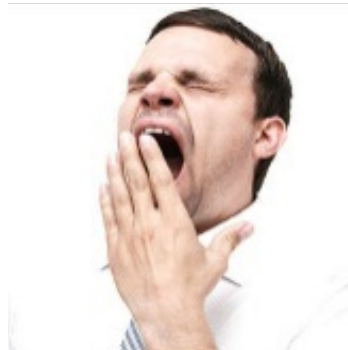


Рис. 1. Зевота

обходимо познакомить школьников с понятиями «быстро», «медленно», «умеренно» («средне»). Учащиеся узнают, что скорость чтения определяется содержанием, основным замыслом, назначением высказывания, условиями общения и что выбор темпа зависит от того, какие чувства, переживания воспроизводит чтец, от характера, эмоционального состояния, поведения персонажей, о которых рассказывают или читают. После этого анализа вводим само понятие темпа речи.

Примеры:

○ Быстро:

*Мелькают мимо будки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри,
Бухарцы, сани, огороды,
Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, казаки,
Аптеки, магазины моды,
Балконы, львы на воротах
И стаи галок на крестах.*

А. С. Пушкин. Евгений Онегин. Глава 7

Необходимо выяснить с учащимися, почему эти строчки нужно читать быстро? Что увеличивает темп речи? Для этого мы предлагаем им ответить на следующие вопросы:

— *Как была прочитана эта строфа? (динамично, стремительно)*

— *Что помогло автору создать динамику? (однородные подлежащие)*

— *В чем необычность этого перечисления? (между словами нет ни одного соединительного союза)*

Вводим приём «бессоюзи». Бессоюзи — намеренный пропуск соединительных союзов. Учащиеся узнают, что Пушкин использует этот приём в тексте с целью придать отрывку впечатление стремительности, быстрой смены картин, эффект быстрой езды.

○ Медленно:

Перед глазами ходил океан, и колыхался, и гремел, и сверкал, и угасал, и светился, и уходил куда-то в бесконечность.

В. Г. Короленко. Без языка. Глава 3

— *Ребята, а как вы думаете, как будет называться стилистическая фигура, образованная однородными членами предложения в данном отрывке?*

Вводим приём «многосоюзи». Многосоюзи — намеренное использование повторяющихся союзов.

— *Какой эффект дает употребление однородных членов, связанных соединительными союзами? (Как бы замедляют движение, подчеркивают смысл соединяемых союзами однородных членов). Создается картина равномерного движения волн [7]. Замедляя речь вынужденными паузами, многосоюзи подчёркивает роль каждого из слов, создавая единство перечисления и усиливая выразительность речи.*

Следующие задания направлены на формирование умения определять подходящий темп для готовых текстов. Например,

*...И вдруг к машине подбежал парнишка:
Товарищ командир, товарищ командир!
Я знаю, где их пушка. Я разведал...
Я подползал, они вон там, в саду...*

А. Т. Твардовский. Рассказ танкиста.

Учащиеся делают вывод, что выбор темпа зависит от того, какие чувства, переживания воспроизводит текст, а также от характера, эмоционального состояния, поведения персонажей, о которых (или слова которых) рассказывают или читают.

Проблемные вопросы на уроках русского языка вызывают интерес учащихся к теме, способствуют развитию творческих способностей, активизации учебно-познавательной деятельности учащихся. Например:

— *Как вы думаете, какой темп способствует передаче тяжёлых переживаний? А радостных?* (Чувства восторга, радости, гнева ускоряют темп речи, а подавленность, инертность, раздумье замедляют его.)

Анализируя, учащиеся самостоятельно пытались привести примеры, например темпа, при передаче тяжёлых или радостных переживаний.

Чтобы потренироваться применять различный темп речи (быстрый, средний или медленный), знакомимся со скороговорками. Например, 3—4 раза меняется темп произношения скороговорки — от медленного до очень быстрого. Далее усложняем упражнение тем, что необходимо прочитать предложения, добавив чувства: скороговорку *тридцать три корабля лавировали, лавировали, лавировали, да не вылавились* прочитать так, чтобы все испугались (задача — напугать).

Для того чтобы познакомить учащихся со следующим элементом интонации — громкостью, и с тем, в каких случаях надо говорить тихо или громко, школьникам предлагается прочитать стихотворения, обращая внимание на пометки. Например,

Была тишина, тишина, тишина...
(Тихо, медленно.)
Вдруг грохотом грома сменилась она!
(Громче, быстрее.)
И вот уже дождик тихонько — ты слышишь?
(Тихо.)
Закрапал, закрапал, закрапал по крыше...
(Тихо, быстрее.)
Наверно, сейчас барабанить он станет...
(Тихо: прислушаемся.)
Уже барабанит! Уже барабанит!
(Громко, весело.)

А. Шibaев

После этого вводится термин «интенсивность речи» — сила или слабость звучания. Учащиеся узнают, что все высказывания можно прочитать тихо или

громко. Поэтому следующее упражнение направлено на отработку громкости голоса.

В ходе работы над этим средством выразительности ученики отвечают на вопрос: Каким голосом следует передавать при чтении крик персонажа? Учащиеся узнают, что крик героя в произведении не обязательно передавать громким голосом. Особенно если этот крик на расстоянии — тогда он должен звучать приглушённо. При чтении рекомендуется избегать крика, он невыразителен, раздражает слушателей. Далее школьникам было предложено задание на тренировку передачи крика в предложении. После обсуждения данного элемента речи делается вывод о том, что интенсивность речи помогает передать наши чувства, выразить наше настроение, основную мысль высказывания.

Следующий элемент интонации — логическое ударение — это выделение наиболее важных по смыслу слов. Поэтому нужно привлечь внимание школьников к смыслу каждой фразы и организовать анализ и оценку текста. Например, произносим фразу и организуем её анализ:

Дети завтра пойдут в цирк? (или не дети)?

*Дети завтра **пойдут** в цирк (или не пойдут)?*

*Дети **завтра** пойдут в цирк (или в какой-нибудь другой день)?*

*Дети завтра пойдут **в цирк** (или в какое-нибудь другое место)?*

— *Какое слово я выделила как самое важное?* Да, предложение сообщает нам, что именно дети, а не кто-нибудь другой завтра пойдут в цирк.

— *Послушайте, как я скажу теперь:*

*Дети завтра пойдут в цирк? (или не дети)? **Что я уточнила?***

Устанавливается, что выделение важного по значению слова в предложении происходит посредством усиления, протяжности и некоторого повышения звучания голоса [2, с. 74].

Как видно из примера, при затруднении учащимся можно оказывать помощь в виде наводящих вопросов, напомнить о средствах выражения логического ударения в устной речи.

Выяснив с учащимися логические ударения на примерах отдельных предложений путём вопросов и голосовых упражнений, переходим к выделению логических ударений в каком-либо нетрудном тексте. Например, на экране записаны пословицы, в которых графически обозначены логические ударения. Учащимся предлагается выразительно прочитать пословицы, соблюдая указанные логические ударения, и объяснить смысл пословиц. Например:

/.../

*Родина — мать, **умей** за неё постоять.*

И обратное упражнение. Учитель выразительно читает три-четыре предложения. Учащиеся внимательно слушают и по окончании чтения каждого предложения указывают, на каком слове сделано логическое ударение. Пример:

/.../

*Труд — дело **чести**; **будь** всегда на первом месте.*

И последнее предложенное учащимся задание — это чтение сказки Джанни Родари «Рыбы» с соблюдением логических ударений. Но задание осложнено тем, что в первых двух строчках сказки подчёркнуты карандашом слова, кото-

рые нужно выделить голосом, а дальше школьникам необходимо самостоятельно подчеркнуть голосом наиболее важные для понимания слова [2, с. 45].

Кроме логических ударений, огромную роль в живой речи и чтении играют паузы. После обсуждения стихотворения Бориса Заходера «Где поставить запятую» учащиеся узнают, что устранить смысловые нелепицы на письме можно с помощью знаков препинания, а при чтении — с помощью пауз. Обучение можно начать с использования условных обозначений пауз в тексте: короткая пауза (/) и длительная пауза (//).

*Стихи // — не ноги футболиста, /
Не первоклассника тетрадь.//
Стихов читать не надо быстро: /
Их надо медленно читать.//*

Н. И. Глазков

Но не всегда место остановки совпадает со знаком препинания. Пауза иногда нужна там, где знака препинания нет. С этой целью используется такой дидактический приём, как проблемный вопрос. Использование такого приёма способствует у учащихся выработке навыков умственных операций и действий, развития внимания, творческого воображения, догадки, формирования способности открывать новые знания и находить новые способы действия путём выдвижения гипотез и их обоснования. Например, на доске написан отрывок из произведения «Осень в лесу» И. С. Соколова-Микитова: «Пришёл сентябрь. После знойного лета, после августовских тёплых дней наступила золотая осень». Учитель спрашивает: «Какая пауза не совпадает со знаком препинания?». Затем делается вывод: паузы надо делать в зависимости от смысла читаемого текста. Они могут и не совпадать со знаками препинания.

Постепенно вводится и другой термин: психологическая пауза. Это остановка, которая усиливает психологическое значение высказываемой мысли. Психологическая пауза всегда богата внутренним содержанием, красноречива, так как в ней отражено отношение чтеца к тому, что он говорит. Знакомство с такого рода паузами проводится при чтении различных художественных произведений. Учитель выразительно читает отрывок произведения, затем идет совместный с учащимися разбор прочитанного: где сделаны паузы; почему; что получится, если мы не сделаем здесь паузу и т. п. После чего под руководством учителя школьниками делается вывод, что в некоторых случаях, где возможно разное понимание текста, правильной передаче его смысла в устной речи помогают паузы; паузы делаются перед словами, которым говорящий хочет придать особое значение, силу, выразительность.

*...смотрит храбрый князь —
И чудо видит пред собою.
Найду ли краски и слова?
Пред ним // чужая голова.*

А. С. Пушкин. Руслан и Людмила

Уже произнося слово «чудо», чтец увидит «внутренним зрением» потрясающую картину, которая способна вызвать состояние и удивления, и ужаса, что отразится на лице (мимике) и будет подчеркнута паузой после местоимения

«ним». Эту паузу можно сделать ещё более заметной, если её выдержать с чуть приоткрытым в растерянности ртом.

Далее учащимся было предложено упражнение, чтобы учащиеся прочитали отрывки из стихотворений, соблюдая психологическую паузу. К примеру,

*... Лошадку ведёт под уздцы мужичок
В больших сапогах, в полушубке овчинном,
В больших рукавицах ...| а сам с ноготок!*

Н. А. Некрасов. Крестьянские дети [2, с. 51—52]


Основные цели работы над основным тоном высказывания как главным интонационно-звуковым средством выразительности устной речи следующие: расширить знания учащихся о различных видах тона речи, об уместности или неуместности того или иного тона в определенной ситуации; показать роль тона в речевом общении людей; формировать умение школьников правильно использовать это средство выразительности в устных пересказах готовых текстов и при создании собственных связанных устных высказываний.

Работа начинается с формирования у школьников знаний о многообразии видов тона в зависимости от выраженных в высказывании чувств и мыслей. Для этого учащимся необходимо прочитать отрывки из любимых сказок, обращая внимание на выделенные слова, произнести реплики диалога подходящим тоном и выразить чувства:

1. — *Касторкой, — презрительно захохотала Сова на чердаке...*

2. — *Буратино, умоляю тебя — зажмурься, зажми нос и выпей...*

Для того чтобы помочь ученику описать своё настроение, эмоциональное восприятие, можно предложить заготовленные карточки со словами, описывающими палитру эмоций от негативных до восторженных. На первых порах возможно условное разделение на три группы, которые также обозначаются символами:

 : печаль, грусть, разочарование, горе, скорбь, волнение и др.

 : равнодушие, спокойствие, безразличие и др.

 : восторг, радость, удовольствие, наслаждение, гордость и др.

Вместе с учащимися подводим итог: в зависимости от содержания высказывания, чувств и настроения говорящего речь может быть произнесена самыми разнообразными видами тона: презрительно, строго, с укоризной, с мольбой (умоляюще), с досадой, с возмущением, с огорчением, радостно, весело, печально, грустно, с насмешкой, с юмором и т. д. [9, с. 28].

Далее учащимся предлагается поразмышлять над высказыванием Уильяма Блейка (Пер. с англ. С. Я. Маршака):

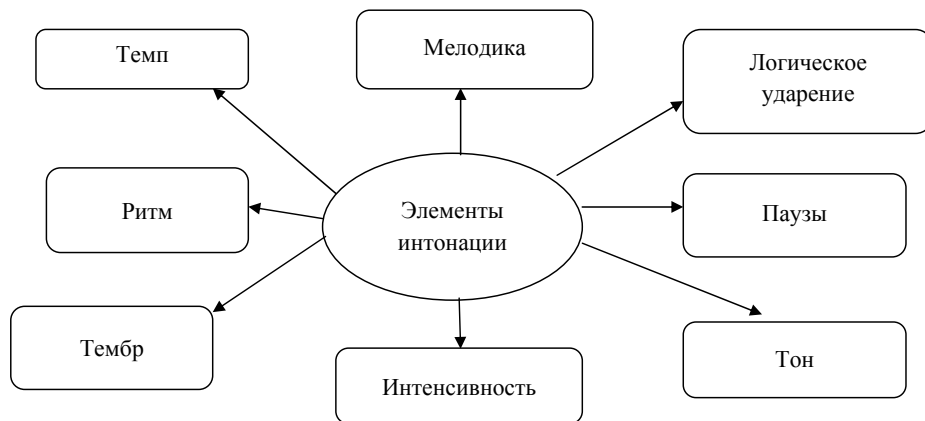
*Правда, сказанная злобно,
Лжи отъявленной подобна.*

После анализа смысла пословицы вводится определение термина «основной тон высказывания».

Затем продолжается работа над значением основного тона высказывания в речевом общении. Например, цель игры «Чья интонация богаче?» — развитие

умения различать оттенки интонационного рисунка речи партнёра. Участники по очереди произносят фразу типа «иди сюда», стараясь не повторить ранее звучащую интонацию. Участник, не сумевший сказать фразу с новой интонацией, выбывает из игры (вспомним педагога и писателя Антона Семеновича Макаренко (1888—1939), который делясь опытом воспитания подростков, сказал: «Я сделался настоящим мастером только тогда, когда научился говорить «иди сюда» с 15—20 оттенками, когда научился давать 20 нюансов в постановке лица, фигуры, голоса. И тогда я не боялся, что кто-то ко мне не подойдет или не почувствует того, что нужно [4, с. 93].)»

В результате проведённой работы схема должна представлять следующий вид:



На заключительном этапе предлагается ряд игр и упражнений, которые помогают учащимся осознать важность интонационной стороны речи и научиться передавать её смысл адекватным образом («Телекомментатор», «Замок и ключики», «Экскурсовод» и другие), а также работа над устным рассказом (мы брали для анализа рассказ В. Голявкина «Не везёт»), цель которого — наблюдение над связью между чувствами автора и выбором правильной интонации при чтении произведения.

Пример игры «Замок и ключики». В центр выходит один из учеников — он «замок», который «откроется», т. е. выполнит просьбу, команду, если она будет произнесена тем способом, который указан в билете. Если же подтекст просьбы не совпадает, то «замок» отказывает автору просьбы, используя при этом тот самый подтекст, которым только что безуспешно пытался «открыть замок» автор просьбы.

Варианты подтекстов (билеты):

1. Нежность (протяжный, «огубленный» тембр).
2. Военный приказ (повышенная громкость и чёткость произнесения).
3. Презрение (высокомерный тон).
4. Срочность (убыстренный темп).
5. Задумчивость (замедленный темп, удлинение звуков).
6. Гнев (произнесение «сквозь зубы», повышенная громкость).
7. Деловая просьба (спокойный, размеренный темп, официальный тон, уважительная интонация).

8. Угроза (сильный акцент на словах, выражающих обращение и требование).

9. Торжественность (замедленный темп, размеренность речи, подчеркнутая важность каждого слова, громкость).

10. Обречённость (произнесение со вздохом, удлинённые паузы) [1, с. 31].

На основе изложенного выше можно сделать вывод, что интонация — это главный компонент в обучении выразительному чтению. При правильно организованном обучении речь детей становится живой, непринужденной, у детей появляется желание совершенствовать свою речь, и эти навыки переносятся на чтение художественных текстов. Если систематически использовать приемы обучения, нацеленные на выразительное чтение текстов художественных произведений, то можно способствовать выразительному чтению художественных текстов и глубокому их пониманию.

* * *

1. Краснов Ю. М. Интонационные упражнения на уроках русского языка // Русский язык в школе. 2008. № 4. С. 30—32.

2. Кубасова О. В. Выразительное чтение: пособие для студ. сред. пед. учеб. заведений. 3-е изд., стереотип. М.: Академия, 2001. 144 с.

3. Ладыженская Т. А. Система работы по развитию связной устной речи учащихся. М.: Педагогика, 1974. 256 с.

4. Макаренко А. С. М.: Издательский Дом Шалвы Амонашвили, 1999. С. 224 (Антология гуманной педагогики).

5. Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования: Приказ Минобрнауки России от 17 декабря 2010 года № 1897. URL: <http://www.минобрнауки.рф>

6. Панфилова А. П. Инновационные педагогические технологии: Активное обучение: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2009. 192 с.

7. Резвая А. Изобразительные возможности конструкций с однородными членами // Русский язык. 2003. № 24. URL: <http://rus.1september.ru/article.php?ID=200302407>

8. Шишкова М. И. Формирование навыка выразительного чтения у учащихся, имеющих трудности в обучении // Логопед. 2006. № 21. С. 98—106.

9. Шпунтов А. И. Работа над средствами выразительной речи на уроках русского языка // Начальная школа. 1990. № 10. С. 28—36.

ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ. ОБЗОРЫ. МАТЕРИАЛЫ. ВОСПОМИНАНИЯ

УДК 82.09

Т. В. Бровкина

T. V. Brovkika

ОСОБЕННОСТИ СПИСКА РАСПРОСТРАНЕННОЙ РЕДАКЦИИ ПОВЕСТИ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТАБАКА ИЗ ФОНДОВ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ

THE FEATURES LIST OF THE PUBLISHED EDITION THE STORY ABOUT THE ORIGIN OF TOBACCO FROM THE FUNDS OF RUSSIAN STATE LIBRARY

В статье представлена краткая характеристика распространенной редакции Повести о происхождении табака. Публикуется один из списков данной редакции — РГБ, собрание В. М. Ундольского, № 531 (XVIII в.).

Ключевые слова и фразы: *Повесть о происхождении табака, древнерусские повести, табак, текстология, редакции.*

The article presents a brief description of the extended version of «The novel on the origin of tobacco». One of the lists of this revision is published — the RSL, the collection of V. M. Undolsky, № 531 (XVIII c.).

Keywords and phrases: *The novel on the origin of tobacco, Old Russian novels, tobacco, textology, revisions.*

Древнерусская Повесть о происхождении табака известна большим количеством списков, бытовавших на протяжении XVII—XX веков. Наиболее часто в рукописных сборниках встречается повесть, в заглавии которой есть указание на некую книгу «Пандок» как ее источник. Композиционно в Повести можно выделить три основные части: рассказ о блудодеянии, обретение табака на могиле блудницы и назидание курильщикам [2, с. 86]. Все известные списки этого варианта Повести, по наблюдениям Т. Ф. Волковой, можно разделить на списки «основной», «особой» и кратких редакций [3, с. 11].

Т. Ф. Волкова в процессе транслитерации списков Повести еще в 1990-е годы обратила внимание на один из ее московских списков — РГБ, собрание В. М. Ундольского, № 531 (XVIII в.), поскольку текст данного списка значительно отличался от выявленных ранее списков наличием вставных фрагментов и изменением некоторых деталей повествования. На этом основании она выдвинула гипотезу о существовании еще одной редакции Повести, назвав эту редакцию распространенной. В ходе текстологической работы над списками Повести мы подробнее изучили список Ундольского и нашли еще несколько списков, которые содержат чтения, характерные только для списка Ундольского, — эти списки и составляют на данный момент распространенную редакцию Повести.

Редакция представлена двумя списками РГБ: собранием В. М. Ундольского, № 531 (XVIII в.) и Музейном собранием, № 781 (XIX в.) и списком Славянской библиотеки Праги из собрания А. Д. Григорьева, № 22 (XIX в.). Выявленные списки распространенной редакции имеют различия и не дублируют друг друга [1, с. 147—151]. В целом сюжет Повести в этой редакции не изменен, но дополнен некоторыми новыми деталями. Распространённая редакция, безусловно, вторична по отношению к основной редакции Повести (как наиболее близкой архетипу).

Характерным признаком распространенной редакции является вставка, читающаяся после рассказа о разбогатевших от продажи табака купцах. В основной редакции Повести такая вставка отсутствует, после упоминания о купцах следует фрагмент о трезвой жизни язычников — жителей страны царя Анепсия, главного героя Повести. Вставка представляет собой рассказ о греховном зачатии библейской Иезавелью дочери, ставшей впоследствии блудницей, ездящей на «звере червлене»; в ней также описывается поведение блудницы и ее наказание за непокаяние перед Богом. Тема блудницы, развиваемая в этой вставке, несколько раз звучит в тексте основной редакции Повести — сначала в рассказе об Иезавели и ее дочери — «любодеице», а затем в речи врача Тремикура, излагающего царю Анепсию историю о неизвестно откуда пришедшей блуднице. Эти отдельные эпизоды представлены и в списках распространенной редакции. Таким образом, вставка в списках распространенной редакции представляет собой тематический повтор, не соотносимый с окружающим текстом.

Во всех списках данной редакции происходит расширение ряда фрагментов повествования за счет применения этикетных формул, добавления новых деталей или же использования эсхатологических мотивов. Например, фрагмент, рассказывающий о намерении дьявола посадить на земле табак, имеющийся и в списках основной редакции, распространяется за счет введения этикетной формулы, обычно сопровождающей упоминание дьявола: *«и ненавидящи дияволь искони добра роду человеческому»*. Добавочные фрагменты в основном показывают связь табака с адом, дьяволом и Апокалипсисом, что приводит к усилению назидательной составляющей произведения.

Еще одна особенность распространенной редакции — сокращение тех частей повествования, в которых содержится пересказ событий, освещенных в Повести ранее. Происходит это, например, с рассказом царя Анепсия о своих снах епископу, поскольку содержание этих снов уже было описано в тексте и известно читателю. Эта тенденция присутствует и в группе кратких редакций, но в распространенной редакции она сочетается с расширением текста в ряде других эпизодов.

Распространенная редакция Повести о происхождении табака ранее не публиковалась. Она представляет интерес как один из этапов развития текста Повести. Мы выбрали для публикации самый ранний список (XVIII в.), с которого, возможно, и началось формирование этой редакции. Текст издается по эдиционным правилам, использованным в серийном издании древнерусских текстов «Библиотека литературы Древней Руси», подготовленном Институтом русской литературы (Пушкинский Дом).

Список из собрания Ундольского находится в сборнике «Великое зеркало с прибавлениями» XVIII века, форматом в 4-ку, написанном скорописью на 79 листах. Он сделан явно не очень грамотным человеком, плохо понимавшим смысл переписываемого текста, особенно в той части, где передается текст Апокалипсиса и описывается вавилонская блудница.

Кроме Повести о происхождении табака в сборнике читаются фрагменты из Хождения святой Феодоры по мытарствам, Беседа отца с сыном о женской злобе и др. Повесть читается на листах 71—79 об. Рукопись описана в книге: Каталог славяно-русских рукописей В. М. Ундольского. М., 1870. Стлб. 381—382: «531. Приклады душеспасительные из Зерцала великого».

**Сказание от книги Пандока о хранителномъ зелии,
еже есть траве табаке, откуда взята бысть, и где она зачатся,
и како разсеяся по вселънней**

По первому пришествию на землю Господа нашего Иисуса Христа и по еже во адъ сошествие, и по вознесени Господни сицево извещание, еже написано бысть о семь, яже что виде Иоаннъ Феологъ. Писаша и глаголя во Апоколепсисе. И о ангеле семь Фиатарские церкви. ^аГлава 2^а. Рече Господь: «Напиши се, яко отставляти жене Иезевель, глаголющися, что ея быти пророчица, учит она и лстит моя рабы любодействовати, изнести жертву идолскую. И дал ей Господь время, да покается она от любодеяния своего, она же Богови и ныне не покается, но и больше беззакония творя». И паки рече Господь: «Се аз полагаю ея на одре и любодеицы ея с нею в скорбь велию будут, и чада их умрутъ злою смертию. Вама же азъ глаголю в Фиатаре, иже не разумеете глубины адовы, яко же глаголю вам не во лжу, на вы тяготы иныя, токмо имате еже держати». Апоколепсисъ. // (л. 71 об.) ^бГлава 17^б. И паки что инде скажутъ о том Апоколепсисъ, что прииде некогда един от седми ангел, имущих ему семь фиал, и глагола ми: «Гряди со мною, да покажет ти Господь суд любодеицы сея велики, седящия при водах». И видех ея жену, ездящу на звери червление, исполнена бысть она именъ хулных.

Та жена оболчена в порфиру и червленицу и позлащена златом и камением драгимъ украшена, и бисером, имуще же ей еще чашу златую в руке своей полную мерзосте или сквернь у нею и любодеяния ея, что на челе написано бысть у нея тогда имя «Вавилон велики». Будет и мати она любодеицам и всех мерзостей земных, имать приити от безны и ведет она всех в пагубу. Тогда удивятся человеки, живущия на земли, ихже имена не написана будутъ в книгах животныхъ. ^вГлава 18 Апоколепсисъ^в. И ангел Господень, схождаше с небеси и глаголаше, что и любодеяние ея на вся языки, и цари земсти с нею будут любодеяша мнози, купцы земсти от силы и пищи ея челоvenceы разбогатеша от тех вещей и похотей души твоей, отиде от тебѣ». Ангел: «Слыши, слыши, человеце, и разумей, како Дух Святыи назнамена нам, христианом, о семь хранителномъ былии, мерзостномъ зели, табачной траве, иже иско[н]и вестъ сы[й], показуяй Господь человеком, дабы не впали христиане в толикое скверное любодеяние».

Егда Господь Богъ манием своим // (л. 72) на земны образъ предложися и волю свою на смерть прииде, и удицею вочеловечения своего змия тогда извлече во

ад, сиречь диавола связа узами его нерешимыми и сведе его во тму кромешную, он же сатана умысли, что и всея тогда в садех плевелы на земли. Он, сатана, посла слуги своя прелюбодействия бесы и блудныя демоны, не терпя срамоты и долудию. Того ради хотяще он, диавол, прелстити Божия рабы. Бысть же тогда жена именем Иезевель, глаголюще Господь ей быти пророчицу. И сподобися она монашеского чина, уже пророческаго дара она исподоблена бысть. И ненавидящи дияволь искони добра роду человеческому, лстивы сатана, и пославы онъ, диявол, множество любодейчивых бесовъ в народ, дабы ему чемъ прелстити люди. Прежде ея отпусти на любодейание, потом же на пищу и на питие, такожде и на блуд. Овоже в блуде она заченши во чреве своемъ и родися у нея женскъ пол — окаянную дщерь и велию любодейцу, что исполненну ея всякия скверны мерзости, иже она хулениемъ своимъ хошетъ неприязненъ быти. Имати она ездити на звери червленнѣ. Зверь же тот именуется множество земель неверных, Бога не знающих, иже они вкушати имуть от любодейства ея скверных и смрадных мерзостей. Сиречь именъ хулных исполненна // (л. 72 об.) она бысть множества и в порфиру же и червмницу одеянна бысть, златом, и бисером, и камением драгим украшена.

Сие есть толкуется: многие цари и велможи мнози, богати и убози, свободныя и работныя, приносяти тогда имуть во устах своихъ ея смрад, оныя любодейцы, и бесы им то творити будутъ, забава и утеха. И множество на том злата и бисера у них ляжет на оную мерзость и скверность сию. Нарекуть ея — мати она будетъ любодейцам и мерзость земская. Она имать приити от безны греховныя, и в пагубу иде весь миръ, понеже от сквернъ тоя и мерскаго ея любодейания множество народа погибаетъ. Чаша же есть золотая, в руце ея держима, то образуетъ чистым златом и серебром искупующим мерзость ея, всех приемше. Тому любодейанию людие посчюдятся, яко обвеселишася вси человецы того тогда, за то ихъ Господь потребитъ, и во векъ имена в книгах животныхъ с праведными они да не напишутся. Того ради мнози купцы и продавцы будутъ хранителнаго былия; от того они от былия и от мерзостнаго онаго зелия мнози купцы обогатеють, от силы и пищи тоя, от своая похоти человецы души погубять от того хранителнаго былия, их же часть будет с неверными во огни горяща.

Како зачатся: дщерь оныя монахины бысть она двенатцети летъ и нача непрестанно любодействовати, оскверни девство и дая тело // (л. 73) свое в пустошь на скверное дело блуднецы же. Глаголют, яко бысть во граде Фиатарѣ, ини же сказують в Вавилонѣ, ови же повествують, что бысть во еллинех или во всех градах тех она, преходя с места на место, того не вем, токмо сие слышахом, яко бысть во еллинех то, блудно живяше или в тех градах такожде блудно она пребываше, и всех людей оскверняше немалое время. Ездя она на звери червленне в незнаемых землях блудяше и оскверняше множество народа. Во градах же тех мало таких людей, кто бы возмогль еси от ловления и похотий ея отбежати, не осквернитесь, понеже она лицом красна и образом буява, сквернословна же, и вся младыя юноши она себѣ собираше на похоть злую, сиречь на блуд, по вся дни аки пьяну безстыдно ея подстрекает диявол, аки пьяну суци, в трезвости никогда же пребывая.

Зчат болезнь и роди беззаконие, и яри ея диявол на любодейство, и горя сердцем в похоть злую скверную. Сотворяюще она себе собори стыдно. И дах ей

Господь время на тридесят на три лета, да покается. Она же, окаянная, не покается. Господь же не терпя беззакония ея, посла Господь ангела смертоносна и повеле поразити ю, в смерть. Порази ю Господь и ангел Господень скипетром в землю на тридесят лакте[й]. Зверь же тот именуется, на немже она ездяще, — то есть демон прелюбодейчивы, ея же на себѣ нося, // (л. 73 об.) на блуд престрекая, борзо он изыде, испусти из нея воду из скверных ложеснѣ ея злую смерть, и посея он плевелы своя на земли. И возрасте же семя мерзости его въ Елнинстей стране.

В той бо стране человецы живуци всегда в трезвости бысть, понеже они в той земли хмелнаго пьянства не имуци, людие вина не разумеша к требованию что веселия себѣ ко утешению своему, они некрещены. Прояви им Господь в сие хранителное былие к согрешению ^Гсицевым образом^Г.

Царю елнинскому явися Анепсию во сне, царствующи ему в той земли елнинстей, престол свой держащу. Когда по разсеению святых апостол по вселенней бысть православной вере повсюду тогда умножашеся, а идолская леть их попрося бысть, сатане постыдевшуся. Тогда умысли сатана онѣ лстивы, како бы ему прелстити живуцих на земли, и насади онѣ зелие, хранителное былие над трупом смраднымѣ тоя девицы сицевым образом, что почерпает из скверныхъ ея ложеснѣ чашу мерзости и разсея на землѣ по край пропасти над трупом тоя блудницы оное былие, и возрасте табачное. Тогда убо благи человеколюбець Богъ иная же нам на ползу вся строяй и обличаяй его Господь коварство, явися царю Анепсию во сне, дабы человецы не впали в пагубу и в муку вечную.

Спящу же ему на одре // (л. 74) своем и видех сон сицевъ, якобы девица некая в царском венце взыде на престол мой, сяде на немѣ. И на главе же ея царски венецъ. Девица же та лицом чермна, образом доброзрачна. Ея же аз видех сядящу, и рыдающесея о ней. И видевь, что яко взирают на нея люди, окрестъ же ея множество народа стоят — старыя мужи — зряще на нея и на красоту ея дивишася, ужасаются, от страха умирають. Мнози средовичныя же юноши, зряще на нея, чюдяхуся и трепещуть, изнемогают они, и ти помроша. Потом же видевь младыя юноши, деву ону и между трупом тех мертвых мало виде, возлестоша они на трупы, те юноши, зряще на деву, видевше ея, бояхуся, от страху они трепещуть, и трепетав, и ти умроша. Такожде и младенцы восхотевшу деву ту видети, возлестоша они на мертвыя тех трупы, видевше ея, такожде и ти помроша, между множества трупов не можно царю девы оной видети, ни престола своего царского. Такожде царь не возможе во сне ея он видети, развея мертвыхъ трупы, ужасесея сердцем, пренеможе духом.

И воста царь от сна своего, и нападе на него страхъ велий и объя его ужась вели, вострепета весь он, не смея никому поведати сна своего: ни царице своей, ни болярком, ни ближним своим советникомѣ. И в размышлени впаде о том, ни яде, ни пия, молчаше, // (л. 74 об.) бежати от премногой бурии. И от страха того убояся, и остави престол свой и бежа царства своего, и мало взя пици с собой. И шед путем три дни, ни ядя, ни пия, смиряя себя постом и пустынным шествием. И виде его Господь смирени, и посла к нему ангела во образе каженника, или велможи, ^Дповедати сонное^Д ему видение, како и что будет от хранителнаго былия в последния дни роду человеческому пагуба от онаго, падение от хранителнаго былия того, и како зача того на или зачало себѣ приемлеть при царствии

моем». Егда явися ему на пути ангел яко человекъ, царь же, видя его, поклонися ему. И рече ангел царю: «Откуда, человече?» И отвеща ему ангел: «А ты откуда грядеши?»

Царь же не хотя ему поведати, мняше яко человека. Рече же ему ангел: «Чего ради не повеси мне, человече, камо грядеши и чего ради бежиши, остави царски свой престол и царство, царю Анепсию?» Глаголю ти аз: «Возвратися вспять и не убоися соннаго видения, еже еси видел во сне. Не будет ти зла ничто же, ни царству твоему. И аз тебѣ о том повем, ты же, царю, возвратися во свое место и царстви, правящи свой престоль царски».

Ангел^е же Господень нача ему поведати сонное все видение его: «Слыши, царю, что еси ты видел деву на царском своем престоле, ето будет в последния дни на земли ливное чюдо в народе, что прелстить дияволь весь мирь от трезвости в пьянство сицевым образом // (л. 75). Бысть нека монахиня, живя она черноризицею и роди она в блуде дщерь и воспита ея дванадесяти летъ. Вниде в деву ту сатана и растливъ ея на блуд, и егда она в блуде оскверни девство свое, всю волю дияволу творя дванадесять летъ. Господь же даде ей время, да покается. Она же дева нимало что о покаянии воспомяну. Господь же, видевь ея еще не покаявшуся и посла ангела смертоносна и повеле ея поразити скипетром без милости. И в то время разсядеса земля во глубину на тридесять лактей. Она же, окаянная, впаде в пропасть оную. Которы живъ же любодейчивы диявол в ней, изыде из чрева ея, зачерпнувь чашу в ложеснах ея полную мерзости и покроеть землю над сквернымъ ея трупом. И вкоренися от того та мерзость злая в земли сей, земля изведеть былие то, возрастаетъ трава табакъ земная, ея же человецы возмуть по сатанину велению на прелесть человеком, будущим всемъ родом, и взявше, елнини будутъ садити в садах своих, расплодивъ ея, будут вкушати веселия ради, нарекутъ той траве имя табакъ. И кто травного того хранителнаго былия вкусит, тот человекъ будет растленень умом и бледен лицом, обмирати имут от пьянства, того ради ини помроша, души же их будут со дияволом вечно мучитися во огни горящем. Не по мнозе же времени, царю, ты и сам их увидиши».

Глагола же ему царь: // (л. 75 об.) «В которое время то будет — азъ видети сих имам?» И отвеща ему ангел: «По двюнадесяти летех пред вашими царскими враты сие будет и сам тогда царь имаши видети множество пьяных и трястися имут много и обмирати будут, и мертвых тогда явится много от зелия того хранителнаго. Разумейте, человецы, яко тогда уже любодейство в миру царствовати начнетъ, и демонъ аки жезлом всех их убивает. Сего ради будут обмирати, и ови умирали, врагъ бо людей уязвляет похоти злою. Ничто же тако человекъ растлит, яко же блуждение в пьянстве». И по семь ангель невидимъ бысть. Царь^ж же возвратися вспять, идеже держа царски свой престол. Сие же царь держа во уме своемъ, никому же поведаша до двенатцети летъ, толко в себе он размышляя о дивной сей вещи.

В те бе же времена бысть некто врачъ именем Тремирку, рода он елнинска. Изыде же врачъ той на поле ради врачевнаго былия и обрете он травное зелие на поле над некоею пропастью, и где ангел Господень порази оную скверную блудницу. Врачъ же, видевь тое траву новорастущую, прииде к ней и ста над нею. И вложи сатана в него мысль, ея же сорвати, новорастущую траву, и обоняти ему

ноздрями своими на прелесть вперед будущему роду. Врачъ же взя тое траву новорастущую, сорвах ея, обоня ея ноздрями своими, обвеселися, забыти ему в мире вся житейская своя. И взя врачъ тое новорастущую траву с собой во град елнински. И посади ея в саду своемъ и нача тое новорастущую траву // (л. 76) завсегда обоневати ноздрями своими и по вся дни весел ходитъ, аки пьянь. И расплодися у него ея множество, того зелия. Людие же увидевше же его весела: «Что, откуда сие зелие имаши?» Он показа им в саду своем траву новорастущую и продаде им ея. Они же взявше у него такожде посадиша ю в садах своих, расплодися ея от друга во граде елнинстем. И всегда они обоняюще ноздрями своими, и пьянство от того нача умножатися велико. Мнози же дыхаху на огонь того былия полагающе и дым его цевницами вдыхаху во уста своя в себѣ. Ини же обмирають, ови умирають, и разслаблении умом бывають, аки растлении, вертятся, что тянучи сего хотяша, во уме своем сице имуще. И глагола в себѣ яко: «Сие зелие Богъ нам с неба дал, такое веселие ради вместо хмелнаго пития, якоже сего в ыных землях несть хмелное питие бывает, а zde же сие зелие насъ веселитъ».

Во время же некое приидоша пред царева полаты, пьянствующи, вертятся, лица их изменяются и трясущеса, обомроша, падаху на землю, ини же умроша. Царь же видевъ народ многъ пьянь, что уже и умирают, удивися сему новому начинанию. И позна царь быти их пьяных, и вопроси от них неких человекъ, и рече им царь: «Чего ради гибель сия пришла миру, откуда вы пьянство имате?» Елнини же ему отвещаютъ: «Царю, у насъ яко хмелнаго пития не имама здѣ». Царь же повеле мучити их. Они же сказаха ему: «Имеемъ у себя в садах такую траву // (л. 76 об.) и обоневаящеса ея ноздрями своими, от того пьянствуемъ. Царь же вопросих: «Откуда вы взясте плод того былия?» Они же реша ему: «Царю, врачъ нам елнински Тремикур прода тое траву сего былия». Царь же повеле того врача пред себя поставити. И поставиша его пред царя. Царь же рече врачу Тремикуру: «Откуды ты взя сие пьянственное зелие, корень ли его где взя или семена, где есть такое место оно, на нем же она израсте трава сия?» И повеле ему царь указати место оно, где же начало восприя былие же сие. Врачъ же Тремикуръ показа место то, где ея взя, былие оно. Царь же поиде со врачом на оно место, за ним же множество народу идяху. Врачъ же поиде³ на пусто место, идеже ангель Господень порази скверную блудницу на тридесят лактей.

Царь же видевъ место оно и пропасть велию, на месте том повеле царь разкопати, и скопаша его во глубину на тридесятъ лакоть и болши. Тут же не обретоша что, толко единъ трупъ смраденъ и вонен зело, смердящъ, толко кости, тело же все истле». Царь же рече: «Кто вестъ сей трупъ — мужеска полу или женска он?» Людие же ему рекоша: «Царю, не знаемъ, кто». Разумевъ же царь сие, яко збывается еже ему, что поведано бысть от ангела прежде дванадесети летъ [о] блуднице. Рече же царь: «Не збысть ли како, прежде сего ангель рекъ, не збысть ли каковых блудницъ в прежних дванадесяти летех во граде семъ или веси и сей?». Врачъ же рече: «Царю, бысть дева во граде семъ елнинстем прежде дванадесети летъ, // (л. 77) жила блудно и ходила девою, мало кто от гражданъ убежал ея ловления. А откуда она прииде, того не вем». Царь же рече къ елнином: «Какова есть роду она бысть?» Елнини же рече: «Мы слышахом, царю, яко христианска рода, мати же ея была манахиня прежде сего живуши, потом же она оськъверни ма-

нашески чинь и роди она в блуде дщерь, сказуем ея блудницу, и нача она блудно жити и оскверни она множество людей невоздержанием своим, понеже младя дванадесяти летъ на блуд дерзнула. В блуде же тридесят летъ. А ныне не вем, где она, и во граде сем давно про нея не слышахом». Царь же рече: «Не бысть ли в те времена каковыя грозы небесныя над градом сим?» Рече же к царю Упитерь елнинь: «Бысть етер, царю, в то время гроза велика была страшна, яко поколебаться земли и граду всему вострепетати и храминамъ многим развалитися от труса того, человеком многим ужаснутися и разума иступити».

Разуме же царь, яко в то время порази ангель Господень тое блудницу, и возрасте былие над трупом ея тем. И помянувъ царь явлшагося ему ангела на пути, поведавшего ему о хранителном были, сиречь табаце. И помыслив царь сам в себѣ прияти святое крещение. И призва врача Тремикура, рече ему: «Есть ли кто в нашей земли от християн, яже веруютъ в Бога истиннаго или образа его начертания?» Рече же ему врач: «Слышах, царю, яко есть девица, християнска рода, и верует она в распятаго Христа, и образ разве у нея есть». Царь же тоя девицу привести пред себя повеле. И приведоша девицу пред царя. Царь же рече: // (л. 77 об.) «Ныне коея веры еси?» Девица она же ему отвеща: «Християнска есть». Царь же вопроси сия: «Есть ли образъ или какое начертание Христа твоего или воображение его?» — Мысляше царь и рече, яко Богъ явися ему на пути и возвещая ему о томъ зелии. Девица же имей у себѣ в недрах образъ на обѣ страны написан: на странѣ распятие Господа нашего Иисуса Христа, на другой стране — образъ пресвятыя Богородицы, яже обязанъ ношаше она его на выи своей. Девица же поискавъ образа в недрах своих и хотя его показати царю, и не обрете у себя образа Божия в недрах, понеже закры Богъ лице свое от неверных. Девица же упроси у царя малое время, ста она на молитву. И помолися Господу Богу. В ту ей ночь молящеся до часа девятого, в часъ же девяты явися девице образъ Божи в недрах ея. И сказа девица цареву слуге. Слуга же поведя царю своему. И паки приведоша девицу пред царя.

И царь рече к ней: «Которых боговъ есть образы сии?» Рече же девица ко царю: «Образ сей Бога Небеснаго и матери его по мотскому рождению, но ты Богъ сотворил небо и землю, человеки, скоты и моря и вся, яже в них, нашего ради спасения. Погребѣн бысть, и в трети день изо ада мертвыя с собою воскреси, и вознесся на небѣса, и сяде одесную Бога и Отца, со славою великою онъ прииде и всех судити, имать комуждо по делом их: грешным — мука вечная, праведным будетъ рай и животъ вечны. Глаголаше к ней царь: «О, девица, откуда сию ты премудрость себѣ прия // (л. 78) и где ея изучилася сего написания и образа Бога твоего?» И отвещав ему девица: «Есть у насъ во граде Елладе епискупъ, учитель нашъ, имя ему сказа. Он бо насъ учить веровати в живаго Бога. От него же азъ крещени, прия верою во единаго Бога небеснаго, сотворшаго всяческая. Он же виде, не отрекаюся и аз».

Слышав же царь сие размышляше о вере християнстей. Явися ему во сне ношю ангель Господень. Рече ко царю: «Повелеваю ти азъ, царю, послати по епискупа во онъ град, его же тебѣ девица сказа. Ты же, царю, призови его к себѣ, той тебѣ епискупъ вся подробну поведаетъ, яже ко спасению пути скажет и сущих с собою». Царь же рече: «Ты кто еси?» Отвеща ему: «Азъ есмь ангел Господень,

явился тебѣ на пути прежде дванадесяти летъ, егда бежал ты царства своего, азъ ти повелел возвратитися вспять». Царь же воста от сна своего и позна божественное откровение, посла по епискупа, и епискупъ пришед пред царя. Царь же вопроши епискупа о вере Христове, какъ от начала миробытия, от ада и до Моисея, яже до рожества Христова, и от пророков, уверяя его от всехъ писана и апостолскихъ проповедани, все извесвюя ему и уча, и проповедая двенатцеть летъ. Умяхчи царь ниву сердца своего и насея в себе семя божественныхъ словесъ, и крестися царь Анепси во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Нарekoша имя ему Алексей. Множество крестися с ним князей и боляръ, и весь род, мужески пол и женски града того.

И нача царь поведати епискупу сон свой // (л. 78 об.). Глагола епискупъ: «Царь, каким случаем ты, царь, призвал мя семо к себѣ?» И рече ему царь: «Отче святы, видех азъ во сне своемъ прежде сихъ дванадесяти летъ то, что на престоле моемъ царскомъ деу вѣлми и зело красну, и в руках у нея жезлъ царски и чашу злату имей. Окрестъ же того престола стоять множество народа и вси зревше на оную деу, помроша, стоящи окрестъ престола ея в трупияхъ техъ невидимо бысть девицы тоя. Азъ же обудихся от сна своего. И нападе на мя ужасъ и трепет великъ, имеяхъ азъ себѣ, яко лишен буду царства своего, или телесе моего падение некое будет. И от ужаста азъ тогда не смеяху никому сего поведати. И оставя азъ царски свой престол, из града втай поидох и от царства своего на чюжую страну. Азъ идохъ три дни и ноши, ни яде, ни пия. И стретеса на пути муж светел во образе каженника и вопроши мя: «Человече, камо идеши?» Азъ же утаихся у него, ничего ему ни поведах, чаяхъ его яко человека. Он же рече: «Человече, чего ради не повеси мне. Азъ бо вем ти, яко царь еси». И нача ми он поведати сон мой, и како случися ми, и все подробну поведати, яко же напреди что будет, царю, возвратитися вспять». И по семь ангель невидимъ бысть.

И минувшимъ же темъ дванадесети летъ, видехъ же азъ многихъ человекъ бесящихъся и вопрошихъ ихъ, где обретоша пиянственное зелие. Они же вси ми поведаша, идеже поряду и место указаша, идеже ея обретоша, былие оное. Поведавъ царь епискупу и назваша его, были то, табакъ // (л. 79). В ношъ же ту явися ми светел муж и повеле послати по всю святыню. Глагола ми, якоже азъ прежде тебѣ на пути явихся и о травномъ зелии возвести ми. Ты же, отче, добре сотворил, и прииде к нам, просвети ны лице твое святымъ крещениемъ».

И отвеща епискупъ: «Блажен еси ты, царю, яко ангела Божия сподобился еси видети». И нача епискупъ молитися Богу, дабы открылъ ему Богъ о семъ былии. И сотвори онъ постъ епискупъ тоя ради вины и постися сорокъ дней. Богъ не презре моление его и повеле ему прокляти плодъ сей. Явися ангелъ Господень епискупу и глагола ему: «Слыши, епискупе, Господь Богъ прокляти плодъ сей, яко зовется онъ табакъ, от преступления законнаго от сквернаго труда, от беззаконнаго и проклятого, из сосуда мерска и чаши мерски, посея сатана ея на проклятой земли и смрадни свой плодъ, да осквернит. Аще возможно, ему темъ проклятымъ былиемъ по неведению его избранныхъ мужъ прелститъ, дабы ихъ Господь Богъ отлучил от царства небеснаго и с нимъ бы, сатаню, мучитися имъ во веки, яко лев рыкаетъ или яко змия поглотити похощеть, дабы ему миръ весь осквернити симъ былиемъ травнымъ».

Аще ли кто по неведению осквернится былиемъ сим, да не покается, за то мучень будет, аще ли кто ведая былие сие дерзати ея будет, тот человекъ с сатаною и з бесы осудится, ввержен в реку огненную. Аще ли же кто уведая предстанет от сего былия, покается, чистымъ сердцемъ, постомъ и молитвами со слезами, а Господь моления ихъ и покаяние услышитъ и проститъ согрешения. Аще ли кто не предстанетъ от сквернаго былия того или не послушаетъ Господня наказания и учения, тот человекъ по повелению Божию противникъ // (л. 79 об.) закону, в моихъ книгахъ животныхъ да не напишутся, связаны будутъ и ввержены во огонь геенски и в серу горящую ко дияволу. И сего ради повеле Богъ епископу избрати соборъ^и святыхъ отецъ, властей и пресвитеровъ церковныхъ, и на соборе плодъ сей прокляти имъ повеле.

А в послѣдняя вещи будутъ бо человецы лукави и лицемерни, запоицы и законопреступницы, в томъ обыкли, в злую жизнь вникли, отступятъ отъ правой веры и по своимъ похотямъ имутъ ходити. И учителей избираютъ себѣ тогда. Умножится плодъ сей на земли былия, множество людие вси вкушати имутъ его, мужескъ пол и женски всегда, ныне и присно и во веки вековъ. Аминь.

(РГБ, собрание В. М. Ундольского, № 531, фонд 310, л. 71—79)

Палеографические примечания

^{а-а} *Написано как заголовок посередине строки;* ^{б-б} *написано как заголовок посередине строки, номер главы написан арабскими цифрами;* ^{в-в} *написано как заголовок посередине строки;* ^{г-г} *написано с новой строки, с чернильным инициалом С;* ^{д-д} *оба слова написаны с заглавной буквы, оформленной как чернильный инициал;* ^е *чернильный инициал;* ^ж *чернильный инициал А;* ^з *написано над строкой;* ^и *написано над строкой.*

* * *

1. Бровкина Т. В. Пражский список Повести о происхождении табака // Двадцать вторая годовичная сессия ученого совета Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Февральские чтения): сб. материалов. Сыктывкар, 2015. С. 147—151.

2. Волкова Т. Ф. Повести и легенды о табаке в контексте мифопоэтических представлений о смерти // Межвузовский сборник научных трудов. Сыктывкар, 1994. С. 75—95.

3. Волкова Т. Ф. Повесть о происхождении табака (Список усть-цилемского книжника И. С. Мяндина в контексте рукописной традиции повести) // Вестник Сыктывкарского университета: научный журнал. 2008. Выпуск 7. Серия 6: Филология. Искусство. С. 5—33.

**НЕСКОЛЬКО НОВЕЛЛ «ЛАВСАЙКА»
(ИЗ ПЕЧОРСКОГО СПИСКА УСТЬ-ЦИЛЕМСКОГО
НОВОГО СОБРАНИЯ ПУШКИНСКОГО ДОМА)**

**SEVERAL NOVELL «LAVSAIKA»
(FROM THE PECHOR'S LIST OF THE UST-CILEMIAN
NEW COLLECTION OF THE PUSHKIN HOUSE)**

В публикации представлены тексты новелл из переводного патерика Лавсаика по печорскому списку из Усть-цилемского нового собрания Пушкинского Дома (№ 1), рассмотренные ранее в нашей статье с точки зрения сюжета и композиции.

***Ключевые слова:** переводные патерики, Лавсаик, Нижняя Печора, старообрядческие рукописи.*

The publication presents the texts of short stories from the transfer paterik Lovsaik on the Pechora list from the Ust-Tsilem new collection of the Pushkin House (No. 1), considered earlier in this article from the point of view of the plot and composition.

***Key words and phrases:** transfer paterikas, Lavsaik, Lower Pechora, Old Believers manuscripts.*

В данной публикации мы вводим в научный оборот несколько рассказов из переводного патерика «Лавсаик», большая часть которых была нами рассмотрена в статье, помещенной в данном выпуске «Вестника». Таким образом, читателям представляется возможность проверить справедливость наших наблюдений, а также продолжить нашу работу, обратив внимание на то, что нами было не замечено.

Публикацию составляют 10 новелл: «Того же отца Даниила о Андроницѣ и о женѣ его Афанасии. Глава 3» (л. 7—22); «О отроковицы, посѣченной от свекра своего, понеже не остави его блудити с нею» (л. 51—52 об.); «О инокинѣ, обрѣтенной в пустыни Иорданстѣй. Глава 23» (л. 53 об.—57 об.); «О отроцѣх, крестивших еврейна. Глава 25» (л. 60—64); «О магистриане, иже мертвеца покры своею ризою. Глава 88» (л. 165—166 об.); «О нѣкоемъ старци Иоаннѣ. Глава 102» (л. 189—190); «О отцы Герасиме, како левъ повинуся ему. Глава 127» (л. 219—221 об.); «О отцы Пиминѣ, како леопардъ грѣяше его. Глава 130» (л. 222 об.—223); «О отцы Сергии, како послуша его левъ. Глава 129» (л. 222—222 об.); «О Стефане, како заповѣда леопарду пасти зелие. Глава 131» (л. 223).

Тексты новелл мы располагаем, соблюдая их последовательность в печорском списке «Лавсаика» (ИРЛИ, Усть-Цилемское новое собрание, № 1, руко-

пись начала XIX в. в 4-ку, написана полууставом на 227 листах и содержащая 133 рассказа).

Транслитерация рукописного текста произведена по эдиционным правилам, предлагаемым в серийном издании древнерусских текстов «Библиотека литературы древней Руси», подготовленном отделом древнерусской литературы ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН.

Того же отца Даниила о Андроницѣ и о женѣ его Афанасии. Глава 3

Повѣда намъ отецъ Данииль. Бысть, рече, нѣкий мужъ именемъ Андроникъ в велицѣй Антиохии художествомъ златопродавецъ и поять себѣ жену, дщерь нѣкоего среброкузнеца, имя ей Афанасия, еже глаголется «бесмертие»+. И воистину бесмертие // (л. 17 об.), яко же и конецъ повѣдати хошетъ. Бѣ бо Андроникъ мужъ благоговѣинъ и добродѣтели украшенъ. Тако же и жена его Афанасия. Бѣста же и богата зѣло. Сице же бѣ и житие ихъ, яко на три части раздѣлиста имѣние свое: едину часть убогихъ ради, другую же в церковь, третью же в потребу дому своему. Граждане же вси любляху и, добродѣтели ради и кротости его.

Родиста же сына и нарекоша имя ему Иоаннъ. Потом же родиста и дщере. И нарекоша имя ей Мария. И к тому не приложи примѣситися женѣ своей, но бѣ тщание ихъ ко убогимъ со иными христоролюбивыми мужьми и женами. На всяку же неделю: и понедельникъ, и среду, и пятокъ от вечера даже до заутра в церкви предстоя, подобнѣ же и жена его сице творяше.

И по двю лѣту воединъ от дний прииде Афанасия заутра от церкви посѣтити отрочата своя и обрѣте обѣ стенищи. И смутився, взыде на одръ и сѣде близъ ею. Андроникъ же послѣ же прииде от церкви и начать звати жену свою яко спящу. Она же отвѣща: «Не прогнѣвайся на мя, господи мой, понеже чада // (л. 18) наша огнемъ содержиима суть». Осязав же его Андроникъ и обрѣте тако. И воздохнувъ, отиде, глаголя: «Воля Господня да будетъ». И отиде внѣ града поклонитися святому Иулиану. Тамо бо и родители его лежаху. Замедлив же тамо даже до 6-го часа. Посем же слышитъ плач и вопль, бывающий в дому его. Он же смутився и тече в домъ свой. И обрѣте весь градъ стеклся в домъ его. И видѣ обѣ отрочатѣ свои, лежащи на одрѣ мертвы. И вшедъ в молитвенный домъ свой, и поверже себе пред образомъ Спаса нашего глаголя: «Самъ азъ нагъ изыдох ис чрева матере моея и нагъ паки отиду тамо. Господь дасть и Господь взять. Яко же Господови угодно бысть, сице сотвори. Буди имя Господне благословено отнынѣ и до вѣка». Жена же его хотяше удавити себе, глаголющи: «С чады своими да умру и азъ!»

Стече же ся весь градъ в погребение чадъ ихъ, яко же и патриарху со всѣм клиросомъ приити. И погребоша ихъ в церкви святого Иулиана, идѣже и дѣди ихъ лажаху. Потом же поемъ патриархъ Андроника и в патриархию поидоша. Жена же его не восхотѣ приити в домъ свой, но в церкви пребысть нощию. В полунощи же является ей // (л. 18 об.) святой мученикъ во образѣ мниха глаголя: «Почто не оставляеши сущихъ здѣ почити, жено?» Она же рече: «Господи, да не оскорбишия на мя, понеже скорбна есмь. Двѣ убо чадѣ имѣях, и сия погребохъ

днесь вкупѣ»». Онъ же рече къ ней: «Колицѣмъ лѣтомъ бѣша отрочата твоя?» Она же рече: «Едино 12 лѣтомъ, а другое же десятиемъ». И рече ей: «Что убо о нихъ плачеша? Больши есть, аще бы грѣхи своя плакала! Глаголю бо ти, яко имже оразом ищетъ естество человеческое снѣди, и не мощно еже не дати ему, сице и младенцы просятъ от Христа в день судный, глаголющи: «Праведный Судия, лишилъ еси насъ земныхъ, но не лиши насъ небесныхъ!» Она же слышавши се, умилися и преложи скорбь на радость, глаголющи: «Аще убо живутъ чада моя на небеси, что плачу азъ?» Обратився, поискавъ мниха, глаголюща к ней, и не обрѣте его. Обыскавше всю церковь и никого же обрѣте. И удари вратаря, глаголющи: «Гдѣ есть отецъ, иже ко мнѣ нынѣ бесѣдова?» И разумѣ понамарь, яко видѣние видѣ. И рече к ней: «Не видиши ли врата затворены и глаголеши ми, гдѣ есть мнихъ, глаголай ми нынѣ»». Она же страхомъ одержима мо// (л. 19) ляшеся ити в домъ свой.

И пришедши повѣда мужу своему, яже видѣ и убояшеся. И рече к нему: «Воистину, господи мой, и в животѣ чадъ нашихъ хотѣхъ рещи ти вещь, но сумнѣхся. Се уже по смерти ихъ реку ти, яко да плачюся грехъ моихъ». Он же рече ей: «Иди, искуси помысль свой неделю едину. Да аще пребудеши в помышлении томъ, оба о семъ совѣщаевѣ». Она же дни многи сотворивши, пребысть в помыслѣ том. И призва блаженный Андроникъ отца ея. И предаша ему все имѣние свое, глаголющи: «К святымъ мѣстамъ хоцем ити поклонитися. Да аще нам что случится человеческо на пути, расточи имѣние наша, якоже хоцеша. Молим же тя добро сотворити души своей, яко да болницу страннымъ сотвориши домъ нашъ и странноприимство мнихомъ». Она же свободиста вся рабы своя. И вземъ мало благословения, изыде нощию с женою своею.

Блаженная же Афанасия възрѣвъ издалеча и видѣ домъ свой, и възрѣвъ на небо и рече: «Боже, рекий Аврааму и Саррѣ изыти от земля своя и от рождения своего! Ты настави насъ в страхъ твой. Се оставихомъ // (л. 19 об.) домъ нашъ отверсть имени твоего ради. Не затвори намъ двери царствия твоего!» И плакавша на многъ час оба, отидоста.

И постигша святая мѣста и поклонилася. И бесѣдоваста многимъ отцемъ. Идоста же и во Александрию поклонитися святому мученику Минѣ. И възрѣвъ же Андроникъ в часъ 6, и видѣ нѣкоего мниха с мирянином свары творяща. И глагола мирянину: «Почто сварилъ еси со мнихомъ?» И отвѣща ему: «Владыко, в скитъ хотя ити, наять скоть мой. И глаголю ему: “Идемъ нынѣ, яко да шествуемъ нощию и завтра до часа. 6-го постигнемъ в скитъ прежде даже не быти силному зноу. И не хоцеть!” И глагола ему Андроникъ: «Имаши ли другий скоть?» И глагола еи: «Шедъ, рече, приведи, да искуплю его, понеже азъ хошу в скитъ поити».

И рече женѣ своей Андроникъ: «Пребуди здѣ, дондеже иду в скитъ благословитися отецъ». Она же рече: «Поими мя въ скитъ с собою». Онъ же к ней рече: «Не входятъ жены в скитъ». Она же с плачемъ рече ему: «Слово имаши дати святому Минѣ, аще оставиши мя, дондеже не // (л. 20) предаси мя в монастырь». Цѣловавъ ея, иде в скитъ и благословився от отецъ в коеиждо лаврѣ.

Слышав же о отцы Даниилѣ, и с трудомъ великимъ шедъ, поклонися ему. Сказа ему вся яже о себѣ. И глагола ему старецъ: «Шедъ и приведи жену свою. И сотворю ти писание, яко да ведеша ю въ Фиваиду, в монастырь Тавенесиотъ».

Онъ же пришедь и приведе нощию жену свою къ старцу, и бесѣдова к нимъ слово спасения. И сотвори имъ писание, и отпусти ихъ ити в монастырь Тавенесиотский.

Андроникъ же паки к старцу возвратися. И облече его старецъ во образъ иноческий, наказуя его иноческому житию. И пребысть с ним, 12 лѣтъ. И посемь умоливъ старца послати его поклонитися святымъ мѣстомъ. Старецъ же сотвори ему молитву и отпусти его.

Хотящу же отцу Андронику в странахъ Египта, седъ почити мало под смерчиемъ нѣкоимъ. И по смотрению Божию, видѣ жену свою въ мужествѣмъ образѣ, идущу и сию во Иерусалимъ. И цѣловастася другъ друга. Познавши убо голубица супруга своего, той же не позна ея. Како бо можааше познати // (л. 20 об.) сию, увядшу воздержаниемъ, яко муринку сушу. И глагола ему она: «Камо идеши, авва?» Онъ же рече ей: «Ко святымъ мѣстомъ иду поклонитися». Она же к нему рече: «Азь тамо иду поклонитися. И поне вкупѣ поидемъ. Но аще хощещи ити нама вкупѣ, с молчаниемъ шествуемъ». Онъ же рече: «Яко же хощещи». Глагола же к нему: «Воистину, рцы ми, не ты ли еси ученикъ отца Даниила?» Отвѣща: «Азь есмь», рече. Глагола же ему: «Не имя ли твое есть Андроникъ?» И глагола: «Ей!». И рече: «Молитвы святаго старца да шествуютъ с нами!» Она же рече: «Аминь».

Поклонившеся во святѣмъ градѣ святымъ мѣстомъ, приидоста во Александрию поклонитися святому Минѣ. И глагола авва Афанасие ко отцу Андронику: «Сиче бо преложи имя свое, хощещи ли, да пребудевѣ оба во единой келии?» И отвѣща: «Да пребудемъ. Но первие вопрошу старца, да аще повелит ми». И рече ему: «Иди. Азь же пожду тебе в скитѣ, осмонадесятѣмъ глаголомъ. И аще приидеши, яко же ходиховѣ с молчаниемъ, сиче и в кѣлии пребудемъ с молчаниемъ. Аще не можещи сиче пребыти, не приходи, аще и оставитъ тя старецъ. Азь же во осмонадесятѣмъ скитѣ хошу // (л. 21) пребыти».

Онъ же шедъ, повѣда старцу. И рече ему старецъ: «Шедъ и возлюби молчание, и пребуди с нимъ, понеже инокъ есть». И шедъ, пребысть с нимъ во страстѣ Божии другихъ 12. лѣтъ, и не позна ея. Множицею же старецъ приходяаше к нимъ, наказуя ихъ яже ко спасению. Единою же о пользѣ наказавъ ихъ, и во свою кѣлию возвратися. И прежде дойти ему до святаго Мины, постиже его отецъ Андроникъ, глагола: «Отче, отецъ Афанасие ко Господу отходить». И возвратився старецъ, и обрѣте его огнемъ содержима. Начат же плакати отецъ Афанасие. И глагола ему старецъ: «Вмѣсто еже радоваться понеже идеши срѣсти Господа, плачещи!». И отвѣща: «Не плачу, точию за отца Андроника, но сотвори любовь и по погребении моемъ обрящещи книжицу на возгавии моемъ. И прочет, даждь сию отцу Андронику». И бывши молитвѣ, причастися и отиде ко Господу. Приидоша же погребсти его и обретоша, яко жена бѣ естествомъ. Обрѣтше же и писание при возгавии ея, и прочитоша. И тогда позна отецъ Андроникъ, яко жена его бѣ. И вси прославиша Бога.

Услышано же бысть сие во всѣхъ лаврахъ. И посла старецъ и призва вся отца, иже в скитѣ, и иже // (л. 21 об.) во внутренѣй пустыни. И приидоша вся лавры Александрийския, и скитяне в бѣло оболчены, сиче бо есть обычай скитяномъ. И погрѣбоша святое тѣло блаженныя Афанасия, славяще Бога, давшаго ей толико терпѣние. И пребысть старецъ, сотвори ей седмый день. И посемь восхотѣ

старецъ пояти с собою отца Андроника, и не восхотѣ, глаголя: «Яко съ госпожею моею погребуся и азъ».

И оставль его старецъ, отиде. И даже не дойти ему до святаго Мины, постиже его другой инокъ, глаголя яко: «Отець Андроникъ отходитъ ко Господу». И пакы посла старецъ в скит глаголя: «Приидѣте, послѣдуйте ми до отца Андроника». Они же пришедшее и обретоша его и еще жива. И благословишася от него, и с миромъ ко Господу отиде.

Крамолѣ же велицѣ бывши посрѣди отецъ скита осмонадешаго и скитянь, глаголющих: «Нашъ есть братъ, и взяти его хощемъ в скит, яко да помогаютъ намъ молитвы его». Также же и осмонадешатний глаголаху, яко съ сестрою его положимъ его. Скитяне же бѣша множайши. И глагола архимандрить осмонадешаго скита: «Иже речеть старецъ, се сотворимъ. Старецъ же повелѣ тамо погребсти его». Они же не послушаху его // (л. 22), глаголюще: «Старець выше страстей есть, и к тому не боится ратей. Мы же юнни суще, хошемъ брата нашего, довлѣеть вамъ яко оставихомъ вамъ отца Афанасия». Видѣвъ же старецъ, яко мятежь великъ въ братияхъ бывает, глагола к братиямъ: «Аще не послушаете мене, то и азъ здѣ пребуду. И с братиями моими погребуся». Тогда умолчаша вси. И принесоша брата, и погребоша, и рѣша старцу: «Идемъ прочее въ скитъ». И рече к нимъ: «Оставьте мя сотворити седмый день сотворити брату». И не оставиша его.

Помолимъ же ся и мы достигнути в мѣру отца Андроника и отца Афанасия. Молитвами всѣхъ святыхъ, в вѣки вѣкомъ.

О отроковицы, посѣченной от свекра своего, понеже не остави его блудити с нею

Отець Данииль взыде со ученикомъ своимъ во градъ Александрию, и ходящимъ имъ тамо, прилучися нѣчто сичево // (л. 51).

Мужъ, рече, нѣкий живяше во Александрии, имѣя единого сына. Сынъ же его имѣяше жену лѣтомъ сущи 15. И живяше с женою своею в дому отца своего, и бѣ ловець рыбама. Ненавидяй же добра дияволь, воздвиже рать блудную на жену сына своего и искаше подобна времени блудити с нею и не обрѣташе, но точию по вся дни ласканиемъ нѣкимъ часто облобызааше ея. Отроковица же цѣломудрена сущи, не увѣдѣ лъстивное лобзание, но мняше, яко любве ради се творит, и стыдяшася его яко отца.

Во едину убо от ношей приидоша убо друзии ловцы и пояше юннаго, яко да шедше ловятъ рыбы. По отшествии же юннаго, воста отецъ его на отроковицу. И глагола ему отроковица: «Что се твориши, отче? Шедъ, сотвори на лица своемъ знамение креста, диявольское бо дѣло се есть». Онъ же не хотя отступити и множае потщася блудити и осквернити ю. Отроковица же не повинуся ему. Выше же одра сына его висяше мечъ, и исторгнувъ его, хотя устрашити отроковицу, глаголя: «Аще не послушаеши мене, се мечъ симъ отсѣши хошу // (л. 51 об.) главу твою». Она же отвѣща ему: «Аще и на уды иссѣчеши мя, незаконное се дѣло не сотворю никако же». Онъ же яростию разжегся, паче же обладаемъ дияволомъ, отсѣче главу отроковицы. И абие гнѣвомъ Божиимъ ослѣпе, и обходя, искаше двери дому своего и не обрѣташе.

Пришедше же друзии ловцы ищуще сына его ити на ловъ, и начаша звати. Отець же его отвѣща: «Отыде сынъ мой ловити». Вопросы же ихъ: «Гдѣ суть двѣри дому моего, яко ослѣпохъ?» Они же отверзше, внидоша и видѣша отроковицу, лежащу мертву. И рече имъ: «Емше, предадите мя князю граду, яко убийство сотворихъ». И емше, предаша и князю. Князь же истязавъ и увѣдѣвъ от него истину. И много мучивъ его, в темницу вверже.

Потом же глагола отецъ Данииль ученику своему: «Шедше, видимъ мощи святыя отроковица». И видѣвше, возвратишася в скитъ, глаголемый осмьнадесятый. Слышавше же о немъ мниси скитстии, и изыдоша на срѣтение ему. И глагола имъ старецъ: «Шедше, принесѣте отроковицу сѣмо: не достойно бо положити тѣло ея // (л. 52) с мирскими человеки, но со святыми отцы». Нѣцыи же от мнихъ начаша роптати, яко: «Тѣло женьское повелѣвает положити со святыми отцы!». Отвѣщавшу же старцу к нимъ: «Сию отроковицу, яже негодуете принести, мати есть и мнѣ, и вамъ, понеже целомудрия ради умрет». Тогда прочее никто же смѣяше противитися старцу и погребоша сию во гробницы со святыми отцы. Потом же старецъ цѣлова вся отца и возвратився со ученикомъ своим в свой ему скитъ.

О той же отроковицы, посѣченной. Глава 21

Во единъ убо от дний братъ нѣкий в ските брань примъ от бѣса блуднаго и пришедъ, повѣда старцу. И глагола ему старецъ: «Иди в скит Александрийский и вшедъ в гробницу святыхъ отецъ, и рцы: «Боже мученицы Фомиды, помози ми и избави мя от искушения блуднаго. И уповаю на Бога, яко свободишия от рати сея».

Брат же молитву и заповѣдь отца возьмъ, прииде в скитъ осмонадесятый и сотвори, якоже заповѣда ему старецъ. Абие преста брань от него // (л. 52 об.).

И возвратився в скитъ, припаде к ногама преподобнаго старца, глагола: «Молитвъ твоихъ ради, владыко, Богъ свободи мя от рати блудныя». И вопроши же старецъ: «Како свободишия?» И глагола братъ: «Точию 12 метаний сотворихъ и положихъ главу мою на гробницы, и уснухъ, и се прииде нѣкая отроковица и глагола ми: “Отче, отче, приими благословение се и иди с миромъ в келию свою”. Аз же возьмъ благословение оно и свободихся от рати. Что же бысть благословение оно, не вѣда». И глагола ему старецъ: «Сицево дерзновение имут у Бога подвижающися о цѣломудрии».

О инокинѣ, обрѣтенной в пустыни Иорданстѣй. Глава 23

Некий от великихъ и богоносныхъ отецъ, Сила именемъ, родом же сый от Аравия. Сѣдѣящу ему в пещерѣ в скитѣ, глаголемемъ Фара, в мѣсте рекомом ... [Фраза не закончена, для названия места оставлен пробел в рукописи]. Сей повѣдоваше братъ, глаголя: «Пред лѣты нѣкиими живяше при мнѣ отшелник, зѣло любимъ мнѣ, во единой от пещеръ, глаголемѣй Каламонъ. И имѣяхъ обычай в нарочитыя праздники посѣщати его и приносить ему маляя потребности и благословлятися от него. Пришедшу убо празднику святыя

Пасхи, взяхъ милотарь мой и мало сочива, и мало хлѣба и изыдохъ по обычаю ити к старцу.

По смотрению же Божию нѣкоему прилучися забыти, гдѣ и в коемъ мѣстѣ старецъ пребываетъ. И много поискавъ, не обрет, оскорбѣхъ зѣло. Заблуждшы же в холмѣхъ мѣста того и дебрехъ, абие постиже мя жарь дневный, и начахъ исчезати жаждею. Изнемогшу же ми трудомъ и жаждею и варомъ солнечным, зывахъ к Богу: «Не лиши мене, Господи, зрѣнию лица святаго мужа!» Се же рекшу ми, начахъ тещи во ины страны пустыня оны. Посем же взыдохъ на нѣкий холмъ и возрѣхъ сюду и сюду, еда како гдѣ нѣкоего вижду, и се не бе никого же. Недоумеющу же ми о сем и чюдящуся, падохъ // (л. 54) на землю мало почити, изнемогшу же ми жаждею и зноемъ, лежахъ, яко мертвъ.

Лежашу же ми и изнемогающу, в сонѣ абие нѣкако тонокъ приидохъ. И се зрю нѣкоего свѣтлоносна мужа, пришедша ко мнѣ и рекша ми: “Дерзай, авва, и не скорби, понеже не погрѣшиши искомое тобою, ибо трудъ твой Господь не вотще сотворить. Сам бо рече Господь: Верующему вся возможна. И паки прокомъ глаголетъ: Волю боящихся Его творит, и молитву ихъ услышит. И паки трудъ плодъ своихъ снѣси, тѣм же, авва, сия ведый, почто изнемогая скорбиши?” Сия рекшу свѣтлоносному оному, абие от радости возбнухъ и зрѣхъ сюду и сюду, и никого же видѣхъ. Восстав, абие помолихся молитвою сею, глаголя сице: “Господи Исусе Христе, упование надѣющимся на тя, и наставниче заблуждшим! Не лиши мене, грѣшнаго, молитвъ святаго отца!”

Сице же убо молчашумися, и се между двѣма холмома зрю стопы человека и радостень быхъ. Часто взирахъ на ня и познахъ сия: не быти мужа совершенна, но отрочате или женска полу. Послѣдующи ми по стопамъ, не возможохъ разумѣти, камо грядут и откуда исходят. И сице скорбящу ми на мнози дивящуся, зря множество сучия собрано, и се зрю пещеру, имущу // (л. 54 об.) мал вход. Безмѣстно же, помысливъ, не толкнувъ внити. И абие начахъ звати: “Благослови мя, отче”. Да яко же никтоже отвеща, паки возвахъ тѣм же глаголю, и по третихъ никто же бысть отвещающа. Тогда всякъ страхъ отвергхъ, внидохъ и обрѣтохъ нѣкоего мниха юнна с молчаниемъ сѣдяща. Да яко убо другъ другу метание сотворыше востаховѣ, помышляхъ евнуха быти того. Повелѣно же ми бысть молитву сотворити. Мнѣ же отричющуся и молящу тому паче сотворити молитву. И на мнозѣ о семъ прекословящимъ намъ. Глагола ми: “Твое бо есть еже помолитися, понеже презвитеръ еси”. Аз же мнѣвъ утаитися, начахъ отрицатися. Он же глагола ми: “Презвитеръ сый, почто лжеша, господи мой отче?” Убояв же ся аз и почюдихъ, и нехотя сотворихъ молитву, и прочее сѣдоховѣ оба. Дивляхъ же во умѣ моемъ, глаголя: “Убо жена ли есть или евнухъ?” Глагола же ми она: “Почто, отче, многими помышлениями смущаешься о мнѣ?” Мнѣ же отричющуся и глаголющи ничто же имѣти. И отвѣща ми: “Ей, то не помышляеши ли, жена ли есмь или евнухъ”. Почюдившужемися и о семъ и лицемъ на землю поникъ. Тогда глагола ми: “Дажъ ми слово, яко да никому же повѣси, дондеже есмь во плоти, и азъ // (л. 55) скажу ти, яже о мнѣ, и кто и откуда есмь, и како сѣмо приидохъ”. Азъ же рѣхъ: “Вѣси добрѣ духомъ святымъ, яко вельми желаю сие увѣдѣти”, и обѣщавшужемися никому же о семъ повѣдати. Тогда начать сице глаголати.

“Азь, отче духовный, жена есмь, дщи же бывши епарха нѣкоего в Константинѣ градѣ. И обручи мя синклитик за сына своего, любовень суши отцу моему. Аз же причаститися браку негодовахъ. Обаче не обявихъ помышления моего радителемъ моимъ, сладцѣ бо желлахъ упраздниться и в молитвѣ пребывати. И часто моляхся Богови, не лишити мене желания моего сего.

Единою же глагола ко мнѣ отецъ мой: “Готова буди, чадо мое, понеже время браку приспѣ, и обручникъ твой стужаетъ ми нынѣ сотворити бракъ”. Рѣх же азъ к нему: “Не мощно есть, господи мой, дати мя мужу прежде даже не совершу молитву мою”. Отецъ же мой вопроси мя: “Кую молитву, чадо?” Отвѣщахъ ему, глаголя: “Завѣтъ положихъ с Богомъ прежде поклонитися святымъ мѣстамъ и тогда совокупитися мужеву”. Он же, лъстя мя, глагола ми: “Послушай мене, чадо. По сотворении бо брака, поимеши своего мужа, и оба с миромъ идеа и поклонитася святымъ мѣстомъ, якоже хочета” // (л. 55 об.). Азь же рѣхъ ему: “Ни, но девою еще суши обѣщахся поклонитися моему владыцѣ. Да аще убо любиши мя, не возбрани ми исполнити желание мое, да не како Богу солгахъ обрящуся”. Он же се слышавъ, увѣщахъ и отпусти мя. И вдасть ми рабы и отроковица в службу мнѣ и в соблюдение, и златники три хиляды, яко да раздамъ сия во святыхъ мѣстѣхъ, прочая же имѣти ми на потребу с отроки и отроковицами.

Внидохомъ же в корабль и постигохомъ во святыи градъ. И поклонившися святымъ мѣстомъ, изыдохъ в пустыню искати святыя отца. Доспѣхомъ же в пещеры мѣста, нарицаемаго Копрофа, сущия близъ лавры, глаголемыя Египетския. В пещерахъ же онѣхъ обрѣтохъ живуца три велики старцы. Бѣ же единъ от нихъ облечень вретисомъ и видѣние его, яко лице агелу. Имѣяше же с собою в пещерѣ книги зѣло полезны. Аз же, яко имѣяхъ помысль избѣжати суеты мира сего, вопрошахъ обрѣсти нѣкоего мниха, еже сказати ему помышление мое и возложити на мя святыи образъ. И яко узрѣхъ святолѣпнаго того старца, одѣяннаго вретисомъ, рѣхъ в себѣ: “Се и желание мое исполнит, аще Богу хотящу”. И благо// (л. 56) словившеся от богоносныхъ онѣхъ старецъ, возвратихомся во святыи градъ и тамо нѣкия дни пребывше.

Начаша поспѣшати мя сущии отроцы, еже поити намъ в Константинѣ градъ. Аз же сотворихъ себе множае тщатися поити в домъ свой. И сѣдъ отай нощию, написахъ двѣ питакѣ своею рукою: единъ убо к родителемъ моимъ, другий же юнѣйшему брату моему, сущему со мною. В нихже имѣяше сицево писание, вѣщающее, яко: “Азь себе обѣщахъ жертву живу и благоугодну представити Христу, жениху своему безсмертному, тлѣнну же и смертну мужеву не буди мнѣ причаститися. Тѣмъ же не к тому трудитесь искати мене здѣ, понеже всѣе трудъ вашъ будет. Аз бо иду, идѣже Господеви изволися”.

Заутра же, егда хотѣхомъ от святаго града изыти и приближшимся намъ к дверемъ града, рѣхъ к юнѣйшему брату моему: “Желание ми есть ити в Гепсиманию и поклонитися гробу всенепорочныя Богородицы”. Той же глагола ми: “Отыдоша скоти наши и не имаши ни одежа своя здѣ, и како можеши поити сице? ни сущу же от рабъ никому же ити с тобою, но да сице поидеши яко едина от рабынь”. Рѣхъ же ему азъ: “Ей, сице больше есть, яко да никтоже познает // (л. 56 об.)? кто есмь”. Тогда глагола ми: “Да аще изволися тебѣ, то пои-

ми едину от рабынь, оставшую с нами. И шед скоро, возвратися, яко да постигнемъ скоты наша”. Вземши же азъ послания она, яже написахъ, и вложих сия во одежду мою, оставшую у брата моего.

И тако изыдохъ с единою отроковицею. Егда приидохомъ в Гевсиманию, оставихъ внѣ отроковицу, рекъ ей: “Пожди мало здѣ, дондеже иду поклонитися святому гробу непорочныя Богородицы, и тако приду”. Отлучившеся от нея и изыдохъ от святыя церкви бѣгу ся яхъ. И приидохъ в пещеры к старцу оному, одѣянному в ретищемъ. Он же, видѣвъ мя, зѣло удивися, глаголя: “Что се есть, чадо?” Аз же к нему рѣхъ: “Ищущи Бога приидохъ здѣ. Молю же тя, отче, яко да облечеши мя во святыи образъ, понеже многими лѣты сего возжелѣхъ”. Старец же ко мнѣ рѣче: “Блюди, чадо, да не како искушение мнихомъ пришла еси”. Аз же припадъ к ногама его со слезами и рѣхъ: “Вѣждь, отче святыи, яко ты облечеши мя во святыи образъ и ретище даруеши ми, иже тобою носимое, и книги твоя даруеши ми”, еже и бысть. Видѣвъ же святыи старецъ слезы моя и желание мое, воставъ, сотвори молитву и возложи на мя святыи образ // (л. 57).

И пребыхъ с ними день той. Заутра же молихъ его, глаголя, воставъ: “Отче, сотвори ми молитву и отыду”. Старец же с плачемъ вопроси мя: “Камо хоцещи поити, чадо?” Аз же к нему: “Идеже Богъ наставитъ мя святыхъ ради молитвъ твоихъ”. Помолившужеса о мнѣ старцу, дастъ ми книги, яже имяше. Аз же возвергъ всю мою печаль на Господа и помолихся покрыти мя, еже не обрѣтеной быти от человекъ, и к тому вдахъ себе в пустыню сию. Молитвами же святаго ми старца настави мя Богъ в мѣсто сие. И видѣвши пещеру сию, с радостию внидохъ в ню. Бѣх же тогда лѣтомъ 18, имам же в пещерѣ сей лет 28 и даже донынѣ лица человека не видѣхъ, точию тебе». Днесъ бѣ же видѣти лице ея, яко луча солнечныя.

Егда же преста повѣдаючи, молихъ ея снѣсти со мною от ихже ношахъ потребу. Она же не послуша мене, рекъ: “Самъ снѣжь, понеже от труда еси изнемогъ”. Мнѣ же на мнозѣ молившу ея снѣсти со мною, и никако же повинуся, глаголя: “Аще от сихъ, от нихже носиши, снѣм, питай мя толико лѣтъ здѣ, к тому не послет мнѣ обычную пищу”. Аз же сие слышавъ, тяжко воздохнувъ и умолих ея поне благословити снѣдь мою. Она же се едва // (л. 57 об.) с нуждею сотвори. И сие снѣдохъ, получихъ от нея благословение, яко от духовныя пища. Зрѣхъ же красоту лица ея и чюждахся, како толико лѣтъ имущи в толицѣ постѣ и молчании, не измѣнилася красота ея. Егда же внидохъ к ней в пещеру, яже имѣяхъ жажду отступи от мене. Мнѣх же еда како отшедшу ми от нея, паки вжаждуся. Преподобная же разумѣвши, глагола ми: “Дерзай, яко не вжаждеши, дондеже приидеши до двери келия своего”. Хотящу же ми отыти, моляхъ ея глаголя: “Сотвори со мною милость и да не отидеши от мѣста сего, яко да на всяко лѣто приходящу ми, приемлю от тебе благословение”. Она же обѣщася. Сотворившим же намъ молитву, отыдохъ от нея и не вжадахся на пути, дондеже приидохъ в келию мою, по проречению святыя дщере Христовы.

По днех же нѣкихъ приидохъ на взыскание ея и не обрѣтохъ. Не вѣм же: или во внутренѣйшую пустыню отыде, или мановениемъ Божиимъ покровена бысть. Точию слава смотрителю единому Богу.

О отроцѣхъ, крестившихъ евреина. Глава 25

Повѣда намъ отецъ Василие, старецъ и отшельникъ, иже от новыя лавры бывый мнихъ, яко: слышахъ нѣкия христоролюбива мужа, повѣдающа таковое чудо, яко:

В странѣ палестиньстѣй, в нѣкоей многочисленной вѣси, в ней живяху християне иудеи, имуще скоты // (л. 60 об.) многи. Имѣяху же сицевъ обычай, от родителей преданный: по вся дни, по обычаю, собираху скоты к дверемъ града и каждо посылааше съ своими скоты овъ убо сына своего, овъ же отрока. И возьмюще скоты отроки и хлѣбъ свой и отхождааху, и пасяху скоты своя даже до вечера. По захождении же солнца паки привожаху скоты в дома своя.

Во единъ убо от дний идоша по обычаю пасти скоты оны. Во время убо снѣденію совокупишася, рѣша друг ко другу христианстии отроцы: «Приидѣте, и мы да сотворим службу здѣ, яко же творят попове в церквахъ». И сотвориша епископа – старейшаго ихъ отрока. Той же сотвори прочая отроки: ового преевритера, другия же дияконы, инья же подяконы, прочая же отрочища сотвори четца. И поставиша плочя едину в чинъ жертвеника, принесоша же и приношение, сирѣчь, просфиры, кождо от своего хлѣба, иже ношааше.

Бѣ же с нимъ отрочищъ и еврейскій, сынъ сушь архиереовъ. И моляше отроки, глаголя: «Приимите мя с собою, да и аз принесу просфиры, якоже и вы». Они же озрѣваху его, глаголюще: «Не можеша ты приношения с нами сотворити, евреинъ сый». Онъ же рече: // (л. 61) «Да буду и азъ христианинъ». И рѣша к нему отроцы: «Аще будеша христианинъ, приимемъ тя с собою». Обѣщавшу же ся ему и прияша и. Сотвореный же от нихъ епископъ крести его в водѣ, сотвори вся по обычаю. Потом же реченную жертву принесоша. И егда начнеше им глаголати: «Единъ святъ, единъ Господь Исусъ Христосъ», сниде огнь с небесе и поясть вся предлежащая. Отроцы же от старха падоша и быша, яко мерьтви.

Вечеру же бывшу, идоша скоти по обычаю во градъ. Отроцы же не приидоша. Заутра же шедше родители ихъ на взыскание имъ, обрѣтоша отроки еле живы. И поем каждо свое отроца и веде в домъ свой. И по триохъ днехъ едва приидоша в себе. Отроцы вопросими же бѣша от родителей своихъ: «Что бысть прилучшееся вамъ?» Они же повѣдаша вся бывшая.

Сынъ же евреина молимъ бѣ от своего отца вкусити хлѣбъ, и не послуша его, глаголя яко: «Азъ христианинъ есмь и не хошу иудейская к тому ясти». Сия же слышавъ скверный онъ и совѣща лютей смерти предати его. Богъ же, иже тайная свѣдя и испытуяй сердца и утробы, лукавое умышление сквернаго иерея свѣдя. уготови князя града того // (л. 61 об.) истязати о бани банаря, яко преобидяща и не творяща службу банную добрѣ. И рече к нему се: «Колико лѣтъ имаши преобидя всѣхъ, ибо и азъ егда прихожду измытиса, студену обрѣтаю баню. Но кленуся великимъ Богомъ, яко аще добрѣ ужжеша и обрящется днесъ не упалена, но студена, главу твою имамъ отсѣщи». Онъ же обѣщася сотворити по угождению князя.

Сия же увѣдѣвъ еврейскаго отрока отецъ, мнѣвъ диявольскимъ коварствомъ утаити вещь. Пославъ к банарю и призва его, рекъ ему сице: «Вѣси ли, о друже, яко долженъ ми еси златникъ 10?» Онъ же: «Ей, тако есть». И глагола ему: «Аще совершиши заповѣдь, уже дамъ ти весь долгъ той и отпущу ти». Онъ же отвѣща ему: «Иже аще заповѣдуеша ми, вскорѣ сотворю, точию, да свободлуся тяже-

сти долга моего». Беззаконный же и нечестивый глагола ему: «Увѣдѣхъ, яко заповѣданно ти есть от князя, ражжеши пещь банную. И понеже имамъ нѣкого отрока, прогнѣвающая мя, хошу, яко егда угорить пещь и хощеши заградити ю, пославъ ко мнѣ, повѣждь ми, и егоже послю вопросити тя, аще угорѣ пещь, у// (л. 62)державъ его, вверзи в ню и загради крѣпко, яко да поне сице избавлюся злаго нрава его». И слышавъ банарь, хотя свободитися долга, обѣщася сотворити заповѣдное.

И шедъ, боязнию князя одержимъ, ражже пещь паче мѣры. Евреин же егда увѣдѣ, яко разжена бысть пещь, посла сына своего, рекъ: «Шедъ, виждь, аще угорѣ пещь». Банарь же по обѣщанию похитивъ отрочища непорочнаго и вверже в пещь, и заградивъ двери, отиде. Князь же убо завтра пришедъ измыгтися и обрѣте баню студенѣйшу паче первыхъ дний. И призвавъ банаря, глаголя ему со гнѣвом: «Злонравнѣ, не повѣдах ли тебѣ добрѣ запалити пещь? И почто презрѣлъ еси и студенѣйшу сотворил еси?» Он же начат проклинати себе, яко: «Три части дровъ множае згорѣ, бояся, хотѣ угодити тебѣ. Откуда же сице студена обрѣтеся, не вѣде. Аще ли моимъ словесемъ не вѣруеши, прииди и виждь пещь, и от юглия разумѣши, яко не лжу». Он же исполнь гнѣва бывъ и иде с нимъ к пещи. И открывъ двери, обрѣте отрочища, в ней сѣдяща. И рече к банарю: «Откуда отрочишь сей обрѣтеся здѣ?» Банар же сказа ему вся, яко: «Воистину // (л. 62 об.) отрокъ без правды ввержень есть, егоже толикъ пламень сожеши не возможе!». Князь же ложнѣ мнѣвъ глаголемое, а не истину, глагола к банарю: «Принеси ми дрова и стоящу ми здѣ запали пещь». И сему бывшу. Князь же вопрошаше отрочища: «Котораго от еврей сынъ еси и коея ради вины в пещь сию ввержень еси?» И увѣдѣвъ, яко зане быти ему христианину и не хотѣвшу ему ясти иудейская снѣдения. «Отець мой посла мя здѣ, яко ненавиद्या христианская, мерзость бо злочестивому богочестие». Князь же вземъ отрока разгорѣвшися пещи и вверже в пещь, глаголя: «Аще первое обаялъ еси пещь не згорѣти в ней, нынѣ же не убѣжиши руку моею». Богъ же, иже всегда творяй велия и чудная, иже близъ всѣхъ призывающихъ его истинною, подобно же якоже и первие, пламень пещный угаси и отрока сохрани невредима.

Пришедше же князь измыгтися, обрѣте паки студенѣйшу паче первая, яко мнѣтися, за неделю быти ей не паленѣ. О сем же князь во удивлении бысть. И пришедъ, отверзе баню и обрѣте отрочища оного, сѣдяща с веселиемъ, и лице ему свѣтящу// (л. 63)ся, яко аггелу. Тогда князь удивися преславному чудеси и скоро текъ и повѣда сие епарху. Он же се слышавъ, вскорѣ к банѣ прииде и повелѣ паки третицею запалити пещь. И сѣдящу ему ту, дондеже угорить множае первыхъ. И абие ввергоша паки отрока въ ню и заградивъ двери, положи печать и стражие. Потом же вниде умыгтися и вмѣсто теплоты студени многи и зимы исполнися. И абие изшедъ, отгради двери пещныя и обрѣте отрока, сѣдяща весела зѣло. Вопросы же и той: «Чий есть сынъ?» И увѣдѣвъ, яко иудей беззаконныхъ иерея сынъ есть. Сия же на селѣ бывшая, яко же выше написахом. И зане быти ему христианину и не восхотѣвшу причаститися ему иудейскихъ нечистыхъ снѣдей, сицевому огню преданъ бысть от своего отца, смертоносному мучению. И бѣ видѣти, яко же древле вавилонская пещь три отроки сохраншия, сице и сего zde сохрани.

Тогда повелѣ епархъ привести отца отрочищу и глагола к нему: «Кий отвѣтъ хочещи дати Богу, о немже сотворил еси диявольское сие и неправедное дѣло? Ты убо мнилъ еси угаити от Бога и от человекъ, но Богъ свѣдый лукавая твоя совѣщания, не остави // (л. 63 об.) тебѣ совершити, но обличи супровство души твоея. Ты же толико немилосердие показа, яко твоя утробы плодъ таковой смерти предасть, но понеже злое се дѣло сотворилъ еси, и причастники и насъ нечистому ти начинанию быти содѣлалъ еси, того ради и ты лютою смертию погибнеши, яко да не и друзии подобно тебѣ таково же сотворятъ».

И тако повелѣ главу его отсѣщи внѣ града на пустѣ мѣстѣ, на снѣдение звѣремъ и птицамъ. Повелѣ же призвати вся отроки оны, и подробну от нихъ яже на селѣ прилучшаяся имъ испытавъ. И вдасть вся в монастырь воспитати сия тамо, и нарицати именем, якоже прежде каждо наречень бысть. Нареченному убо епископу яко епископу пребывати. Тако же и нареченному презвитеру и диякону, тако же и подиякономъ, и четцемъ. И просто рещи, комуждо по имени и по степени заповѣда почитати ихъ и пищу подаяти имъ. Сия же всѣхъ Богъ и содѣтель благоволи быти в нашу християнскую помощь и заступление, еже показати всѣмъ языкомъ спасение свое и сопротивлятися намъ ко иудеомъ о обращении, еже ко Господу нашему Иисусу Христу и во утвержѣние вѣрующимъ намъ. Воистину подобаетъ Господню словеси сбытися, иже рече к иудеомъ: «Азъ придохъ во имя отца моего и не приемлете мя, но аще другий приидеть во имя свое, того примете и умрете во грѣсѣхъ ваших и в дѣлехъ вашихъ лукавыхъ».

О магистриане, иже мертвеца покры своею ризою. Глава 88.

Глаголаше нѣкий от отецъ, яко бысть, рече, нѣкий магистрианъ в Константинѣ градѣ. И единою посланъ бысть от царя на нѣкий отвѣтъ. Идущу же ему путем, обрѣте на пути нѣкоего мертвеца, нага лежаща. И умилосердився, рече ко отроку своему: «Поими коня сия и шедъ, мало пожди мене». Магистрианъ же совлекъ едину от ризъ своихъ и покры нага лежащаго мертвеца, и отиде.

По днехъ же нѣкихъ паки посланъ бысть той же магистрианъ от // (л. 165 об.) царя на другой отвѣтъ. Прилучи же ся ему исходящу из града пасти с коня и сокрушити ногу свою. И сему же бывшу, возложивъ его на конь отрок его и веде и в домъ его. Пришедше же врачеве, прилежаху ему. Минувшем же пятимъ днемъ, почернѣ нога его. Видѣвше же врачеве почернение ноги его, помагаху другъ ко другу отсѣщися нозѣ его, понеже согнати хочет все тѣло его и умереть. Рѣша же к нему врачеве: «Заутра приидем и исцѣлимъ тя».

Магистрианъ же повелѣ отрочищу своему изыти отай вслѣдъ ихъ и увѣдѣти, что совѣщавают о немъ. Врачеве же, видѣвше его, и рѣша к нему: «Нога господина твоего почернѣ, да аще не отсѣчется, погибнетъ. Заутра же приидем, и еже хочет Богъ, то и сотворимъ». Возвратив же ся отрочищъ, плача, к господину своему и рече ему, яже слыша от врачевъ.

Слышав же сия магистрианъ, и начать малодушествовати. И от малодушия всю ночь бдя и не возмогъ уснути. Бѣ же ту и кандило горящи. К полунощнѣй же стражий зреть человека, вшедша к нему оконцем и глагола ему: «Что сице скорбѣяй пла// (л. 166) чеши, о человеце?» Магистрианъ же отвѣща: «Господи, сокру-

шиися нога моя. И се совѣщаша о мнѣ врачеве». Глагола ему явлейся: «Покажи ми язву». Онъ же откры ногу свою и показа ему рану. Явлейжеса емъ ногу его руками своиа и помаза от горящего кандила рану его масломъ. И рече ему: «Встани и ходи». Недужный же отвѣща: «Сокрушенна есть нога моя, и како могу ходити?» Глаголя ему явлейся: «Восклонися на мя». И восклонився, хождааше, хромая мало. Рече ему явлейся: «Еще ли храмлеши, возлязи паки на одръ свой». И начать паки помазывать ногу его и глагола ему: «Встани нынѣ и ходи». Востав же и начать ходити здравѣ. Рече же ему: «Годѣ ли ти есть поне нынѣ?» Магистриянъ же отвѣща: «Ей, господи, добрѣ есмь. И Богъ да исполнит мзду твою». Глагола ему явлейся: «Возлязи на постелю свою и почиши». Глагола же ему и нѣкая слова о милостыни, яко рече Господь: «Блажени милостиви, яко ти помиловани будут». И паки: «Без милости судъ не сотворшему милость» и елика таковая. И сия рекъ, глагола ему: «Спасися». Магистриянъ же отвѣща: «Отходиши ли?» Онъ же рече: «Отнелѣ // (л. 166 об.) здравъ еси. Что прочее хочещи?» Глагола ему магистриянъ: «Заклинаю тя Богомъ, пришедшимъ спасти грѣшники, яко да повѣси ми, ты кто еси?» Рече ему явлейся: «Возри на мя». Онъ же зряше на нь прилѣжно. Глагола ему мужъ онъ дивный: «Познаваеши ли добрѣ ризу сию?» Магистриянъ же рече: «Ей, господи, моя есть». Глагола ему явлейся: «Азь есмь, егоже ты обрѣте мертва нага и на пути повержена, и поверже ми ризу свою. И посла мя Богъ исцѣлити тя. Благодари убо Бога всегда». Цѣловаша же ся другъ друга, и изыде паки оконцемъ, имже бѣ вшелъ.

Врачеве же заутра пришедше отсѣщи ногу его и обрѣтоша его здрава ходяща и ни единая же раны имуща на нозѣ своей, и удивишася зѣло. И увѣдѣвше бывшее, прославиша Бога, давшего ему таково исцѣление.

О нѣкоемъ старци Иоаннѣ. Глава 102

Повѣда намъ нѣкий от отецъ, глаголя.

Бысть, рече, нѣкий старецъ, пребывая во обители отца Евлогия, именемъ Иоаннъ, егоже патриархъ Илия восхотѣ игумена сотворити во своемъ монастыри, зане быти ему честну и добродѣтелну. Онъ же не хотяше глаголя: «В гору Синайскую мыслю ити». Патриархъ же нудяше его и моляше зѣло. Старецъ же яко видѣ патриарха не ослабляюща ему, изыде оттай, бѣгу ся ять. И устремися путемъ, иже к горѣ Синайстѣй, имѣя и ученика своего с собою.

И пришедшимъ имъ в Иорданъ, яко одинаго поприща, начать старецъ трясавицею болѣти, огнемъ содржимъ. И яко не могъ старецъ ходити, обрѣте пещеру малу, вниде в ню, еже почити мало. И яко пребысть немощию одержимъ, и не возмогъ ходити, сотвори три дни в // (л. 189 об.) пещерѣ. И зрит старецъ во снѣ нѣкоего светолѣпна. глаголюща ему: «Рцы ми, калугере, камо хочещи ити?» Онъ же отвѣща: «В гору Синайскую иду». Онъ же рече: «Ни, молю тя, не иди тамо». Старецъ же пребысть не повинуюся. Светолѣпный же онъ, яко видѣ старца не хотяща, отыде от него.

Недугъ же начать множае обдержати старца. Паки же в пришедшую ночь предста ему светолѣпный онъ, глаголя то же: «Калугере, что хочещи трудитися в Синаю, но сотвори послушание и пребывая здѣ». Рече же ему старецъ: «Ты

же кто еси, господи мой?» Отвѣща же явлейся: «Азь есмь Иоаннъ Креститель, и сего ради глаголю ти не ити никамо, ибо пещера сия малая больши есть горы Синайския, множицею бо и Господь нашъ Исус Христосъ вниде в пещеру сию воеже посѣтити мя. Да аще пребудеши здѣ, азь буду попечение творя тебѣ, но точию даждь ми слово, яко да пребудеши здѣ, и от недуга вскорѣ свобожду тя».

Дивный же онъ старецъ и не хотя обѣщая божественому Крестителю. даже до кончины своя не изыти из пещеры его. И абие недугъ отяты от него в той часъ, и здравие // (л. 190) совершенное получи. И пребысть в пещерѣ даже до отшествия своего иже ко Господу. Наричает же ся имя мѣсту оному Сапсафосъ.

О отцы Герасиме, како левъ повинуся ему. Глава 127.

Сказа намъ нѣкий от отецъ, яко одинаго попрѣща вдале святаго Иордана лавра есть иже во святыхъ отца нашего Герасима, иже наричется Каламонъ. В ту убо лавру шедшем намъ, повѣдаху намъ иже тамо живушии отцы о отцы Герасимѣ, глаголющи, яко ходящу ему нѣкогда при брезѣ святаго Иордана, срѣте его левъ, велми рыкая, имѣяше в нозѣ своей язву люту от трости, вонзшую ему, яко от сего отеки нозѣ его и полнѣ сущи гноя. Яко убо узрѣ старца левъ, начатъ показовати ему ногу, язвеною от трости, и нравом нѣкоим яко плача бѣ. И моляся старцу исцѣление получитьи. Видѣвъ же его старецъ в таковѣй нужди и болѣзни и помилова и. И сѣдъ на землю, и прия ногу его. И осязавъ язву, и изытъ вонзшую трость со мнозѣм гноемъ и сукровицею, и прилѣжне очистивъ рану. И повяза платом ногу его, и отпусти и // (л. 219 об.).

Левъ же исцѣление получивъ, прочее не отлучися от старца, но яко присный ученикъ, аможе аще идяше старецъ, послѣдоваше ему, яко же и старцу о семь дивитися и похвалити звѣрословесное доброразумие. Тѣм же и старецъ нача пещися о немъ и пищу подаяти ему, овогда хлѣбъ, овогда сочиво квашено. Левъ же, обрѣтая пищу себѣ, николи же отступи от лавры. Имеяху же в лаврѣ единого осла, имже воду приношаху от святаго Иордана в служение братиямъ. Старецъ же убо предасть лву осла, яко да приходит к берегу рѣки пасти его тамо, иже и творяше левъ по вся дни заповѣданное ему от старца.

Единою убо пасому ослу от лва, отступи от него мало отстояние осель, лву же инамо упразднившуся. Се внезапу купцы с вельбуды своими грядуще и поемше осла со своими вельбуды, идоша в свою имъ страну. Лев же поискавъ осла и не обрѣте, возвратися в лавру к святому старцу скорбен зѣло и умилень о пагубѣ осла. Мнѣвъ же старецъ, яко осель снѣдень бысть от лва, и глагола ко лву: «Гдѣ есть осель, егоже повелѣхъ ти блюсти?» Онъ же стояше, долу // (л. 220) поникъ и умилень, не смѣя поне възрѣти на лице святаго старца. Паки же к нему рече: «Гдѣ есть осель, яко же мню, снѣлъ еси его? Благословень Господь, яко службу, яже творяше осель, отнынѣ ты хощещи творити. Колика аще вѣси, яко да навькнеши со страхом блюсти заповѣданную ти службу».

Оттолѣ убо повелѣвшу святому старцу и возложиша на лва самарь, имуща 4 скудельника. Гонимъ от единого брата, приношааше воду в лавру в служение братии. Во един убо от дний прииде нѣкий воинъ благословитися от старца и видѣ лва, носяща воду, и увѣдѣвъ вину, и умилися, и вземъ 3 златники, и

дасть братиямъ купити осла приносити воду, и свободят льва от таковыя службы, еже и бысть.

Лѣту же нѣкоему минувшу повнегда свободити его от службы, изыде мало от лавры проходится. И се узрѣ купца оны, иже осла взявше, и идуша с вельбуды своими во святой градъ продати пшеницу, имушей осла с собою. И прешедшимъ имъ Иорданъ и по прилучаю срѣте ихъ левъ. Видѣвше же купци льва и убо яшася. И оставльше вельбуды со // (л. 220 об.) слоны, бегу ся яша. Лев же позна своего осла, с радостию притече к нему. И приять усты своими узду его, ведяше же его с прочими вельбуды в лавру к старцу, радуяся вкупѣ и скача, и веселяся о обрѣтении погибшаго осла. Его же видѣвъ старецъ и братия, порадовашася не токмо о обрѣтении погибшаго осла, но яко неправеднѣ от мненія оболгавшу льва. Старецъ же покаяся ко льву и сотвори ему поклонение. Сотвори же и имя ему Иорданъ. Сотворивъ убо левъ со старцомъ в пустыняхъ 5 лѣтъ и множае и николи же отлучися от него, но всегда бѣ послѣдуя ему.

Егда же ко Господу отити хотяше преподобный старецъ, и от отецъ погребень бысть, по смотрению Божию не обрѣтесе в лаврѣ левъ. По днехъ же нѣкоихъ пришедъ и искаше старца и зряше, смотря сѣмо и онамо, видѣти его, и яко во истину благоразумень ученикъ своего учителя взыскааше. Преподобнаго же отца ученикъ именемъ Савватие, видѣвъ его прилѣжно ищуща старца, глагола к нему: «Вѣси ли, Иорданю, яко отецъ и учитель нашъ оставилъ насъ сиры и ко Господу отиде // (л. 221). И ты убо не скорби, но приими и вкуси пищу». Лев же вкусити убо не хотяша, часто же очима взирая сѣмо и онамо и ища видѣти старца своего. И не могый терпѣти разлучения старца, рыкааше часто и хотяше себе уморити нежели паче жити, и не видя учителя. Отецъ же убо Савватие и прочии отцы глядаху его по лядвиямъ, глаголющи ему: «Отиде отецъ нашъ ко Господу, оставль насъ сиры. Ты же не скорби, но с нами благодари». И сия тѣмъ и ина глаголющимъ к нему, не возмогоша его от скорби премѣнити, но елико они словомъ утолити его хотяху, толико онъ множае паче рыкааше, скорбя и воплемъ множайшимъ взывая, рыдание умножааше, показуя очима болѣзнь, юже внутрь имѣяше, не видя старца своего. Тогда глагола ему отецъ Савватие: «Отнели не вѣруеши намъ, гряди со мною и скажу ти, гдѣ лежитъ отецъ нашъ». Поемъ его и веде идѣже погребень бѣ преподобный.

Отстоя же мѣсто от церкви яко единого поприща. И пришедъ до гроба святаго старца отецъ Савватие, начать плакати и поклонение творити. Яко убо видѣвъ се левъ, начать и той его поклонение твори // (л. 221 об.) ти над гробомъ, бия главу свою о землю зѣло и рыкая. И сице абие падъ на гробѣ святаго и издше.

Сие же се бысть не яко словесну душу имущу льву, но яко Богу хотяшу прославляющая его прославити не точию в животѣ ихъ, но и по смерти, и показати намъ, кое повиновение имѣяху звѣрие ко Адаму прежде преслушания заповѣди Божия, еже изгнати ему из райския пища.

О отцы Сергии, како послуша его левъ. Глава 129

Повѣдаша намъ и се о отцы Сергии, яко пребывающу ему в горѣ Снайстей. И сотвори его икономъ урдунуря со своими братиями. Единою же идущимъ в

путь срѣте ихъ левъ на пути. Яко же убо видѣша прочая братия льва, оставльше скоты, бѣжаша. Левъ же пришедъ ко отцу Сергию и поклони // (л. 222 об.) главу свою. И прошааше нѣчто прияти от него. Отець же Сергие вземъ мало благословение и подасть ему, глаголя: «Возми благословение от отецъ и отступи от пути нашего». И вземъ левъ, и отиде.

О отцы Пиминѣ, како леопардъ грѣяше его. Глава 130

Повѣда наъ и се отецъ Саваотие. Сѣдящу ми, рече, в лаврѣ отца Фирмина. Единою иде в скитъ, глаголемый Рува, ко отцу Пимину и обрѣтъ старца, цѣловахъ его. И якоже бысть вечеръ, вниде старецъ в пещеру и мнѣ повелѣ внити в другую. Случи же ся в ночь ону зима велика, и страждахъ зимою. Пришедъ старецъ заутра, глагола ми: «Что есть чадо, како преиде ночь?» И рѣхъ ему: «Прости мя, авва, люто пострадахъ от зимы в ночь сию». Онъ же рече ми: "Естествомъ, чадо, азъ ничтоже пострадахъ». Почюдивжеся азъ, рѣхъ ему: «Почто, отче, бѣ бо нагъ?» И отвѣща ми, яко: «Леопардъ прииде и приложи хребет свой к хребту моему и грѣя мя в сию ночь. И се нынѣ дахъ // (л. 223) ему хлѣбъ и отидѣ».

О Стефане, како заповѣда леопарду пасти зелие. Глава 131.

Той же братъ повѣда намъ и о Стефане отци, яко сѣдящу ему в пустыни горы Синайския и посѣя себѣ нѣколько макидонись, глаголемый кодимента. Приходяаху же дивия свиния и ова убо снѣдааху, ова же попирающее, пакости дѣяху. Единою же сѣдящу старцу и скорбящу, зреть леопарда, пришедша к нему. И призва его старецъ близъ. Пришедшу звѣрю и сѣдшу при ногу его. Рече к нему старецъ: «Сотвори любовь и не отходи отсюду, но сматрай малое сие зелие и емлещи дивия свиния и снѣдаеши». И отголѣ пребысть с нимъ леопардъ лѣта доволна, соблюдая малое оно зелие, дондеже старецъ ко Господу отиде.

**РУКОПИСНЫЕ СБОРНИКИ ПЕЧОРСКОГО СТАРООБРЯДЦА
С. А. НОСОВА: СБОРНИК № 9****HANDWRITTEN COLLECTIONS OF THE PECHORA BELIEVER
S. A. NOSOV: COLLECTION №. 9**

Мы продолжаем издавать описание рукописных сборников печорского старообрядческого писателя С. А. Носова (1902–1981). Помимо составителя и переписчика рукописных сборников религиозных текстов С. А. Носов известен и как оригинальный духовный писатель, автор цикла эсхатологических видений, воспоминаний о своей жизни и о жизни предков, многочисленных писем религиозного содержания.*

Ключевые слова: старообрядческие рукописные сборники, крестьянская духовная проза, археография.

We continue to publish a description of the manuscript collections of the Pechora, the old believers writer S. A. Nosov (1902–1981). In addition to the compiler and copyist of manuscript compilations of religious texts S. A. Nosov is known as the original spiritual writer, the author of a series of eschatological visions, memories about his life and about the lives of ancestors, numerous letters with religious content.

Keywords: handwritten old believers' collections, the peasant spiritual prose, archaeography.

Книга 9. 8°, 169 л. Бумага разного формата и качества (из школьных тетрадей в косую линейку, в линейку, в клетку, нелинованная оберточная бумага). Листы склеены для того, чтобы сшить их в тетради, полосками белой бумаги. Синие, черные, фиолетовые, красные чернила, карандаш. Переплет картонный, обклеен серой бумагой, корешок черный матерчатый, на верхней крышке переплета бумажная наклейка красного цвета прямоугольной формы с надписью: «Книга F» (Книга 9).

На нижней крышке переплета шариковой ручкой записи одной руки: «Прочла 23 дек. 2003 г. (неразборчивая подпись) Прочла 1 октября 2005 г.»

Л. 20 — из школьной тетради: в столбик скорописью написаны слова на английском языке.

* Мелихов М. В. Рукописные сборники печорского старообрядца С. А. Носова: сборник № 10 // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2013. № 2. С. 200–215; Мелихов М. В. Рукописные сборники печорского старообрядца С. А. Носова: сборник № 26 // Вестник СыктГУ. Серия гуманитарных наук. Сыктывкар, 2014. № 3. С. 336–352.

Л. 1 — сверху слева приклеен небольшой листок нелинованной бумаги желтого цвета, на нем печатными буквами написано «О любви». Текст написан небрежно печатными буквами.

Л. 1 — Златоуст. В неделю 33 по всѣхъ святыхъ. Нач.: «Четыре вещи суть и аще и едину от нихъ имя человекъ ни покаются можетъ ни молитву его прииметь Богъ. Первая гордыня егда помышляетъ человекъ яко добръ живеть и угодно его житие...». Конец: «Отнюдь не противлятися но паче аще можемъ молитися аще ли ни поне всячески молчимъ со мнозѣмъ смирениемъ».

Л. 2 — Цветникъ печатный. Нач.: «Первая и большая заповѣдь Господня возлюбиши Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ и всею душею твоею и всею мыслию твоею». Конец: «Се есть заповѣдь моя да любяи мя любить и брата своего аще миръ васъ ненавидитъ ведите яко мене прежде васъ возненавидѣ».

Л. 3 — От соборнаго послания Иоаннова зачин 93. Нач.: «Возлюбленнии аще сице возлюбилъ есть насъ Богъ и мы должны есмы друг друга любити...». Конец: «...Богъ любви есть и пребываяи в любви в взѣ (так!) пребываетъ и Богъ в немъ пребываетъ».

Л. 3 — То же послание Иоанново зачин 94. Нач.: «Возлюбленнии аще кто речетъ яко люблю Бога, а брата своего ненавидитъ — ложь есть...». Конец: «Кто есть побѣждаи мира токмо вѣруяи яко Исусъ есть Сынъ Божии».

Л. 4 — О любви. Нач.: «Како апостоль глаголетъ любовь бытии большую она же безъ вѣры и надежды не утверждается...». Конец: «Едина любовь вѣчна есть безъ нея же ни едино дарование не состоится»

Л. 4 об. — чистый.

Л. 5 — Прологъ 5 июня слово Василия Великого. Нач.: «Братие ничтоже прежде чтите развѣ, презримыя любви, много бо согрѣшаемъ по вся дни и времена и часы и нощи да сего ради любовь имѣемъ сия бо покрываетъ множество грѣховъ...». Конец: «От сего Богъ не отлучается никогдаже Богъ любви есть да иже живетъ в любви и в Бозѣ живеть и Богъ в немъ».

Л. 6 — Прологъ августъ 18 о мирѣ и любви. Нач.: «Аще кто хоцетъ безъ труда спастися да имѣеть ко всѣмъ любовь к амлымъ и великимъ любви ближнему зла не творить хотящии бо мира возвеселятся в любви лучше есть ясти хлѣбъ с зелиемъ сухъ с любовию нежели телець упитанныи со враждою...». Конец: «Вся любитъ всему вѣру емлетъ вся уповаеть вся терпитъ любви николиже отпадаетъ».

Л. 7 — Аще бо кто миръ между собою воздержитъ и любовь ко всякому человеку той безъ труда спасетъ и молитва его приятна Богу...». Конец: «...и такихъ человекѣхъ гнѣвъ Божии и казнь за преслушание его его святыхъ словесъ бываетъ».

Л. 7 — Апостоль зачин 77 (?) 61. Гдѣ любовь тамъ самъ Богъ и любовь покрываетъ множество грѣховъ...». Конец: «...и предамъ тѣло сожещи любви же не имамъ никакая польза (Апостоль зачин 135).

Л. 7 — Бѣсѣды апостольские лист 1692 по Златоусту. Нач.: «Всѣ раздотворцы если бы безчисленныя добродѣтели совершили и то будутъ осуждены с жидами даже и кровь мученическая не загладитъ сего грѣха». Конец: «Во мнозѣ совѣтѣ бываетъ спасение а вси иже не имуть совѣта падуть яко листовие от древесъ (Слово 5 аввы при книзѣ Ефрема Сирина).

Л. 8 — (на наклеенном сверху листе нелинованной бумаги: «О злопомнѣнии»). Евангелие о Матфея зачин 77. Нач.: «Рече Господь притчу сию уподобися царстве небесное человеку царю иже восхотѣ стязатися о словеси с рабы своими». Конец: «...и терпи досаду и укорь от друга да оставатися согрѣшения многая».

Л. 9 об. — Пролог октябрь 25 из слова о гнѣвѣ. Нач.: «Ияковъ учить насть буди весь человекъ скоръ на послушание медленъ же в гнѣвѣ. И Павель учить: Возлюбленнии не дадите мѣста гнѣву, и Давыдъ рече: Престани от гнѣва и остави ярость».

Л. 10 — Нач.: «На вопросъ преподобного Макария ко ангелу кии грѣхъ есть тягчае пред Богомъ глагола ему ангель: Всякъ грѣхъ честный отче разлучаетъ человека от Бога, паче же всѣхъ горши есть злопомнѣние и тщеславие и гордость...». Конец: «...и преобидяще тако божественныя тайны таможе и идольстии жерцы и иноки и священноиноцы и инокини соблудившии мучатся».

Л. 10 об. — Старчество слово 4. Нач.: «Тихи и кротки человекъ и смиренни себѣ есть сладокъ и инымъ на пользу а гнѣвливыи и сердитии сердить себѣ на грѣхъ и другимъ на пакость...». Конец: «Сего (ради) зла злѣя гнѣводержание и гордость и зависть от сихъ тмами злая раждается».

Л. 11 — Нач.: «Человекъ гордъ яко древо корень не имьи скоро падется во адскую пропасть снидет без милости ...». Конец: «Единъ Богъ имѣяи богатство нетлѣнное а ваше имѣние ничтоже есть. Молитва смиренного доидеть к Богу молитва же гордого разгнѣваетъ Бога».

Л. 11 об. — чистый.

Л. 12 — выписки из неуказанных источников о смиреннии.

Л. 13 — Листок нелинованной бумаги, на нем заголовок: «О осуждении». Нач.: «Рече Господь: Не осуждайте да не осуждении будете, а апостоль Пвель глаголетъ: Аще быхом сами себѣ разсуждали не бы осуждении были...». Конец: «Да не осудимъ братие чужихъ грѣховъ но о своихъ плачемся и судимъ многая своя согрѣшения» (Златоуст слово 53).

Л. 14 — Большой сборник слово 2 лист 116. Нач.: «Горе упивающимся невоздержно блаженъ иже вездѣ себѣ оуждаеть и смиряеть Бога ради и унижая и осуждая...». Конец: «...в день судный благочестиви не обрѣтаются но якоже презиратели и небрежливи заповѣдей Божиихъ осуждаются и мучими».

Л. 15 — выписки из Пролога, Евангелий, Цветника, книги Старчество о гневѣ.

Л. 19 — Кормчая лист 626. Нач.: «Вопросъ. Кто грѣхъ творить молитвы наша неприятны Богу? Отвѣтъ. Гордость и запомнѣние писано бо есть Господь гордымъ противится и паки глаголетъ Господь...». Конец: «Горе творящимъ свѣтъ тму, а тму свѣтъ: свѣтъ бо суть божественныя заповѣди».

Л. 21 — Прологъ 3 декабря. Нач.: «Показа ми ангель се церковь и два мужа сѣдяща на коню и несша бревно...». Конец: «Сии суть творящии добродѣтели с гордынею и не хотящее ходити смиреннымъ путемъ духовнымъ того ради остаются внѣ царства Божия».

Л. 21 — Пролог март 6 слово о ...(неразборчиво). Нач.: «Плотския рекше дьявольския мудрования еже есть любодѣяние нечистота ярость, клевета...». Конец: «...мудрость бо плотская вражда есть на Бога закону Божию не повинуется ни можество и в таковѣмъ не можетъ житии Духъ Божии».

Л. 21 об. — Пролог 18 марта. Нач.: «Разумныи бо человекъ аще ему бѣда случится воспомяя грѣхи кается и Богу молится...». Конец: «...и своихъ не воспоминаеть злѣбъ и ины виноваты творить а самъ не творится что зло сотворивъ».

Л. 22 — Толковый Апостол лист 668 и 669. Нач.: «Дияволь зреть кто к какой вещи склоняющийся и тако поставляеть сѣти соблазнъ своихъ...». Конец: «... глаголи: Рабъ есмь непотребныи егда твориши милостыню не воструби предъ собою».

Л. 23 — Старчество слово 44. Нач.: «Помяни Господа глаголюща аще оставляете человекомъ согрѣшения ихъ оставить и вамъ отецъ вашъ небесныи согрѣшения ваша». Конец: «...не помышляй себѣ праведна и угодна бытии Богу».

Л. 25 — Выписки об осуждении из Патерика, книги Старчество, Пролога (2, 22 марта).

Л. 27 — Нач.: «Единъ мнихъ походя доброе житие слышавъ от братии о нѣкоемъ мнихѣ падшимъ в блудъ и рече той...». Конец: «...тайно же покаявшеся слыши еже речено въ премудрости Соломони несмотря грѣшница не зри его кончину».

Л. 28 об. — «Слыши же и о разбойницѣ нѣкоемъ иже христианскаго рода испоручи от дружины своя девицу не давъ ее инѣмъ на растлѣние...». Конец: «...ангель же Господень удари бѣса держащаго вѣски скипетромъ пламеннымъ и избави душу от муки вѣчныя. Сия слышавъ не буди языченъ зане мужъ языченъ не исправится на земли».

Л. 30 — на вклеенном листе меньшего формата листе: «О терпѣнии». Выписки из Евангелия от Иоанна, предисловия к Книге о вере, Пролога (20 июня).

Л. 32 — Прологъ 9 марта. О лѣчащихъ болѣзнь волхвованиемъ. Нач.: «Подобаеть бо в болѣзни слежа благодарити Бога се ти мучения вѣнецъ приносить». Конец: «...они убо муки терпѣли ты же болѣзни и бѣды благодарнѣ стерпи».

Л. 33 — Цвѣтникъ Дорифея глава 11. Нач.: «Дано человеку на волю суета мира сего врата на востокъ врата на западъ, пути два...». Конец: «...не туне бо человеку ангеломъ бытии сиречь невозможно бытии человеку ангеломъ кромѣ скорбѣй и болѣзней даромъ».

Л. 33 об. — «Сѣющии слезами радостію пожнут ходящии хождоу и плачуща мечтующее сѣмена своя грядущее же приидуть радостію вземлюще рукояти своя» (Псаломъ 125).

Л. 34 — Пролог 16 марта. Нач.: «Егоже рече Господь любить того и казнить аще видиши кого многи бѣды приемлющи и скорби блажи его и позавиди ему...». Конец: «Смотри же и прежде Исавъ богатѣяще скверникъ сыи а Ияковъ правдивъ сыи и многи поять скорби».

Л. 35 — Старчество слово 4. Нач.: «Гдѣ скорбь ту вѣнцы гдѣ терпѣние ту и дарове, гдѣ труды ту и честь...». Конец: «Немного с людьми бесѣдуй и суетнаго ничтоже не говори немного спи но молися Богу на всякъчасъ».

Л. 36 — запись вкратце. Повѣсть отца Палладия о Евлогии (Лапсаик). Нач.: «Повѣда намъ отецъ Паладие философъ рече нѣкто от отецъ именем Евлогіе отвержесе мира и расточи вся имѣния своя...». Конец: «Егда братія сотворяху

40 днии прокаженному же трети день яже увѣдѣвъ Кроние и удивися и повѣда всѣмъ отцем яже прорече о них велики Антоние вскорѣ сбышася».

Л. 39 — на вклеенном листе: «О исповѣдании». Выписки из Пролога (24 мая, 13 мая, 29 декабря, 30 сентября), Апостола толкового, Библии (книга Ездры), исповедания миряном, Захария Копыстенского, Зонаря, Старчество, Лапсаика, Номоканона,

Л. 50 — Святцы. Нач.: «Благовѣрнии царевичъ Димитрии Углецкий родися от благочестиваго корене царя Ивана содержателя Русския земли иже от Августа Римскаго...». Конец: «Дмитрии убиенъ бысть повелѣниемъ Бориса Годунова от Никиты Качалова и Данила Битяговскаго закланъ же бысть ножемъ».

Л. 51 — краткие выписки из Деяний апостолов, Альфы и омеги, Кирилла Иерусалимского, Кормчей на разные темы.

Л. 52 — Нач.: «11 мая обновление Царяграда бысть во время первого собора егда Константинъ Велики царь христиански принесе престоль от Рима в Византию и разшири место над седмию горъ стѣнами превеликими и воздвиже в немъ предѣлы пресвѣтлы и наречено бысть мѣсто то от святыхъ отецъ 318 тогда собранныхъ именовъ царским Константинополь и Новый Римь...». Конец: (имя не названо, выписка, с предшествующим текстом не связано) «В лѣта 5836 и положенъ бысть в рацѣ златѣ в Царѣградѣ в церкви святыхъ апостоль».

Л. 53 — краткие выписки на разные темы (о смысле имени Христос, пояснения к стихам и образам Апокалипсиса и т. п.) из Толкового Евангелия, толкового Апостола, Иоанна Дамаскина, Зонаря, Жития Андрея Уродивого, Святцев.

Л. 62 — вклеенный лист «О заповѣдехъ Господнихъ». Выписки из Ветхого Завета, Катехизиса.

Л. 68 об. — чистый.

Л. 69 — Краткие выписки о новозаветных заповедях из Катехизиса, Златоуста, Евангелия.

Л. 73 — выписки о житии с женою и девстве из Евангелия, Дионисия Ареопагита, Кирилла Иерусалимского.

Л. 77 — Пролог 9 марта о Пафнутии мнисѣ и о добродѣтели стрѣйшины села. Нач.: «Добродѣтели же старѣйшина повѣда 30 лѣтъ от подружия самъ ся отлучихъ три точию лѣта живъ с нею и три от нея сыны родихъ...». Конец: «...миръ много любящимъ имя твое и разумѣ Пафнотии яко мужъ той преставися къ Богу».

Л. 78 — Евангелие толковое в неделю 1 поста лист 47. «Но сохраните мужи и жены постели не скверны даже и бракъ честен соблюдается и чистъ вездѣ и без зазора будетъ...». Конец: «Се бо есть благоугодно Богу и аще тако творите недалеко будете царства небснаго».

Л. 79 — Апостол зачин 254. Нач.: «Мужие любите жены ваша и не гнѣвайтесь на нихъ. Толкование. Сиречь да не будетъ между вами брани нѣсть бо горчайшаго яко же мужсви брань к женѣ велии убо гнѣвъ от уда своего». Конец: «Утаено бо есть сединение и любовь являеть яко тѣло другъ друга суть».

Л. 80 — Коринфянам зачин 136. Апостоль. Нач.: «А о ихъ же писасте ми добро человеку женѣ не прикасатися но блудодѣянна ради каждо свою жену да имать и каяждо жена своего мужа да имать».

Л. 80 — Златоуст. Нач.: «Егда три велия грѣхи ти великие обличи первое распри церковныя и другое блудодника третье лихоимцу...». Конец: «...хощу всѣхъ человековъ бытии якоже азъ и обрѣзования во апостолы на время попушаху не аки законъ учаше хранити но иудейской немощи сходящи».

Л. 80 об. — выписки из Апостола и Златоуста о супружеской верности.

Л. 89 об. — Альфа о постѣ 167 листь и ниже. Нач.: «Постъ есть не токмо еже поздно ясти, но и еже мало ясти и не еже во вторый день ясти есть воздержание но еже не искати различныхъ брашенъ». Конец: «А иже в разумѣ постится кто не имать себѣ яко добродѣтель но да воздержание стяжет цѣломудрие и смирение».

Л. 89 об. — выписки о посте из Номоканона, Кирилла Иерусалимского, Апостола, Большого устава.

Л. 95 — Евангелие от Иоанна зачин 9. Нач.: «Господь рекль азъ есмь свѣтъ миру ходяй по мнѣ не имать ходити во тмѣ но имѣти свѣтъ животныи. Апостоль Павель зачин 224. Нач.: «Единъ Господь едина вѣра едино крещение единъ Богъ и Отецъ всѣхъ». Конец: «Сия помышляйте имъ же научитесь и приясте и слышасте и водѣсте во мнѣ сия творите и Богъ мира да будетъ с вами аминь».

Л. 97 — Краткие выписки на разные темы (о добродетелях, мудрости, правде, истине) из книги Правая вѣра, канонов, Пролога (октябрь), Синаксаря, Кормчей, Триоди, Исаака Сирина, Никона Черногорца, Иоанна Дамаскина, Апостола, Златоуста.

Л. 105 — Из слова в 9 день мая Пролог. Нач.: «В лѣто по тысящи девятыдесять шестое от воплощения Сына Божия при царѣ грѣчестеѣмъ Константинѣ в лѣта же русскихъ князей Всеволода в киевѣ и сына его в Черниговѣ судомъ Божиимъ и промысломъ его нашедшимъ измаилтяном на землю греческую об ону страну моря от Корсуня града ...». Конец: «...яко да явѣ непокаряющихся истинѣ в день пришествия своего безотвѣтны сотворить владыка».

Л. 106 — краткие выписки из Евангелия о Духе Святом, о грехах.

Л. 107 — Пролог 9 день сентября. Поучение святого Стефана. Нач.: «Не пи вина да не сотворитъ ти сердце осквернено властехъ похотныхъ не яждь дважды днемъ да не отолстѣеть ти плоть...». Конец: «Ничтоже внесохомъ в миръ сей ниже изнести что можемъ». Толкование 416 лист.

Л. 108 — Краткие выписки из книги Иисуса сына Сирахова, Пролога, книги Правая вера на тему греховности.

Л. 110 — Кормчая лист 144. Правило Карфагенского собора. Нач.: «Иже второе крестити кого крещение первое примша от православия различная правила отрицают...». Конец: «...таковаго без сумнения крестити подобаетъ да не размышления ради лишится бжественнаго очищения».

Л. 110 об. — даты крещения княгини Ольги, князя Владимира.

Л. 111 — краткие выписки из Апостола, Катехизиса, Кормчей, Василия Великого, Большого потребника, Матфея Иерусалимского, Апостола, Маргарита.

Л. 125 — Кормчая. «О брадобритии от Константина Авалина и еретика суца се узаконено есть на томъ бо вси знаяху яко еретическия слуги суть...».

Л. 134 — выписки слов 1, 5, 7, 10, 12 из книги Никона Черной Горы, Кормчей, Библии.

Л. 145 — Глава 14 Цвѣтник Дорофея. Нач.: «В естество бо человеки царство и нищета сиречь царство небесное и будущая мука внутрь есть человека...». Конец: «...и недостойно суть противу будущия радости единому дне тысяща лѣтъ будущая бо радость безконечна суть».

Л. 149 — Глава 15. Всякаго бо человека льститъ врагъ с часу на часъ житейскими сладостми и красотами и похотьми...». Конец: «...дондеже во плоти сей не престани от подвига дню и нощию подвизаяся о спасении своемъ».

Л. 154 — Глава 18 Цвѣтник святаго Дорофея. Нач.: «Премудро есть дѣло поистиннѣ премудро и нѣсть премудрѣ сего на семь свѣте еже есть да кто душу свою спасеть...». Конец: «...точию восходятъ на него терпящии скорби и болѣзни и смиренномудрии».

Л. 154 об. — чистый.

Л. 155 — Глава 18 Цвѣтникъ Дорофея. Нач.: «Дано бо человеку на волю суета мира сего врата на востокъ врата на западъ пути два: путь жизни и путь погибели...». Конец: «...сиречь невозможно быти человеку ангеломъ кромѣ скорбей и болѣзней даромъ».

Л. 156 об. — чистый.

Л. 157 — «Помысли убо о человеке и буди разумѣя се бо житие 80 лет или 70 или паки до 100 лѣтъ живешь богатънешъ женишися и дѣти приживеши...». Конец: «...ни власть единъ не погибнетъ всякое естество престанетъ наго обличаемо и кождо отвѣщаетъ о дѣлѣхъ своихъ» (Житие Антония Великого).

Л. 158 — «О жизни сей должно есть намъ небрежи все б еже в ней сладкое и красное еже есть богатство и слава и пища и питие и вся сласти временныя суть...». Конец: «...отходимъ отсюду смертнымъ разлучениемъ на безконечную жизнь наги суще» (Старчество слово 55).

Л. 158 об. — чистый, сверху: «Глава 17 книги святаго Дорофея».

Л. 150 — Глава 17. Нач.: «О человеке аще и тысящу лѣтъ живеши не семь свѣтѣ питаяся и наслаждаяся яко овенъ на заколение в день пира умащаяся и украшаяся яко лиса льстивая...». Конец: «Никтоже может минути чаши сея горчайшия помяни яко земля еси и в землю паки пойдеши».

Л. 160 — Катихисизъ большой глава 38 лист 156. Нач.: «Вопросъ скажи ми о человекѣ что он есть и каковъ есть человекъ». Конец: «...есть земный и небесный краткожизненъ и безсмертенъ видимъ и мысленъ посредѣ худости сыи и величества еже о тѣлѣ и души».

Л. 161 — Катихисизъ большой лист 158. Нач.: «Вопросъ каковъ бысть человекъ по грѣхопадении». Конец: «...и внезапно изъ безсмертнаго бысть смертенъ из благаго золь из святаго грѣшенъ изъ благословеннаго проклять богатъ и обнища и прочая».

Л. 162 — Глава 19 Цвѣтника Дорофея. Нач.: «Дарова бо Богъ человекомъ чувства душевная и тѣлесная душевная бо чувства се есть умъ...». Конец: «...ими же дѣлаемъ добродѣтели душевная и тѣлесная».

Л. 162 об. — Нач.: «...но приидѣте вси любящии мя и лобзайте мя послѣднимъ цѣлованиемъ...». Конец: «...кождо бо от своихъ дѣлъ или прославится или осудится» (песнь Ильи Пророка).

Л. 164 — Из погребения умершимъ миряномъ. Нач.: «Безчислено будетъ блудно живущимъ мучение скрежетъ зубомъ плач неутѣшимыи мракъ безъ

свѣта...». Конец: «и на мѣста прочихъ мукъ страшныхъ яже суть уготована на отмщение беззаконнымъ и непокоривымъ грѣшникомъ».

Л. 165 — Из погребения миряномъ. Нач.: «Весь животъ нашъ яко цвѣтъ есть дымъ же и прахъ и яко роса утренняя...». Конец: «...гдѣ очи краснии и зракъ нашъ все изше яко сѣно вся исчезнуша».

Л. 166 — притча о дворѣ и змии. Нач.: «Человекъ вселися во дворъ с женою сыномъ и с рабомъ и слаша от многихъ какъ во дворѣ но приидѣте вси любящи мя и лобзаите мя послѣднимъ цѣлованиемъ мия умерщвляѣтъ и помысли...». Конец: «Но доколѣ время имама попецемея о спасении душъ нашихъ» (Златоуст понедельник 5 или поста притча о дворѣ и змии).

Л. 169 — чистый.

УДК 821-3

А. А. Барсегян
A. A. Bargsyan

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛЕВОНА МКРТЧЯНА, ОСНОВАТЕЛЯ РОССИЙСКО-АРМЯНСКОГО (СЛАВЯНСКОГО) УНИВЕРСИТЕТА

CULTURAL AND EDUCATIONAL ACTIVITIES OF LEVON MKRTCHYAN, THE FOUNDER OF THE RUSSIAN-ARMENIAN (SLAVONIC) UNIVERSITY

Статья посвящена теме культурного диалога двух народов — русского и армянского. И рассматривает общественную и литературную деятельность академика Левона Мкртчяна, критика, теоретика художественного перевода, доктора филологических наук, основателя и первого ректора Российско-Армянского (Славянского) университета. Деятельность Л. М. Мкртчяна стала вехой в истории развития русско-армянских культурных и литературных связей, способствовала сближению национальных культур русского и армянского народов.

Ключевые слова: *русско-армянские литературные связи, российско-армянский университет, литературные переводы.*

The article is devoted to the topic of cultural dialogue between the two peoples — Russian and Armenian. And he considers social and literary activity of academician Levon Mkrтчyаn, critic, theoretician of artistic translation, doctor of philological sciences, founder and first rector of the Russian-Armenian (Slavonic) University. LM Mkrтчyаn's activities marked a milestone in the history of the development of Russian-Armenian cultural and literary connections, helped to bring together the national cultures of the Russian and Armenian peoples

Keywords: *Russian-Armenian literary connections, Russian-Armenian University, literary translations.*

Неоценим вклад просветителей, деятелей культуры, искусства, политиков в культурный диалог двух народов. Навсегда в памяти русского и армянского народов славные имена: А. Грибоедова, В. Брюсова, М. Сарьяна, И. Айвазовского, А. Хачатуряна, А. Микояна, маршала И. Баграмяна и других. В настоящее время Россия и Армения, два независимых государства, активно сотрудничают в политической, военной, экономической и культурной сферах.

Культурный диалог зависит от личности, а его результат определяется масштабом личности. Данная статья посвящена академику Левону Мкртычевичу

Мкртчяну, критику, теоретика художественного перевода, доктору филологических наук, основателю и первому ректору Российско-Армянского (Славянского) университета.

Деятельность Л. М. Мкртчяна стала вехой в истории развития русско-армянских культурных и литературных связей. Актуальность предложенного материала не вызывает сомнений, поскольку в эпоху становления независимых государств важно оценить вклад тех ученых, которые способствовали сближению национальных культур народов. Деятельность ученых-просветителей, теоретическая и практическая значимость работ в области культуры, образования и литературы позволяют говорить о том, что этот опыт актуален и ценен.

В настоящее время о Л. М. Мкртчяне изданы работы М. Г. Джанполадян и А. Мадояна. Это книги воспоминаний коллег, переводчиков о деятельности ученого. Дважды издавалась библиография трудов ученого [1].

М. Г. Джанполадян в книге «Краски души и памяти» называет ученого открывателем «русского» Нарекаци. А. Мадоян, автор книги «Пусть не гаснет свет в окне Левона», приводит высказывания коллег, друзей Л. М. Мкртчяна.

Л. М. Мкртчян вел научные изыскания в университете: «С 1958 года до конца жизни работал в ЕГУ, прошёл путь от лаборанта кафедры русской литературы до декана факультета русской филологии, заведующего кафедрой русской литературы... В 1998 г. совместным указом премьер-министров России и Армении был назначен ректором Российско-Армянского (Славянского) государственного университета... Левон Мкртчян — автор 35 книг (автобиографическая проза, путевые заметки, мемуарные очерки, публицистика; сборники научных и литературоведческих статей). Составитель, автор предисловий и примечаний, а в ряде случаев и соавтор 82 книг» [1].

Рассматривая научное наследие Л. М. Мкртчяна, обратимся к работам, которые посвящены русско-армянским культурным и литературным связям, а также проблемам художественного перевода.

Одна из первых научных работ Л. М. Мкртчяна «Аветик Исаакян и русская литература» была издана в Ереване в 1963 году. Она посвящена творчеству армянского поэта, высоко ценившего древнюю русскую литературу и творчество классиков: А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Гоголя, А. Чехова. О них поэт писал статьи, заметки для армянского читателя, способствуя культурному диалогу.

Л. М. Мкртчян акцентирует внимание на отношении А. Исаакяна к «высокой» поэзии А. Пушкина и особенно к поэзии М. Лермонтова, которой он «вдохновлялся». Ученый отмечает: несмотря на то, что в творчестве А. Исаакяна пытались увидеть воздействие «поэтической культуры символизма» (В. Брюсов), поэт оставался в целом автором «простых и ясных» песен. Критик согласен с С. Шервинским в том, что в лирике А. Исаакяна заметно влияние интонаций Фета и Блока. Л. Мкртчян акцентирует внимание на сходных мотивах поэзии А. Блока и А. Исаакяна: одинаковое миропонимание времени и трагических социальных условий «страшного мира». В связи с этим критик уделяет особое внимание переводам лирики А. Исаакяна, выполненных А. Блоком. Переводы А. Блока были помещены в книге «Поэзия Армении», изданной В. Я. Брюсовым в 1916 году. Поэт перевел те стихи, в которых чувствуется влияние народной пес-

ни. Именно в этих переводах, по мнению критика, проявилось умение А. Блока не только передать богатство армянского языка, но и показать духовный мир поэта, а значит и народа, представителем которого он является.

Л. М. Мкртчян подчеркивает, что А. Блок выделил «сущностные» черты лирики А. Исаакяна — «непосредственность и свежесть». К переводам армянского поэта А. Блок, как считает ученый, подошел творчески. Он «передавал народные выражения словосочетаниями, которые несли бы на себе признаки народности речи, но без подчеркнутой русификации» [2, с. 91]. А. Блок особое внимание уделяет метру и ритму стиха, интонации автора, звукописи, благодаря которым вводились новые элементы в русскую литературу и культуру, оживал колорит, краски Востока в новом произведении. По мнению критика, эти переводы стали достоянием русской культуры и подтвердили способность одной культуры осваивать достижения другой. Благодаря переводам А. Блока, А. Исаакян привлек внимание других переводчиков, критиков, композиторов.

Дружба и творческие отношения связывали Л. М. Мкртчяна с В. К. Звягинцевой и с М. С. Петровых, поэтами и переводчиками. Анализируя переводы В. К. Звягинцевой, Л. М. Мкртчян говорит о трудностях в работе переводчика, который на русском языке передает «разницу поэтического мышления» поэтов разных эпох и культур. Подобный межъязыковой диалог особенно важен, когда переводы касаются вечных вопросов бытия. В очерке «Поэт», посвященном М. С. Петровых, Л. М. Мкртчян пишет о мастерстве переводчика, сумевшего блистательно перевести трагедию Н. Зарьяна «Ара Прекрасный»: «Она сохранила высокий слог речи персонажей, не подменив его цветистостью, сохранила лапидарность языка...» [3, с. 387]: Светла армянская гора Масис, // Как царь армян — Ара. // Не клонится армянский кипарис, — // Могучий стан Ара... // [6, с. 161].

С большим мастерством, по мнению критика, М. Петровых рисует «сердечную мягкость и суровую откровенность» лирики М. Маркарян и С. Капутикян. Перед читателем встают героини стихов: скромные, страдающие, любящие, гордые. Такова ментальность героинь, переданная языком поэзии на русский язык. Несомненной заслугой Л. М. Мкртчяна было издание единственной прижизненной книги стихов М. Петровых «Дальнее дерево».

Вспоминая К. Чуковского, Л. М. Мкртчян говорит об интересе русского поэта к творчеству Ованеса Туманяна, которого называет «мудрым поэтом». Восхищаясь переводами С. Маршака, К. Чуковский был требователен к переводам Н. Гребнева, который много переводил с армянского. Как вспоминает Л. М. Мкртчян, он предлагал поэту больше работать над языком, чтобы сохранить колорит восточной сказки, познакомить читателя с культурой народа.

С изданием «Книги скорбных песнопений» Гр. Нарекаци (1969 г.) в русскую культуру вошел пласт армянской средневековой культуры. По мнению Л. М. Мкртчяна, «Книга» Гр. Нарекаци — «крик о том, что жизнь и человек несовершенны» [5, с. 37]. Ученый приходит к выводу, что, несмотря на разницу тем и сюжетов, есть общие черты у героя Гр. Нарекаци и героев книг Достоевского: они «страдали за людей», терзались «муками мира», боролись

со злом. А это уже общечеловеческие культурные ценности. Л. М. Мкртчян подготовил к этой работе подстрочники (совместно с переводчиками), предисловие и примечания, которые в последующих изданиях дополнялись. Издать книгу Гр. Нарекаци в СССР, а эта книга — собрание молитв, было непросто. Л. М. Мкртчян высоко оценил перевод Н. Гребнева, который перевел «Книгу» шестистопным ямбом, хотя она была написана верлибром на древнеармянском языке (грабаре). «Книга скорбных песнопений» вызвала восторженные отклики деятелей культуры.

Суммируя вышесказанное, можно сделать вывод, как Л. М. Мкртчян относился к переводу и как оценивал деятельность переводчика: перевод — форма культурного сотрудничества; «переводчик — писатель... деятель своей национальной культуры» [4, с. 67]; переводчик — это не соавтор, а автор, пишущий на другом языке; при переводе создаются новые произведения; переводчик должен передать суть переводимого произведения; переводчик должен передать на своем языке особенности образного поэтического мышления автора, манеру его письма; задачи, возникающие при переводе, имеют «конкретные решения» [4, с. 139].

Несомненно, что книги переводов, изданные при непосредственном участии Л. М. Мкртчяна, позволяют сравнить его деятельность с деятельностью В. Я. Брюсова, который, будучи переводчиком и редактором книги «Поэзия Армении» (1916 г.), познакомил общественность страны с культурой и литературой армянского народа.

Процессы, связанные с изменением политического устройства на территории бывшего СССР в 90-е годы XX века, понизили интенсивность культурных связей между новыми государствами. Л. М. Мкртчян понимал, что после распада СССР, разрыва связей в образовании, культуре, литературе, открытие российского вуза в Армении становится необходимостью, поскольку исчезает перспектива развития в области образования и культуры.

В. П. Ступишин, первый посол России в Армении (1992—1994) и автор книги «Моя миссия в Армении», вспоминает, что Л. М. Мкртчян призывал открыть университет еще в начале 90-х [7].

В 1997 году в Москве был открыт государственный вуз, Российско-Армянский (Славянский) университет (РАУ), ставший одним из центров образования в Закавказье. Учебный процесс в университете начался в 1999 году. Возглавил университет Л. М. Мкртчян. В течение нескольких лет были проведены структурные изменения. В настоящее время в РАУ функционируют пять институтов, тридцать пять кафедр, обучение ведется на русском и армянском языках. В составе университета научные центры, группы, лаборатории. Среди них Институт русской словесности, Центр российско-армянских культурных и литературных инициатив, Мемориальный кабинет Левона Мкртчяна. «В задачи Центра входит... изучение и пропаганда огромного наследия Л. Мкртчяна. Центр оказывает помощь всем, кто занимается его творчеством и действует в Мемориальном кабинете Л. Мкртчяна» [1]. Здесь проводятся вечера, конференции, издаются книги. В РАУ учреждена стипендия им. Л. М. Мкртчяна, а в республике — литературная премия имени Л. М. Мкртчяна.

Подводя итоги, можно сказать, что культурно-просветительская деятельность Л. М. Мкртчяна способствовала и способствует укреплению дружбы между народами России и Армении. Она служит сохранению позиций русского языка в Закавказье и является примером для выстраивания отношений в сфере культуры в новых исторических условиях.

* * *

1. Мкртчян Л. М. Основатель и первый ректор РАУ, писатель и литературовед. URL.: <http://gau.am/lmkrтчyan/?cid=9&bid=15> (дата обращения: 31.01.2016).
2. Мкртчян Л. М. О стихах и переводах. Ереван: Айастан, 1965. 232 с.
3. Мкртчян Л. М. Поэт // Мария Петровых. Черта горизонта. Стихи и переводы. Воспоминания о М. Петровых. Ереван: Советакан грох, 1986. 408 с.
4. Мкртчян Л. М. Черты родства. Ереван: Айастан, 1973. 220 с.
5. Нарекаци Гр. Стихи. Книга скорбных песнопений / послесловие Л. М. Мкртчяна. Ереван: Айастан, 1969. 50 с.
6. Петровых М. Черта горизонта. Стихи и переводы. Воспоминания о Марии Петровых. Ереван: Советакан грох, 1986. 408 с.
7. Ступишин В. П. Моя миссия в Армении. URL.: <http://www.armenianhouse.org/stupishin/docs-ru/mission/19.html> (дата обращения: 20.01.2016).

Т. С. Канева
T. S. Kaneva

АНДРЕЮ НИКОЛАЕВИЧУ ВЛАСОВУ — 60 ЛЕТ

ANDREI NIKOLAEVICH VLASOV — 60 YEARS

В научно-биографическом тексте Андрея Николаевича Власова можно выделить, как представляется, три основных хронотопа: Котлас, Сыктывкар и Ленинград/Санкт-Петербург. Это не столько даже главные пространственно-временные точки, образующие линию его жизни (из Котласа — в Сыктывкар, из Сыктывкара — в город на Неве), сколько «узлы», централизующие взаимосвязанные в разных измерениях подпространства планеты Власова.

В Котласе Андрей Николаевич родился (17.10.1955), Котласская — Вычегодская, Вычегодско-Устюжская, Вычегодско-Двинская — земля стала одним из главных объектов его изучения, ее книжной и фольклорной культуре посвящены наиболее значительные труды юбиляра [2—6]. Сыктывкар и Санкт-Петербург сначала поочередно стали «университетами» Андрея Николаевича, а затем и территорией воплощения его профессиональных знаний и умений. Этот этап начался с подготовительного отделения филфака СГУ (1975—1981), за которыми последовала аспирантура при кафедре русской литературы ЛГУ (1981—1985), а также знакомство со специалистами других научных и образовательных учреждений Ленинграда. Этот период ученичества был связан с постижением практически незнакомых абитуриенту Андрею Власову областей филологии и встречами с авторитетными и щедрыми на знания учителями.

Одним из первых наставников А. Н. Власова стала заведующая кафедрой русской литературы СГУ Таисия Яковлевна Гринфельд-Зингурс, направленная из Ленинградского государственного университета в недавно открывшийся в Сыктывкаре подшефный вуз (1972 г). Т. Я. Гринфельд-Зингурс стала научным руководителем дипломного сочинения А. Н. Власова «Становление художественного метода М. Пришвина (на материале ранних очерков)». В своем отзыве она поощрила обращение дипломника к архивным источникам, и за этой похвалой можно усмотреть интерес А. Н. Власова не только непосредственно к литературоведению, но и к источниковедению, занявшему впоследствии в его трудах важнейшее место.

За годы обучения в СГУ А. Н. Власов стал активным участником археографических экспедиций на Печору, которые в то время начала организовывать, привлекая к этой деятельности студентов, недавняя выпускница ЛГУ, ученица специалиста по древнерусской литературе Натальи Сергеевны Демковой Татьяна Федоровна Волкова. В результате Андрей Николаевич, окончивший



Таисия Яковлевна Гринфельд-Зингурс и Андрей Николаевич Власов, 2010 г., г. Пушкин

Сыктывкарский университет со значительным опытом перспективной в регионе в целом и в вузе в частности археографической работы, был направлен в аспирантуру ЛГУ к Н. С. Демковой для углубленного исследования древнерусской литературы. В Ленинграде он познакомился со специалистами Пушкинского Дома и Библиотеки Академии наук, в частности под началом Александра Александровича Амосова проходило совершенствование навыков археографической работы. По окончании аспирантуры в 1985 г. А. Н. Власов защитил кандидатскую диссертацию «Проблемы изучения книжной и литературной традиции Великого Устюга и Сольвычегодска XVI—XVII вв.», посвященную письменной культуре родных ему мест.

Экспедиции на Печору, а именно в Усть-Цильму, край, богатый не только рукописными древностями, но и устным народным творчеством, привлекли внимание начинающего исследователя и к этой области духовной культуры. Интерес, прежде всего к собиранию, а также изучению фольклора, поддержанный Т. Я. Гринфельд-Зингурс, еще в студенческие годы привел А. Н. Власова в ленинградскую консерваторию к Анатолию Михайловичу Мехнецову, и началось сближение сыктывкарских филологов с фольклористами-музыковедами. В 1981 и 1982 гг. группа студентов СГУ под руководством Власова была направлена на фольклорную практику в Верхнетоемский и Пинежский районы Архангельской области в составе экспедиций консерватории, где сыктывкарцы приобретали бесценный опыт полевой фольклористической работы. В результате этих поездок сыктывкарские студентки, зараженные любовью к традиционной культуре и народному пению, организовали в СГУ свой фольклорный ансамбль. За несколько лет существования через него прошли представители многих поколений студентов СГУ, а благодаря своей широкой популяризаторской деятельности, возглавляемой научным руководителем коллектива — А. Н. Власовым (абонементные концерты-лекции, телепередачи, праздничные вы-

ступления и др.), ансамбль долгие годы был одним из ярких явлений студенческой и культурной жизни Сыктывкара. Во многом именно в первых («консерваторских») экспедициях и занятиях в ансамбле берет свое начало профессиональная биография одной из младших сподвижниц Андрея Николаевича Зинаиды Мехреньгиной. Несколько лет она работала в фольклорной лаборатории СГУ, а в 1991 г. вместе с дипломником А. Н. Власов Алексеем Бильчуком и сотрудником лаборатории Валентиной Никифоровной Земцовой отправилась налаживать «фольклорное дело» в Сольвычегодске одну из «научных вотчин» юбиляра.

По возвращении из Ленинграда в СГУ А. Н. Власов приступил к чтению лекционного курса по русскому устному народному творчеству и к организации планомерной деятельности по сбору и изучению фольклора. В 1986 г. в рамках учебной практики им было организовано две фольклорные экспедиции — на север, в Усть-Цилемский район республики (бассейн Печоры), и на юго-запад — в пограничный с Коми Вилегодский район Архангельской обл. (бассейн Вычегды). Эти поездки положили начало многолетнему экспедиционному исследованию печорских и вычегодских традиций.

Ориентируясь на высокие образцы «фольклорного дела», усвоенные в Ленинграде, уже после первых экспедиций А. Н. Власов начал упорядочивать полученные записи в отдельные коллекции, описывать и систематизировать их. В эту деятельность (фондирование, составление реестров, указателей и расшифровок, их машинописный набор, подготовка аудиоподборок и т. д.) Андрей Николаевич активно вовлекал студентов-«экспедиционеров». Так в Сыктывкарском университете появился Фольклорный архив, который без большого преувеличения можно считать одним из предметов гордости вуза.

Свежий полевой материал практически сразу становился объектом изучения сначала в курсовых, а затем и в дипломных исследованиях студентов, которыми руководил А. Н. Власов*, и нередко такие труды со временем вырастали до научных публикаций. Так, практически все статьи вилегодского сборника [8] написаны на основе дипломных сочинений; выпускники и аспиранты принимали участие в подготовке коллективной монографии по Вашке [7], с одним из студенческих исследований совпала подготовка к изданию сборника песенно-игрового фольклора Усть-Цильмы [1].

Таким образом, благодаря энергии и системно выстроенной работе, можно сказать, «стратегичности» Андрея Николаевича, «фольклорное движение» в СГУ быстро обрело свое пространство и формы. Фольклорный ансамбль, экспедиции, фольклорный архив, студенческий семинар оказались по-разному привлекательными для многих студентов филологического и исторического факультетов, для одних — романтикой поездок и встреч с новыми людьми, для других — новым интересным делом, для третьих — изучением истории культуры своей малой родины. Так вокруг А. Н. Власова образовалась группа молодежи, увлеченная традиционной народной культурой. Уже в 1987 г. декан филфака Лидия Яковлевна Петрова, чувствуя, что рождается новое большое дело, не

* Первая дипломная работа под руководством А. Н. Власова была защищена в 1990 г.: Шевченко Е. А. Свадебные песни Вилегодского района Архангельской области.



Лидия Яковлевна Петрова и Андрей Николаевич Власов, конец 1980-х гг., Сыктывкар

смогла не уступить напору фольклористов и выделила помещение для кабинета. В 1988 г. по инициативе сыктывкарских ученых была открыта Проблемная научно-исследовательская лаборатория фольклорно-археографических исследований, работу которой возглавили доценты Т. Ф. Волкова и А. Н. Власов. Здесь быстро сложился молодой и перспективный коллектив из преподавателей, аспирантов, выпускников СГУ. Ведущими направлениями работы фольклористов и археографов стал сбор источников по духовной культуре европейского северо-востока России в целом и по отдельным культурным центрам Русского Севера, их изучение и популяризация.

Собирательская работа лаборатории практически полностью осуществлялась под руководством А. Н. Власова. Уже с 1987 г. начинается постепенное расширение географии полевых исследований: сначала по Печоре (с охватом практически всех районов, расположенных с верховьев до устья) и Вычегде (Ленский, Котласский районы); затем в 1990 г. были организованы экспедиционные выезды на юг республики, тем самым фольклористы СГУ вышли на обследование зоны коми-вятского пограничья, и с 1991 по 1997 гг. полевые работы были сосредоточены главным образом в северных районах Кировской обл. Интерес к традициям старообрядцев, с одной стороны, и к бытованию русского фольклора на территории расселения коми — с другой вызвал также поездки на восток и запад республики, где сложились старообрядческие поселения (в верховья р. Вычегды и на р. Вашку), а также в другие районы Коми и Архангельской области. Стратегия полевой работы СГУ в 1980—1990-х гг. определялась А. Н. Власовым как решение нескольких задач: во-первых, многоаспектное описание современного состояния локальных традиций, сложившихся в регионе; во-вторых, исследование контактных зон коми и русской традиций и изучение характерного для межэтнической среды феномена культурного двуязычия; в-третьих, изучение устной и книжно-рукописной традиций старообрядческого населения региона.

Авторитет Андрея Николаевича был значителен не только в кругу лаборатории, и в 1990 г. он стал деканом филологического факультета СГУ. На этом посту он продолжал укреплять как свои собственные профессиональные позиции, защитив в 1995 г. докторскую диссертацию, так и фольклористические позиции факультета, создавая благоприятные условия для профессионального роста своих учеников: в 1993 г. для студентов-филологов им была открыта дополнительная специализация по фольклористике, в 1994 г. организована кафедра фольклора и истории книги, преподавателями которой стали в первую очередь выпускники А. Н. Власова; в 1996 г. на молодой кафедре появилась аспирантура по специальности «фольклористика».

Чувствуя свой авторитет, Андрей Николаевич тем не менее не замыкал нас, своих студентов, а позже коллег, на себе и вместе с нами продолжал учиться и постигать глубины народознания, приглашая в Сыктывкар для лекций-встреч со студентами крупных интересных специалистов, таких как А. М. Мехнецов, Ю. И. Марченко, А. Н. Захаров, Л. Н. Иванищенко, А. Н. Розов, О. Р. Николаев и др.; организуя совместные экспедиции, прежде всего с «пушкинодомовцами» — музыковедами-фольклористами Ю. И. Марченко и А. Ю. Кастровым, археографом Г. М. Прохоровым; выводя студентов на «взрослые» конференции, которые собирали в свое время в Сыктывкаре известных ученых. Вообще, к своим ученикам А. Н. Власов относится с большим доверием и большими надеждами, и вряд ли ошибочным будет сказать, что еще в студенческие годы нас, его студентов, не покидало ощущение самостоятельности, практически равноправной включенности в общее дело и связанной с этим ответственности. В отношении к ученикам проявился один из наиболее заметных талантов юбиляра — стремление окружать себя деятельными людьми, «расставлять своих людей» (по его выражению) по нужным позициям, определять задачи их деятельности в контексте общих целей. Так, дипломники и диссертанты Андрея Николаевича представляют «школу Власова» не только в СГУ, но и в ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, ИРЛИ РАН, РГПУ им. А. И. Герцена.

Будучи профессором провинциального (сыктывкарского) вуза, А. Н. Власов, как представляется, избегал провинциальности мышления и поведения и старался соотносить свои планы и задачи с «большой наукой», с крупными научными центрами. Это устремление сочетается с такими качествами ученого, как открытость, установка на партнерство и «командность» в построении профессиональных отношений, на союзничество в отношениях «учитель — ученик», «наставник — подопечный». Эта своего рода программа поведения самым положительным образом сказалась, в частности, на результативности сыктывкарского фольклористического центра в экспедиционной, издательской и образовательной деятельности. В этом контексте кроме уже названных петербургских кураторов и партнеров сыктывкарских фольклористов хочется отметить дружбу А. Н. Власова с членом-корреспондентом РАН Виктором Михайловичем Гацаком (ИМЛИ), оказывавшем Сыктывкару свою авторитетную поддержку; сотрудничество с Государственным республиканским центром русского фольклора и другими родственными учреждениями. Большое значение для гармоничности развития фольклористической деятельности в коми-русском регионе имел и

союз Андрея Николаевича с его однокурсницей Валентиной Филипповой, ученицей известного финно-угроведа А. К. Микушева, которая в определенный момент, почувствовав значимость деятельности фольклористов-русистов, сначала принесла в лабораторию свои полевые материалы и привела туда своих студентов, следом направила своих выпускников в аспирантуру кафедры фольклора и истории книги, а потом и сама перешла на кафедру Власова, выезжая с ним и его учениками в экспедиции и на конференции, готовя с ними публикации и развивая студенческие фольклористические исследования.

Стремление к новым горизонтам, жажда новых дел и ощущений в начале 2000-х гг. увела Андрея Николаевича в Санкт-Петербург. Но именно Сыктывкар, этот срединный и пока самый продолжительный отрезок пути А. Н. Власова, стал местом устройства им своего собственного мира (который продолжает жить и на расстоянии от него), создания прецедентов, образцов для будущих деяний на других территориях. С именем Андрея Николаевича Власова связаны яркие страницы в истории Сыктывкарского государственного университета. Сам выпускник этого вуза, он сторицей воздал ему за свое образование и за встречи с учителями, послужив в родном университете на разных постах, укрепив его научные и общественные позиции, подготовив для него молодые кадры. Можно сказать, что именно здесь Андрей Николаевич строил дома, садил деревья и растил детей, хотя — учитывая молодой возраст юбиляра и масштабность его деятельности, правильнее, пожалуй, говорить «начал строить... садить... растить», и окончательные итоги подводить еще рано. Оставим это для следующих юбилеев.

* * *

1. А в Усть-Цильме поют. Традиционный песенно-игровой фольклор Усть-Цильмы (сборник к 450-летию села) / подгот. текстов и коммент. А. Н. Власова, З. Н. Бильчук, Т. С. Каневой; музыкальные расшифровки А. Н. Захарова; вступ. статья А. Н. Власова, Т. С. Каневой. СПб., 1992.

2. Власов А. Н. Житийные повести и сказания о святых юродивых Прокопии и Иоанне Устюжских / отв. ред. Г. М. Прохоров. СПб., 2010.

3. Власов А. Н. Сказания и повести о местночтимых святых и чудотворных иконах Вычегодско-Двинского края. СПб., 2011.

4. Власов А. Н. Устюжская литература XVI—XVII веков: историко-литературный аспект. Сыктывкар, 1995.

5. Музыкально-поэтический фольклор нижней Вычегды-2014 — Музыкально-поэтический фольклор нижней Вычегды (материалы к Своду русского фольклора) / сост., подготовка текстов, статьи и комментарии А. Н. Власова, Е. А. Дороховой, Т. С. Каневой, З. Н. Мехреньгиной; отв. ред. А. Н. Власов. СПб.: Пушкинский Дом, 2014.

6. Соскин А. И. История города Соли Вычегодской / Сост. А. Н. Власов. Сыктывкар, 1997.

7. Старообрядческий центр на Вашке. Устная и письменная традиция Удоры: Материалы и исследования / отв. ред. и сост. А. Н. Власов. Сыктывкар, 2002.

8. Традиционный фольклор Вилегодского района Архангельской области (в записях 1986—1991 гг.): Исследования и материалы / отв. редактор А. Н. Власов. Сыктывкар, 1995.

А. Н. Власов: хронологический список трудов

1. Идеино-тематическое своеобразие устюжских и сольвычегодских житий XVII в. // Стилль и время. Развитие реалистического повествования: межвузовский сборник научных трудов. Сыктывкар, 1986. С. 18—30.
2. Житие Логгина Коряжемского // Памятники письменности в музеях Вологодской области: каталог-путеводитель. Вологда, 1987. Ч. 1. Вып. 2. С. 417—428.
3. Археографическая экспедиция на Тарногу летом 1984 г. // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей и редкой книги БАН СССР. 1985. Л., 1987. С. 258—267 (в соавторстве с А. А. Амосовым, Л. А. Петровой).
4. К вопросу о происхождении цикла сказаний о Прокопии и Иоанне Устюжских // Литература Древней Руси. Источниковедение. Л., 1988. С. 144—159.
5. Художественная функция «иконы» в агиографических сказаниях Великого Устюга и Сольвычегодска XVI—XVII вв. // Персонаж и предметный мир в художественном произведении: межвузовский сборник научных трудов. Сыктывкар, 1988. С. 6—22.
6. Александр Вятский — писатель и книжник XVII в. // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1988. Т. 41. С. 375—381 (в соавторстве Н. Ю. Бубновым).
7. Неизученные историко-литературные памятники Устюжского края XVII в. // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1988. Т. 41. С. 400—405.
8. Типы Устюжской четьей книги в XVII—XVIII вв. // Рукописная и печатная книга в России. Проблемы создания и распространения. Сборник научных трудов. Л., 1988. С. 93—103.
9. Житие Прокопия Устюжского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. (вторая половина XIV—XVI вв.). Ч. 1. А—К. Л., 1988. С. 322—324.
10. Житие Иоанна Устюжского юродивого // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI вв.). Ч. 1. А—К. Л., 1988. С. 268—269 (в соавторстве с О. А. Белобровой).
11. Усть-цилемское собрание // Памятники письменности в хранилищах Коми АССР. Каталог-путеводитель. Сыктывкар, 1989. Ч. 1. Вып. 1. С. 136—242.
12. Краткая повесть о житии Прокопия Устюжского // Устные и письменные традиции в духовной культуре народов Севера: межвузовский сборник научных трудов. Сыктывкар, 1989. С. 107—120 (в соавторстве с Е. А. Рыжовой).
13. Общая характеристика Усть-цилемской фольклорной традиции (Проблемы собирания и изучения) // Устные и письменные традиции в духовной культуре народов Севера: межвузовский сборник научных трудов. Сыктывкар, 1989. С. 15—32.
14. Книжная культура Устюга Великого и Сольвычегодска в XVI—XVII вв.: учебное пособие. Сыктывкар, 1991.
15. О памятниках устюжской литературной традиции XVI—XVII вв. (Создатели и составители некоторых литературных произведений Великого Устюга и Соли Вычегодской) // Книжные центры Древней Руси. XI—XVI вв. СПб., 1991. С. 313—343.
16. Некоторые проблемы генезиса старообрядческой книжной культуры на Удоре (по материалам археографических экспедиций Сыктывкарского университета) // Источники по истории народной культуры Севера: межвузовский сборник научных трудов. Сыктывкар, 1991. С. 105—110.
17. Библиотеки церковных иерархов в Устюжском крае в конце XVII в. // Книга в культуре Урала XVI—XIX вв.: сборник научных трудов. Екатеринбург, 1991. С. 34—43.

18. А в Усть-Цильме поют... Традиционный песенно-игровой фольклор Усть-Цильмы (сборник к 450-летию села) / подгот. текстов и коммент. А. Н. Власова, З. Н. Бильчук, Т. С. Каневой; вступ. статья А. Н. Власова, Т. С. Каневой. (Б. м.), 1992.
19. Книжная литературная традиция Сольвычегодска XVI—XVII вв. // Проблемы изучения традиционной культуры Севера (К 500-летию города Сольвычегодска): межвузовский сборник научных трудов. Сольвычегодск, 1992. С. 5—32.
20. Произведение Александра епископа Вятского «Вопросы к собору наименьшего из архиереев» // Там же. С. 72—79 (в соавторстве с Т. Б. Парамоновой).
21. К вопросу о новых источниках по изучению Сольвычегодско-Устюжского края (деятельность Великоустюжского православного Стефано-Прокопьевского братства) // Там же. С. 80—86 (в соавторстве с А. Н. Манаковым, Ю. В. Савельевым).
22. Археографическая работа Сыктывкарского университета на верхней Печоре // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1993. Т. 43. С. 401—403.
23. Экспедиционная работа Сыктывкарского университета // Русский фольклор. СПб., 1993. Т. 27. С. 333—334.
24. Содержание усть-цилемского церковного летописца // Научные экспедиции и исследования Коми края: тезисы докладов 5 Научной краеведческой конференции Республики Коми. Сыктывкар, 1993. С. 14—16 (в соавторстве с Т. С. Каневой).
25. Археографическая работа Сыктывкарского университета в районе средней Печоры // Российское государство XVII — начала XX в.: тезисы докладов конференции, посвященной 380-летию восстановления российской государственности (1613—1993). Екатеринбург, 1993. С. 27—28.
26. Некоторые проблемы формирования фольклорной севернорусской традиции // Проблемы культурогенеза и культурное наследие: материалы конференции. Ч. 3. СПб., 1993. С. 109 —111.
27. Сказания о чудотворных иконах Устюжского края XVI—XVII вв. // Книжные центры Древней Руси. XVII век. Разные аспекты исследования. СПб., 1994. С. 215—244.
28. «Сольвычегодская старина» В. Попова в истории изучения культуры города // Сольвычегодская старина: материалы и исследования к 500-летию г. Сольвычегодска. Сыктывкар, 1994. С. 55—200 (в соавторстве с Ю. В. Савельевым).
29. Традиционный фольклор Вилегодского района Архангельской области (в записях 1986—1991 гг.): исследования и материалы / отв. редактор А. Н. Власов. Сыктывкар, 1995.
30. Устюжская литература XVI—XVII веков: историко-литературный аспект. Сыктывкар, 1995.
31. История Пермской епархии в памятниках письменности и устной прозы. Сыктывкар, 1996.
32. Соскин А. И. История города Соли Вычегодской / сост. А. Н. Власов. Сыктывкар, 1997.
33. Илья Муромеч (статья), Кирьян Варьян (статья), Мича Роман (статья), Романича (статья), Педор Кирон (статья), Олексея божья (статья) // Мифология коми. Энциклопедия уральских народов. Москва—Сыктывкар, Т. 1. 1999. С. 164—165; 195—197; 239—240; 333; 292; 274—275.
34. On the History of the Old Belief in the Komi Republic // “Silent as waters we live”: Old Believers in the Russia and abroad. Cultural encounter with the Finno-Ugrians. SKS/FLS. Studia Fennica. Folkloristica 6. Helsinki, 1999. P. 62—74.

35. «Костюм» юродивого на Русском Севере (проблемы художественной инверсии образа) // Народный костюм и современная молодежная культура: сборник статей. Архангельск, 1999. С. 42—51.
36. Мича Роман и Романича // Связь времен. Сыктывкар, 2000. С. 67.
37. «В пух-прах разрушающий» // Связь времен. Сыктывкар, 2000. С. 75.
38. Фольклорное двуязычие в традиционной культуре коми // Традиционная культура. 2000. № 2.
39. Исторические концепции прошлого Севера: опыт деконструкции // Коренные этносы Севера европейской части России: материалы международной конференции. Сыктывкар, 2000. С. 376—378.
40. Сказители печорских старин // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера: доклады III Международной научной конференции «Рябининские чтения — 99». Петрозаводск, 2000. С. 42—49.
41. Образ «пьяницы» в народной литературе Севера // Мужской сборник. Вып. 1. Мужчина в традиционной культуре: социальные и профессиональные статусы и роли. Сила и власть. Мужская атрибутика и формы поведения. Мужской фольклор. М., 2001. С. 152—162.
42. Игры со смертью в усть-цилемской культурной традиции // Человек в информационном измерении. Екатеринбург, 2001. С. 86—95.
43. Русский фольклор в Республике Коми // Атлас Республики Коми. М., 2001. С.358—359. (в соавт. с Т. С. Каневой).
44. Русский свадебный обряд и свадебная поэзия в Республике Коми // Республика Коми. Вступая в третье тысячелетие: мультимедийный диск в 2-х частях. М., 2001. Ч. 2. (2 п. л.). М., 2001. Ч. 2. (в соавт. с Т. С. Каневой).
45. Свадьба. Похороны. Рождение // Lexicon der russische kulture. Frankfurt, 2002. S. 341, 343, 257.
46. «Пляска смерти» в фольклорной культуре Усть-Цильмы // Традиционные модели в фольклоре, литературе, искусстве. СПб., 2002. С. 129—139.
47. Коми старообрядцы Печорского края // Взаимодействие книжных традиций Поморья, Урала и Сибири в XVII—XX вв.: сборник научных статей. Екатеринбург, 2002. С. 168—181.
48. Старообрядческий центр на Вашке. Устная и письменная традиция Удоры: Материалы и исследования / отв. ред. и сост. А. Н. Власов. Сыктывкар, 2002.
49. Литературная история жития Праведного Прокопия: вступительная статья. Комментарии // Житие святого праведного Прокопия Христа ради юродивого Устюжского чудотворца. М., 2003. С.103—122.
50. Русские сюжеты в коми фольклоре. Проблемы формирования эпических форм // Этнопоэтика и традиция: сборник научных статей в честь 70-летия В. М. Гацака. М., 2003. С. 78—114.
51. Проблемы формирования фонда редких книг фундаментальной библиотеки им. импер. Марии Федоровны // Материалы международной науч.-практич. конференции. 8—11 дек. 2003. СПб., 2003. С. 116—122.
52. Коллекция книг детской литературы в фонде редких книг фундаментальной библиотеки им. импер. Марии Федоровны // Там же. 8—11 дек. 2003. СПб., 2003. С. 183—186.

53. Традиция осмысления одного сюжета: «История о Фроле Скобееве» и «Домик в Коломне» А. С. Пушкина // «Он видит Новгород Великой...»: материалы VII международной пушкинской конференции «Пушкин и мировая культура». СПб.; В. Новгород, 2004. С. 4—14.
54. Былины Печеры: Рец. // Традиционная культура. 2004. № 1. С. 92—94.
55. Устная память традиции в контексте письменной культуры // Первый Всероссийский конгресс фольклористов: сборник М., 2006. Т. 2. С. 228—243.
56. К проблеме феноменологии локальной традиции (по результатам исследования фольклорной культуры Европейского северо-востока России) // Народная культура Европейского севера России: региональные аспекты изучения: сборник научных трудов к 10-летию кафедры фольклора и истории книги. Сыктывкар, 2006. С. 16—38 (в соавторстве с Т. С. Каневой).
57. Формы городского текста культуры севернорусской провинции // Историко-культурное наследие Русского Севера. Проблемы изучения, сохранения и использования: материалы IX Каргопольской научной конференции / науч. ред. Н. И. Решетников, и. В. Онучина. Каргополь, 2006. С. 262—274.
58. Фольклористическая деятельность Сыктывкарского университета: итоги и перспективы // В. И. Лыткин и филологические науки в Республике Коми. Сыктывкар, 2006. С. 78—86. (в соавт. с Т. С. Каневой, В. В. Филипповой).
59. Традиционная культура нижней Вычегды: проблема «эталонной» составляющей в севернорусском фольклоре // Рябининские чтения — 2007: материалы V научной конференции по изучению народной культуры Русского Севера. Петрозаводск, 2007. С. 286—290.
60. Провинциальные издания в фонде редкой книги // Университетские библиотеки в изменяющемся мире образования, науки и культуры. К 210-летию Герценовского университета: материалы II международной научно-практической конференции. СПб., 2007. С. 15—22.
61. Пространственно-временные границы локальных / региональных традиций // Славянская традиционная культура и современный мир: сборник материалов научной конференции. М., 2007. Вып. 10. С. 7—23.
62. Поздняя повесть о Стефане Пермском и Сказание о пермских епископах (проблемы литературной преемственности) // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2007. Т. 58. С. 374—400.
63. Фольклорная экспедиция 2007 г. в Архангельскую область // Русский фольклор. СПб., 2008. Т. 33. С. 405—417. (в соавторстве с А. И. Васкул, Н. Г. Комелиной).
64. Традиционная культура Усть-Цильмы. Лирические песни: научное издание / сост. Т. С. Канева (отв.), А. Н. Власов, А. Н. Захаров, Ю. И. Марченко, Е. А. Шевченко. М., 2008.
65. Частные коллекции в фонде редкой книги Фундаментальной библиотеки им. имп. Марии Феодоровны РГПУ им. А. И. Герцена. СПб., 2007. (в соавторстве с С. Е. Волосковой, Г. В. Галасевой, О. В. Селивановой).
66. Печорские былинные новообразования (проблемы интерпретации) // Художественный текст: Восприятие. Анализ. Интерпретация: сборник научных статей в честь 70-летия профессора Ю. А. Новикова. Вильнюс, 2008. С. 26—37.
67. Народный исполнитель в контексте письменной культуры // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 11. Личность в фольклоре: исполнитель, мастер, собиратель, исследователь: сборник научных статей. М., 2008. С. 36—55.

68. Проблемы генезиса народной необрядовой лирической песни // Актуальные проблемы современной фольклористики и изучения классического наследия русской литературы: сборник научных статей памяти профессора Е. А. Костюхина. СПб., 2009. С. 53—64.
69. Сольвычегодский историко-художественный музей как фактор формирования провинциального текста культуры нижней Вычегды // Культура Русского Севера: память и интерпретации: материалы и исследования. СПб., 2009. С. 3—5
70. Фольклорно-археографическая экспедиция на Терский берег Белого моря, в Соловецкий музей-заповедник и г. Кемь // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2009. 3 (56). С. 224—231 (в соавторстве с А. И. Васкул, Н. Г. Комелиной).
71. Рассказы об охотниках из записок краеведа Т. В. Ажгибкова // Живая старина. 2009. № 2. С. 13—14.
72. Современные локальные и «национальные» мифы Республики Коми: опыт деконструкции // Сборник статей в честь М. П. Чередниковой. М., 2010. С. 31—47.
73. Житийные повести и сказания о святых юродивых Прокопии и Иоанне Устюжских. СПб., 2010.
74. Саморефлексия в традиционной культуре как объект комплексного исследования // Материалы Второго Всероссийского конгресса фольклористов. М., 2011. Т. 3. С. 8—27.
75. Музыкально-поэтический фольклор русских нижней Вычегды // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2011. 1 (62). С. 113—121 (в соавторстве с Е. А. Дороховой).
76. Ранние источники в изучении эпической традиции Зимнего берега Белого моря // Классический фольклор сегодня: материалы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Бориса Николаевича Путилова. Санкт-Петербург, 14—17 сентября 2009 г. СПб., 2011. С. 125—142.
77. «Свой» мир нижневыхгодской фольклорной традиции (к определению границ этнокультурного региона) // Рябининские чтения — 2011: материалы VI научной конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 2011. С. 243—247 (в соавторстве с Е. А. Дороховой).
78. Усть-цилемские лирические песни: история и контекст традиции // Русский фольклор. СПб., 2011. Т. 34. (в соавторстве с Т. С. Каневой).
79. Сказания и повести о местнотимых святых и чудотворных иконах Вычегодско-Двинского края. СПб., 2011.
80. Типичное и особенное в устных и письменных формах нарративов о местных святых и чудотворных иконах // Believe Narrative Genres: Papers of The Third BNN, ISFNR Symposium. Novi Sad, 2013. С. 125—132.
81. Фольклорное двуязычие в традиционной культуре коми // Народная культура в слове и тексте: сборник исследований и материалов памяти В. В. Филипповой. Сыктывкар, 2013. С. 37—43.
82. Музыкально-поэтический фольклор нижней Вычегды (материалы к Своду русского фольклора) / сост., подгот. текстов, ст. и коммент. А. Н. Власова, Е. А. Дороховой, Т. С. Каневой, З. Н. Мехреньгиной; отв. ред. А. Н. Власов. СПб.: Пушкинский Дом, 2014.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Барсегян Анна Ашотовна — соискатель кафедры культурологии и социально-культурной деятельности Уральского федерального университета имени первого президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург.

E-mail: barrso@mail.ru

Борыс Ивона — кандидат филологических наук, адъюнкт кафедры славянского языкознания Института восточного славяноведения Варминско-Мазурского университета, Ольштын, Польша.

E-mail: iwona.borys@uwm.edu.pl, iwona.borys@rambler.ru

Бровкина Татьяна Владимировна — заведующая отделом редких книг и рукописей Научной библиотеки СГУ имени Питирима Сорокина, аспирант Института гуманитарных наук, кафедры русской филологии СГУ имени Питирима Сорокина, Сыктывкар.

E-mail: tatjana-brovkina@rambler.ru

Бруцкая Людмила Андреевна — кандидат исторических наук, доцент. Методист Верхнегородковского детского центра народных ремёсел, Пермский край, Чусовской район, пер. Пролетарский, д. 5.

E-mail: l.bruckaya@gmail.com

Бунчук Татьяна Николаевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии Института гуманитарных наук СГУ имени Питирима Сорокина, Сыктывкар.

E-mail: tnbunchuk@mail.ru

Волкова Татьяна Федоровна — доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии Института гуманитарных наук СГУ имени Питирима Сорокина, Сыктывкар.

E-mail: volkovatf777@gmail.com

Канева Татьяна Степановна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии Института гуманитарных наук СГУ имени Питирима Сорокина, Сыктывкар.

E-mail: folk@syktsu.ru

Кириченко Марина Николаевна — главный хранитель музейных предметов Национального музея Республики Коми, Сыктывкар.

E-mail: volkovatf777@gmail.com

Кожевина Светлана Федоровна — студентка 4 курса ИГН кафедры русской филологии (профиль «русский язык и литература») СГУ им. Питирима Сорокина, Сыктывкар.

E-mail: koyevina-lana

Лейман Ирина Игоревна — к. и. н., заведующий кафедрой связей с общественностью и рекламы Института гуманитарных наук СГУ им. Питирима Сорокина, Сыктывкар.

E-mail: ign@syktsu.ru

Мелихов Михаил Васильевич — доктор филологических наук, профессор кафедры русской и общей филологии Института гуманитарных наук Сыктывкарского государственного университета СГУ им. Питирима Сорокина, Сыктывкар.

E-mail: melikhovm@mail.ru

Мигунова Светлана Степановна — к. ф. н., доцент кафедры русской филологии (профиль «Русский язык и литература») СГУ имени Питирима Сорокина, Сыктывкар.

E-mail: svetlanamigunowa@yandex.ru

Мишарина Марина Михайловна — магистрант 1 курса, институт гуманитарных наук СГУ им. Питирима Сорокина, Сыктывкар.

E-mail: marisha06081993@gmail.com

Розов Александр Николаевич — доктор культурологии, профессор, ведущий научный сотрудник сектора фольклора ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом), Санкт-Петербург.

E-mail: rosov@list.ru

Розова Дарья Александровна — независимый исследователь, Париж.

E-mail: rosov@list.ru

Чужмарова Анастасия Федоровна — учитель русского языка и литературы средней образовательной школы с. Объячево Прилузского района Республики Коми.

E-mail: tnbunchuk@mail.ru